СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 2.

ОТЧЕТЪ
о
ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ
ЗА 1883 ГОДЪ
съ
ПРИЛОЖЕНІЕМЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
И. В. ЯГИЧЕМЪ.

СЪ ТРЕМЯ ЛИТОГРАФ. ТАБЛИЦАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Іюнь. 1884 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ ВЪ 1883 ГОДУ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

Академикомъ **И. В. Ягичемъ.**

Успѣшный ходъ научныхъ изслѣдованій заключается не только въ выводахъ, обогащающихъ наши познанія новыми истинами, но и въ добросовѣстно исполняемыхъ задачахъ предварительнаго характера, въ внимательномъ наблюденіи явленій, въ усердномъ собираніи данныхъ, въ тщательномъ сравненіи и провѣркѣ собранныхъ матеріаловъ. Иногда выпадаетъ на долю не одного только поколѣнія довольствоваться скромною ролью наблюдателей и собирателей, пока наступитъ пора выводовъ въ широкихъ размѣрахъ или же практическаго примѣненія наукою добытыхъ истинъ на пользу человѣчества. Радуясь удачному рѣшенію того или другого вопроса, наука должна съ признательностью вспоминать и о всѣхъ тѣхъ, которыхъ усиліями сдѣлалось возможнымъ довести дѣло до конца.

Русская филологія, какъ часть славянской, находится теперь еще въ такомъ состояніи, что нуждается въ многочисленныхъ трудахъ археологическаго и библіографическаго свойства. Для

полноты выводовъ, которые должны освѣтить историческій ходъ русскаго языка, желательно имѣть какъ можно болѣе изданій памятниковъ, описаній и обозрѣній содержанія малоизвѣстныхъ рукописныхъ сборниковъ, опредѣленія ихъ особенностей палеографическихъ и степени зависимости отъ извѣстныхъ или предполагаемыхъ подлинниковъ.

Уже первый трудъ, удостоенный Ломоносовской преміи въ 1867 году, принадлежалъ къ числу такихъ явленій русской научной литературы, которыя, не задаваясь рѣшеніемъ какого либо спеціальнаго вопроса, сразу дѣлаются необходимымъ пособіемъ для успѣшной разработки цѣлаго ряда ихъ. Это было «Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки» А. Горскаго и К. Невоструева. Тогдашняя коммисія конечно не случайно остановилась на упомянутомъ трудѣ, выборъ былъ обусловленъ какъ высокими достоинствами самого сочиненія, такъ и общимъ ходомъ русско-славянской филологіи. Два раза послѣ того приходилось присуждать преміи лексикографическимъ трудамъ, разъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ области русской грамматики. Въ нынѣшнемъ году вниманіе коммисіи было опять обращено въ ту сторону, которая нашла достойную оцѣнку въ первомъ присужденіи, на рядъ изданій неутомимаго труженика въ области славяно-русской литературной археологіи, архимандрита о. Амфилохія, окончившаго въ послѣдніе годы нѣсколько важныхъ изданій по древнерусской письменности въ связи съ славянскою и греческою, именно: на изданное имъ съ 1879 по 1881 годъ „*Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ съ IX по XVII вѣкъ*“, въ четырехъ томахъ in folio, обнимающее 366 страницъ текста и 113 таблицъ литографированныхъ снимковъ; на оконченныя въ 1881 году вторымъ изданіемъ изслѣдованія о древнеславянскомъ переводѣ псалтыри, подъ заглавіемъ: „*Древлеславянская псалтирь симоновская до 1280 года, сличенная съ рукописными псалтирями XI—XVII в. и старопечатными XV и XVI в., съ греческимъ текстомъ X вѣка сличеннымъ съ псалтирью въ Синайской библіи, псалтирью 862*

года, псалтирью X в. Норовскою, псалтирью X—XI в.", въ 4 томахъ; и наконецъ какъ на новѣйшій трудъ, на изданіе галицкаго евангелія 1144 года, появившееся въ свѣтъ въ 1883 году въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ: „*Четвероевангеліе Галичское 1144 года, сличенное съ древлеславянскими рукописными евангеліями XI—XVII в. и печатнымъ Острожскимъ 1571 и Кіевскимъ 1788 г., съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 835 года*" и т. д.

Зная зависимость славянской палеографіи отъ греческой, мы считали бы первый изъ упомянутыхъ трудовъ о. Амфилохія и тогда важнымъ для русской литературы, если бы онъ ограничился одними снимками съ греческихъ рукописей. Но трудолюбивый авторъ на этомъ не остановился. Въ обширныхъ введеніяхъ, предпосланныхъ таблицамъ каждаго тома, въ одинакой мѣрѣ обращено вниманіе какъ на греческіе тексты, послужившіе источниками для приложенныхъ снимковъ, такъ на соотвѣтствующіе имъ славянскіе переводы. Такимъ образомъ это изданіе даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе его. Это не только палеографическое описаніе греческихъ рукописей, а богатый сборникъ библіографическихъ указаній и по малоизвѣстнымъ подлинникамъ изданныхъ текстовъ греческихъ и славянскихъ. Остановимся на богатомъ и разнообразномъ содержаніи послѣднихъ. Въ I томѣ напечатаны между прочимъ параллельно съ греческими текстами отрывки изъ сборниковъ Святослава 1073 и 1076 года, изъ евангелія 1144 года (которое тогда еще не было издано), изъ толковаго апостола 1220 года, изъ постническихъ главъ рукописи чудовской библіотеки 1358 года (о которой въ обозрѣніи И. И. Срезневскаго и не упоминается), изъ лѣствичника рум. муз. XII в. № 198 (извѣстнаго только по краткому описанію у Востокова), изъ маргарита 1499 года московской синод. библіотеки, изъ поученій Григорія богослова по списку синод. библіотеки, XIV в.—Во II томѣ имѣются отрывки изъ типографскихъ апракосъ- и четверо-евангелія XII в., изъ евангелій: юрьевскаго, добрилова и карпинскаго, изъ словъ Константина презвитера

болгарскаго по синодальному списку XII—XIII в., изъ богородичника рум. м. XV в. и такого же синодальной библіотеки XV в., изъ часослова XIII—XIV в. синод. библіотеки, изъ житія св. Өеодора XVI в. собранія Ундольскаго, изъ постановленій апостольскихъ синод. библіотеки (безъ обозначенія времени), изъ трефологія собранія о. Амфилохія XV—XVI в., изъ стихираря XII в. соф. новгор. библіотеки. — Въ III томъ вошли отрывочные тексты изъ каноновъ XIV в. рум. муз., изъ служебника хутынскаго XIII в., изъ діоптры 1493 года, изъ кормчей XI—XII в. синод. библіотеки, изъ тріоди постной XII в. той же библіотеки, и т. д. — Въ IV томѣ заключаются отрывки изъ январьской минеи типографской XI вѣка, изъ декабрьской XII—XIII в. и изъ разныхъ другихъ служебныхъ книгъ.

Многіе изъ упомянутыхъ здѣсь памятниковъ до сихъ поръ были извѣстны почти только по имени, а здѣсь впервые сообщаются изъ нихъ отрывки текста при удобной для пользованія обстановкѣ, т. е. съ параллельно прибавленными греческими подлинниками, заимствованными тоже исключительно изъ рукописей. Надѣясь, что текстъ напечатанъ довольно вѣрно, нельзя не поблагодарить о. Амфилохія за это обогащеніе нашихъ свѣдѣній по древне-русской письменности.

Изслѣдованіе о псалтыри въ первыхъ двухъ томахъ обнимаетъ полный славянскій переводъ по списку XIII вѣка съ прибавкою параллельнаго текста греческаго по списку X вѣка; къ обоимъ текстамъ присоединено множество разночтеній. Въ третій томъ послѣ дополненій (славянскихъ и греческихъ), обыкновенно присоединяемыхъ къ псалмамъ такъ называемыхъ слѣдованныхъ псалтырей, вошли отрывочныя замѣчанія автора о переводахъ и толкованіяхъ, съ извлеченіями славянскаго текста изъ послѣднихъ, и наконецъ небольшой объяснительный словарь. Послѣдній (четвертый) томъ содержитъ сводный текстъ перевода псалмовъ на нынѣ употребительный церковный языкъ, подобранный авторомъ изъ различныхъ, старыхъ и новыхъ, славянскихъ и русскихъ переводовъ, сообразно съ требованіями еврейскаго подлинника.

Хотя и этотъ трудъ не рѣшаетъ многихъ вопросовъ, которые наука обязана задать себѣ о переводѣ столь важной въ христіанской жизни народа книги, все-таки изданіе о. Амфилохія богато драгоцѣнными указаніями.

Наконецъ недавно (втеченіе 1882 и 1883 годовъ) вышло опять новое немаловажное изданіе того же автора: Четвероевангеліе галичское 1144 года. Оно здѣсь впервые издано въ полномъ видѣ, съ прибавкою параллельнаго греческаго текста, заимствованнаго изъ знаменитой порфиріевской минускульной рукописи 835 года; тотъ и другой текстъ съ многочисленными разночтеніями. Къ этому содержанію двухъ объемистыхъ томовъ (I томъ на XXI и 897, II томъ на 1008 стр.) прибавленъ еще третій въ видѣ дополненія (*„Дополненіе къ галичскому сличительному четвероевангелію“*), въ которомъ говорится то снова о разночтеніяхъ по глаголическимъ спискамъ, то о переводахъ и исправленіяхъ евангельскаго текста, наконецъ приложенъ маленькій словарь, къ сожалѣнію не въ алфавитномъ порядкѣ.

Нельзя правда согласиться ни со всѣми пріемами автора, принятыми въ изданіи этого памятника, ни съ нѣкоторыми мнѣніями, высказанными въ третьемъ томѣ, однакожъ суть дѣла въ томъ, что онъ опять оказалъ новую услугу славянской филологіи, напечатавъ памятникъ древнерусской письменности, замѣчательный полнотою содержанія и мѣстомъ происхожденія, обогативъ его ссылками на разные другіе, отчасти мало извѣстные до сихъ поръ тексты, которые даютъ возможность вникнуть въ характеръ каждаго отдѣльнаго изъ нихъ, опредѣлить ихъ взаимную зависимость другъ отъ друга и ихъ отношеніе къ существующимъ или пока еще не открытымъ старшимъ подлинникамъ южнославянскаго письма.

Имѣя въ виду эту богатую дѣятельность архимандрита о. Амфилохія за послѣдніе годы, посвящающаго давно уже все свое время древностямъ славянской письменности, приносящаго немало матеріальныхъ жертвъ на изданія трудовъ не оплачивающихся, главнымъ же образомъ руководясь убѣжденіемъ, что

упомянутые труды о. Амфилохія внесли въ славянскую филологію богатый вкладъ драгоцѣнныхъ источниковъ и пособій, отдѣленіе русскаго языка и словесности постановило присудить о. Амфилохію Ломоносовскую премію за 1883 годъ. Это постановленіе было одобрено въ общемъ собраніи Императорской Академіи наукъ 3 декабря т. г.

Остановимся на каждомъ изъ упомянутыхъ изданій нѣсколько подробнѣе, не для того только, чтобы разбирать, какъ авторъ выполнилъ свою задачу, хотя я по неволѣ и этого долженъ коснуться, но чтобы сообразно съ содержаніемъ каждаго изъ трехъ сочиненій, и самому по мѣрѣ возможности участвовать въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ, которые могутъ и должны быть подняты по поводу этихъ изданій.

I.

Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ съ IX по XVII вѣкъ.

Славянское письмо (какъ кирилловское такъ глаголическое) обязано своимъ существованіемъ греческому. Всѣ палеографическіе пріемы древнихъ славянскихъ памятниковъ образовались подъ непосредственнымъ вліяніемъ графики греческой. Несмотря на этотъ фактъ, изслѣдованія по греческой палеографіи въ русской литературѣ крайне небогаты; почти все существующее ограничивается передачею почерка разныхъ памятниковъ въ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ снимкахъ; да и послѣднихъ не много. Въ «*Матеріалахъ для исторіи письменъ*», изданныхъ въ 1855 году въ Москвѣ, изображены почерки только четырехъ греческихъ рукописей московской синодальной библіотеки; три заимствованы изъ рукописей средняго и новаго унціальнаго письма, четвертый снимокъ представляетъ минускульное письмо. Ни одна изъ рукописей не помѣчена годомъ, снимки сдѣланы очень недурно. Это изданіе повидимому осталось неизвѣстнымъ заграничнымъ палеографамъ, Гардтгаузенъ не упоминаетъ о немъ ни словомъ. Зато пользуется заслуженною извѣстностью палеографическій трудъ епископа можайскаго (нынѣ архіепископа тверскаго) Саввы: *Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки*, изд. въ 1863 г. въ Москвѣ. Не буду повторять того, что объ этомъ великолѣпномъ изданіи сказано покойнымъ И. И. Срезневскимъ (см. въ XV томѣ «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесно-

сти» статью озаглавленную «о русскихъ трудахъ по греческой палеографіи» стр. VIII—IX); прибавлю только, что во всѣхъ новѣйшихъ руководствіяхъ по палеографіи, въ числѣ важныхъ пособій указываютъ на этотъ трудъ епископа Саввы, отдавая полную справедливость ему (сл. W. Wattenbach Anleitung zur griech. Palaeographie [2] 4; V. Gardthausen Griechische Palaeographie 15).

Въ то же время московскій публичный музей началъ было издавать «*Фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ московской синодальной бывшей патріаршей библіотекѣ* (есть и французское заглавіе: Copies photographiées des miniatures des Manuscrits grecs)», всего издано три выпуска, in folio, 1862—1865 года. Изданіе превосходное, но по своей недоступности не оказавшее существенной пользы наукѣ. Впрочемъ и цѣль его не палеографія, а исторія миніатюрнаго искусства; въ планъ его входили только греческія рукописи съ миніатюрами. Въ первомъ выпускѣ изображены въ фотографическихъ снимкахъ всѣ миніатюры (ихъ 24), находящіяся въ рукописи синод. библіотеки: акаѳистъ Божіей Матери, относимой одними къ X, другими къ—XIV вѣку; несомнѣнно послѣднее опредѣленіе ближе къ истинѣ. Второй выпускъ представляетъ миніатюры (числомъ 57) изъ греческой минеи за февраль и мартъ, рукописи XI (а можетъ быть и XII) вѣка. Въ третьемъ выпускѣ заключаются снимки съ миніатюръ двухъ рукописей: словъ Григорія богослова X вѣка (а можетъ быть и XI) и новаго завѣта съ псалтырью XII вѣка. На многихъ таблицахъ при миніатюрахъ виденъ конечно и почеркъ письма, но въ палеографическомъ отношеніи всѣ эти рукописи не такъ важны.

Иные снимки, преимущественно эпиграфическіе, попали въ разныя повременныя изданія археологическаго характера; самое важное мѣсто въ числѣ ихъ безспорно занимаетъ трудъ архимандрита Антонина, изданный въ 1874 году археологическимъ обществомъ подъ заглавіемъ «*О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ*». Значеніе снимковъ, приложенныхъ къ этому изданію для греческой палеографіи, вызвало дѣльную и въ рус-

ской литературѣ доселѣ единственную статью И. И. Срезневскаго, напечатанную въ XV томѣ Сборника: «*Палеографическiя наблюденiя по памятникамъ греческаго письма*». Къ сожалѣнiю и изданiе архимандрита Антонина осталось мало извѣстнымъ тѣмъ, которые на западѣ занимаются палеографiею: Гардтгаузенъ знаетъ объ изслѣдованiи И. Срезневскаго со словъ проф. Лескина, но о самомъ изданiи надписей не говоритъ ничего, очевидно онъ не видалъ его. Иначе трудно вѣрить, что бы онъ пропустилъ въ числѣ новѣйшихъ тружениковъ по греческой эпиграфики упомянуть достойнаго русскаго ученаго.

Наконецъ въ нынѣшнемъ году какъ одинъ изъ результатовъ путешествiя профессора новороссiйскаго университета Н. П. Кондакова на Синай вышелъ фотографическiй альбомъ видовъ и древностей синайскаго монастыря, изданный провожавшимъ его художникомъ фотографомъ Рауль: *Vues et antiquités du Sinaï par M. le Professeur Kondakoff et photographe J. X. Raoult*. Изъ сотни таблицъ этого прекраснаго изданiя греческой палеографiи посвящено болѣе чѣмъ половина. Русскiй ученый посѣтилъ Синай съ цѣлью, что бы пополнить свои свѣдѣнiя по исторiи византiйскаго искусства; его вниманiе конечно главнымъ образомъ было сосредоточено на рукописяхъ съ миніатюрами, но почти всѣ таблицы кромѣ иллюстрацiй даютъ по нѣсколько строкъ текста, по этому изданiе оказываетъ немалую услугу тоже греческой палеографiи. Большинство рукописей, съ которыхъ сняты снимки, принадлежитъ X—XII в.; болѣе точное опредѣленiе времени у иныхъ изъ нихъ затруднительно. Напр. снимокъ представленный на табл. 76-й съ иллюстрированной минеи ноябрьской въ сочиненiи проф. Кондакова (Путешествiе на Синай, стр. 159) отнесенъ къ XII вѣку, въ атласѣ же помѣченъ XI в.; первое опредѣленiе вѣрнѣе. На табл. 85-ой изображены инициальныя буквы съ нѣсколькими строками текста изъ поученiй св. Ѳеодора Студита; рукопись прiурочивается авторомъ въ сочиненiи то къ IX вѣку (на стр. 126), то къ X-му (на стр. 159), но мнѣ сдается, что и это послѣднее опредѣленiе можно еще понизить на одно столѣтiе (на снимкѣ

минускульнаго характера, я замѣчаю уже примѣсь унціальнаго почерка въ буквахъ ε ϰ, λ, встрѣчается открытое ϑ вм. θ). По крайней мѣрѣ въ сравненіи съ таблицею 88-ой, изображающею снимокъ съ лѣствицы Іоанна X вѣка, характеръ письма преждеупомянутой рукописи несомнѣнно новѣе. Конечно проф. Кондаковъ причисляетъ лѣствицу Іоанна № 417 на стр. 109 своего Путешествія не къ X, а къ VIII или началу IX вѣка, но мнѣ кажется, что и съ этимъ опредѣленіемъ трудно согласиться; вѣрнѣе сказать, что и эта рукопись принадлежитъ концу IX или началу X столѣтія (почеркъ ея похожъ на таблицу 4-ю у Ваттенбаха и Фельзена съ опредѣленнымъ годомъ 905). При возможности такого колебанія было бы крайне желательно получить побольше снимковъ съ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ; къ сожалѣнію ихъ не много и за исключеніемъ одной унціальной 967 года, съ которой снято нѣсколько таблицъ (№ 79—82, № 83 въ томъ экземплярѣ, который былъ у меня подъ руками, нѣтъ), всѣ прочія начинаются только съ XI вѣка; снимки съ этихъ послѣднихъ ограничиваются коротенькими послѣсловіями, сгруппированными на нѣсколькихъ таблицахъ.

За исключеніемъ двухъ трехъ замѣтокъ въ сочиненіи Антонина и нѣсколькихъ таблицъ въ изданіи еп. Саввы, изображающихъ ходъ греческаго письма въ хронологическомъ порядкѣ— о чемъ см. отзывъ Гардтгаузена въ его Griechische Palaeographie S. 15—только въ вышеупомянутой статьѣ И. И. Срезневскаго представлены нѣкоторыя общія наблюденія по греческой палеографіи. Важный и естественный вопросъ объ отношеніи славянской графики къ греческой остался и здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ упомянутыхъ трудахъ, не тронутымъ.

Переходимъ къ палеографическимъ трудамъ архимандрита Амфилохія.

Влекомый любовью къ славянскимъ древностямъ, архимандритъ Амфилохій давно уже убѣдился въ томъ, что изучать славянскіе памятники можно только не упуская изъ виду ихъ главнаго источника, письменности греческой. Послѣдней посвящалъ онъ вте-

ченіе многихъ лѣтъ значительную часть свободнаго времени, если не въ качествѣ систематическаго изслѣдователя греческой палеографіи, такъ по крайней мѣрѣ какъ усердный собиратель матеріаловъ, описатель памятниковъ и переписчикъ многихъ изъ нихъ черезъ прозрачную бумагу, чтобы практически изучить ихъ почерки. Бо́льшая часть накопившихся матеріаловъ была въ разныя времена напечатана, но въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, предназначенныхъ не для публики, а только для немногихъ любителей. Вотъ какъ лѣтъ восемь тому назадъ отзывался объ этой дѣятельности арх. Амфилохія академикъ И. И. Срезневскій: «Едва ли кто нибудь на своемъ вѣку приготовилъ самъ своею рукою столько снимковъ съ такого множества рукописей, какъ архимандритъ Амфилохій въ тѣ годы, когда живя въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ онъ могъ находить утѣшеніе отъ невзгодъ его постигшихъ только въ молитвѣ и въ научныхъ занятіяхъ. Все за что брался, снималъ онъ на прозрачную бумагу литографическими чернилами и найдя для себя добраго помощника въ литографѣ Гавриловѣ, печаталъ свои снимки для раздачи любителямъ. Это не были изданія въ обыкновенномъ смыслѣ слова; библіографія ихъ не отмѣчала, въ библіотеки они попадали случайно; но все-таки это были изданія, доступныя по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, подобно тѣмъ печатнымъ книгамъ, которыя печатаются въ очень маломъ числѣ оттисковъ». Срезневскій упоминаетъ нѣкоторыя изъ этихъ изданій, но далеко не всѣ. Такъ напр. въ библіотекѣ Императорской академіи наукъ я нашелъ литографическій снимокъ 25 листовъ изъ греческаго требника XIV вѣка, синодальной библіотеки № 279. Снимокъ обнимаетъ литургію св. Василія великаго, сдѣланъ и изданъ архимандритомъ Амфилохіемъ, не знаю когда. Или же—изучая греческій кондакарій, архимандритъ Амфилохій уже въ 1869 году снялъ съ греческой рукописи XII—XIII вѣка (находится въ синодальной библіотекѣ) довольно много листовъ, которые лѣтъ черезъ десять имъ же были налитографированы и вышли отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: «*Снимки изъ кондакарія XII—XIII в.*

сдѣланные архимандритомъ Амфилохіемъ въ ,аѿоѳ году. Москва. Литографія Гаврилова». Книжечка обнимаетъ 227 стр. въ мал. 4.

Эти многолѣтнія занятія два раза заставили автора привести свой матеріалъ въ нѣкоторый порядокъ, чтобы представить его въ болѣе систематическомъ видѣ. Первый разъ по поводу перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, въ «Трудахъ» котораго Амфилохій напечаталъ статью озаглавленную «*О вліяніи греческой письменности на славянскую съ IX по начало XVI вѣка*» (во II томѣ, на стр. 860—873 съ приложеніемъ 17 таблицъ въ б. л.). Несмотря на краткость этой статьи, въ ней есть нѣкоторыя указанія, которымъ греческая палеографія въ новѣйшее время придаетъ большое значеніе. Если бы изложеніе автора заблаговременно стало извѣстнымъ спеціалистамъ-палеографамъ западной Европы, они не преминули бы отдать справедливость его вѣрному палеографическому чутью. Такъ онъ основательно отвергалъ возможность причислять къ VIII вѣку синодальное евангеліе № 226, чего желалъ еще епископъ Савва; его противоположное мнѣніе основано на соображеніяхъ, которыя вполнѣ подтверждаются новѣйшими изслѣдованіями греческой палеографіи (см. Гардтгаузенъ Griech. Palaeographie 160 и слѣд.). Жаль только, что авторъ ни тогда ни послѣ не попытался сгруппировать тѣ палеографическія данныя, благодаря которымъ только въ послѣднее время наука стала точнѣе опредѣлять характеръ литургическаго унціальнаго письма, въ чемъ преимущественная заслуга профессора Гардтгаузена; ср. его статью «Die jüngere Unciale» въ Beiträge zur griech. Palaeographie, Leipzig 1879.

Укажу на другое вѣрное замѣчаніе Амфилохія. «Въ греческихъ рукописяхъ X в., говоритъ онъ, заглавія закрашивались блѣдно-желтою краскою, похожею на сокъ отъ весеннихъ почекъ душистаго тополя, какъ и въ славянскихъ юсовыхъ рукописяхъ XI вѣка». Хотя авторъ и не воспользовался этимъ вѣрно подмѣченнымъ фактомъ въ смыслѣ обогащенія нашихъ палеографиче-

скихъ наблюденій, я привожу его все-таки потому, что онъ только въ новѣйшее время сталъ обращать на себя вниманіе спеціалистовъ-палеографовъ, какъ мнѣ извѣстно изъ частнаго разговора съ проф. Гардтгаузеномъ. И въ моемъ изданіи Маріинскаго евангелія указано уже на эту черту (см. снимокъ и стр. 408 изданія), только что въ глаголическомъ памятникѣ закрашиваніе дѣлалось малиноваго или вишневаго цвѣта краскою. Проф. Гейтлеръ сообщаетъ о томъ же пріемѣ, существующемъ въ синайской глаголической псалтыри, гдѣ закрашиваніе производилось желтоватою или зеленоватою краскою, и о глаголическомъ служебникѣ синайскаго монастыря разсказываетъ тоже самое. Оба эти памятника принадлежатъ по всей вѣроятности XI вѣку. Нельзя стало быть утверждать, что упомянутое закрашиваніе было въ ходу только въ X вѣкѣ; этотъ палеографическій пріемъ продолжался также въ памятникахъ XI, даже и начала XII вѣка (въ рукоп. Императорской публичной библіотеки № 100, написанной въ 1111 году, заглавія отдѣльныхъ статей слегка намазаны желтоватою краскою, какъ это вѣрно указано у Амфилохія въ «Палеографическомъ описаніи» II. 59—60. Къ этому надо прибавить, что такимъ же способомъ отмѣчены иныя строки въ стихирарѣ 1106 года, но только съ л. 199 по 205 и на послѣдней страницѣ послѣсловія).

Упомянутая статья Амфилохія дѣлаетъ наконецъ честь его палеографическимъ познаніямъ еще и тѣмъ, что въ ней высказалось его твердое убѣжденіе, что источниковъ или первообразовъ нашего кирилловскаго письма не надобно искать въ болѣе древнемъ греческомъ почеркѣ (какъ иные полагали), когда наглядный источникъ его существуетъ въ литургическомъ унціальномъ письмѣ греческомъ IX—X вѣка.

Въ приложенныхъ къ упомянутой статьѣ таблицахъ виденъ богатый матеріалъ и большое трудолюбіе, но такъ какъ авторъ здѣсь еще почти исключительно довольствовался перечнями алфавитовъ, взятыхъ изъ реальной обстановки памятниковъ, то и къ этому труду примѣнимъ тотъ не вполнѣ благопріятный отзывъ,

который въ наукѣ былъ высказанъ по поводу хронологическихъ таблицъ епископа Саввы.

Новый случай, воспользоваться своимъ богатымъ палеографическимъ матеріяломъ, представился архимандриту Амфилохію, когда онъ рѣшился подобрать всѣ накопившіеся у него снимки съ датированныхъ греческихъ рукописей и выпустить ихъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ: *Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ.* Этотъ трудъ (нѣсколько словъ о немъ сказано выше), отличается двумя замѣчательными особенностями. Вопервыхъ онъ заключаетъ въ себѣ греческія рукописи исключительно русскихъ книгохранилищъ; вовторыхъ онъ ограничивается, какъ было уже замѣчено, рукописями опредѣленныхъ лѣтъ. Первое очень похвально потому, что издатель, заимствуя матеріалы для своего труда не изъ печатныхъ и уже доступныхъ источниковъ, а изъ подлинниковъ, хранящихся въ русскихъ библіотекахъ, такимъ образомъ расширилъ кругъ нашихъ библіографическихъ и палеографическихъ познаній. Но нельзя не признать вполнѣ основательной и ту главную мысль, которая руководила имъ въ исполненіи второго намѣренія. Пока еще палеографія не успѣла подыскать достаточнаго количества примѣтъ, знаменательныхъ для различныхъ періодовъ греческой графики какъ унціальнаго, такъ и минускульнаго письма, становится необходимымъ класть въ основаніе внимательнаго палеографическаго изученія отдѣльныхъ памятниковъ рукописи помѣченныя годами. Этого мнѣнія придерживались также издатели изящныхъ Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum (Heidelbergae 1878), Ваттенбахъ и Фельзенъ, опередившіе своимъ изданіемъ русскаго палеографа, хотя трудно сомнѣваться въ томъ, что онъ началъ собирать свой матеріалъ гораздо раньше ихъ.

Но когда уже рѣчь зашла объ изданіи Exempla codicum graecorum, я долженъ замѣтить слѣдующее: Уже въ то время, когда мнѣ былъ доставленъ первый томъ труда о. Амфилохія, я не могъ побороть того не совсѣмъ пріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ напрашивающееся сравненіе изданія москов-

скаго съ гейдельбергскимъ. Въ послѣднемъ пріятно дѣйствуетъ на глаза изящная художественная отдѣлка, большая же аккуратность въ передачѣ подлинниковъ, достигнутая новѣйшими усовершенствованіями фотографической техники, подкупаетъ и располагаетъ ко внимательному изученію; въ первомъ напротивъ очень незамысловатый и примитивный способъ сниманія на прозрачную бумагу съ такою же неусовершенствованною передачею снимковъ на камень вызываетъ поневолѣ сомнѣнія на счетъ точности, нѣтъ даже особенной охоты имъ подробно заниматься, потому что чувствуешь, что нельзя во всемъ полагаться на него (сл. Archiv für slavische Philologie IV. 699). Есть и другого рода недостатки, обусловленные иными причинами, на которые тамъ же мною указано; но все это не исключаетъ возможности остановиться на трудѣ о. Амфилохія, какъ на изданіи очень полезномъ. Если не можемъ увлекаться его внѣшностью, за то мы должны отдать полную справедливость его многосодержательности, выкупающей по моему мнѣнію недостатки техническіе, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько вообще можно при палеографическихъ снимкахъ довольствоваться и менѣе изящнымъ видомъ отдѣлки. А вѣдь позволительно же быть и менѣе требовательнымъ. Въ примѣръ приведу извѣстное руководство Ваттенбаха «Anleitung zur griechischen Palaeographie». Автографическое приложеніе этого сочиненія вмѣстѣ съ таблицами (XII Schrifttafeln zu Wattenbach's Anleitung) своею техническою стороною нисколько не превышаетъ изданія русскаго, а все-таки польза его давно уже признана всѣми (см. н. пр. Гардтгаузена Griechische Palaeographie, стр. 11—12).

Имѣя возможность провѣрить «Палеографическое описаніе» по крайней мѣрѣ на тѣхъ рукописяхъ, которыя находятся здѣсь въ Императорской публичной библіотекѣ, въ С.-Петербургской Духовной академіи и въ Археологическомъ обществѣ, я убѣдился въ томъ, что описаніе отдѣльныхъ памятниковъ вообще довольно вѣрно, снимки же настолько похожи, что по нимъ всегда легко узнать подлинникъ, и опредѣлить существенныя черты его

почерка. Судя по этой провѣркѣ, вѣроятно попадаются и другія неточности, но ихъ должно быть не много, нѣкоторыя изъ нихъ можно бы легко избѣгнуть. Напримѣръ если уже снимки сдѣланы въ двѣ краски, то по моему слѣдовало соблюдать правило, чтобы строки черной краски подлинника и во снимкѣ передавались черными буквами, и на оборотъ строки, написанныя въ подлинникѣ красными или малиновыми красками или киноварью, и въ снимкѣ что бы были передаваемы буквами краснаго цвѣта. Но это правило не всегда соблюдалось. Такъ на табл. II-ой II-го тома, въ снимкѣ съ рукописи 1020 года, первыя шесть строкъ подъ заставкою сдѣдовало напечатать буквами краснаго цвѣта; или же—на табл. XXIV-ой того же тома, въ снимкѣ съ рукописи 1111 года, строка ἀρχή и т. д. въ подлинникѣ написана обыкновенными чернилами, съ какой стати передавать ее буквами краснаго цвѣта въ печатномъ снимкѣ? Вообще о снимкахъ скажу слѣдующее: чѣмъ почеркъ подлинника крупнѣе и грубѣе, тѣмъ легче было скопировать его: въ такихъ случаяхъ снимокъ очень близокъ къ подлиннику. Но коль скоро письмо отличается тонкостью почерка, число неточностей увеличивается. Авторъ не принадлежитъ къ тѣмъ, кто неохотно сознается въ недостаткахъ своего дѣла; будемъ же и мы, оцѣнивъ общими словами достоинство его труда, довольствоваться его откровеннымъ признаніемъ «что иногда нѣкоторыя буквы или украшенія не округло копированы или какая буква тоньше или толще сдѣлана», но что онъ «заботился о точной копировкѣ».

Посмотримъ теперь, разбирая каждый томъ отдѣльно, какой матеріалъ содержитъ «Палеографическое описаніе» архимандрита Амфилохія въ сравненіи съ другими палеографическими пособіями.

Томъ I

представляетъ на 26 таблицахъ снимки съ 12 датированныхъ рукописей, изъ нихъ 4 принадлежатъ къ IX, прочихъ 8 къ X столѣтію. Въ частности

на таблицѣ I представленъ снимокъ съ рукописи 835 года (Порфиріевское евангеліе минускульнаго письма, теперь въ Императорской публичной библіотекѣ съ помѣтою: Порф. 4); къ этой таблицѣ относится текстъ стр. 7—8;

на таблицахъ II—III даны снимки съ бывшей порфиріевской псалтыри унціальнаго письма 862 года (теперь въ Императорской публ. библіотекѣ: Порф. 1); сюда текстъ на стр. 9—11;

на таблицахъ IV—VIII изображенъ въ снимкахъ почеркъ греческой рукописи, названной аскетиконъ Василія великаго, хранящейся въ синод. библіотекѣ въ Москвѣ № 254, она писана въ 880 году; сюда принадлежитъ текстъ на стр. 12—28;

на таблицахъ IX—XI помѣщенъ почеркъ рукописи 899 года, лѣствица Іоанна Лѣствичника, синод. библ. № 145; сюда текстъ стр. 29—37.

на таблицахъ XII—XIII изображены снимки съ рукописи 917 года, толкованіе на посланіе св. ап. Павла къ Римлянамъ Іоанна Златоустаго, въ синод. библ. № 96; сюда принадлежитъ текстъ стр. 38—41;

на таблицахъ XIV—XV снимки съ рукописи 932 года, сборникъ полемическаго содержанія, синод. библіотеки № 394, описаніе съ выписками на стр. 41—48;

на таблицахъ XVI—XVII снимки съ рукописи 975 года, слова св. Григорія Назіанзена богослова, синод. библіотеки № 60, описаніе съ выписками на стр. 48—55;

на таблицѣ XVIII снимки съ рукописи 977 года, бесѣды св. Василія великаго, синод. библіотеки № 20, описаніе съ выписками на стр. 55—59;

на таблицѣ XIX—XX снимки съ рукописи 990 года, толкованіе Іоанна Златоустаго на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ, синод. библіотеки № 104, описаніе съ выписками на стр. 59—64;

на таблицахъ XXI—XXIII снимки съ рукописи 992 года, лѣствица Іоанна Лѣствичника, синод. библіотеки № 313, описаніе съ выписками на стр. 64—71;

на таблицахъ XXIV—XXV снимки съ рукописи 993 года,

толкованіе Іоанна Златоустаго на посл. къ Евреямъ и Колоссянамъ, синод. библ. № 100, описаніе съ выписками на стр. 71—83;

на таблицѣ XXVI снимокъ съ грамоты 983 года, снятый съ фотографіи этой грамоты, привезенной изъ Аѳона покойнымъ Севастьяновымъ; текстъ отрывка напечатанъ на стр. 83—84.

Вотъ содержаніе перваго тома. Оно можетъ быть отчасти провѣрено, отчасти дополнено другими изданіями, на которыя считаю нелишнимъ указать. Къ первой таблицѣ можно прибавить образецъ письма той же рукописи въ Exempla codicum Ваттенбаха и Фельзена подъ № 1 или же (что одно и то же) у Гардтгаузена Beiträge zur griechischen Palaeographie I, Tafel 2, гдѣ по фотографическому снимку, доставленному самимъ преосв. Порфиріемъ (но въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ), представлены двѣ страницы этого въ палеографическомъ отношеніи важнаго кодекса. Снимокъ, сдѣланный отъ руки, конечно не можетъ соперничать съ фотографическимъ, однакожъ и послѣдній не вполнѣ удовлетворяетъ, хотя можетъ дать вѣрное понятіе объ изящномъ минускульномъ письмѣ памятника. Палеографамъ важно будетъ обратить вниманіе на оборотную страницу 1 листа и на первую страницу 344 листа, жаль что ни той ни другой нѣтъ въ снимкѣ у Амфилохія; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и этотъ почеркъ того же времени, т. е. около 835 года, но употребленіе отдѣльныхъ буквъ нѣсколько различается отъ остального письма евангельскаго текста; такъ возлѣ минускульнаго α здѣсь можно найти курсивное β, возлѣ обыкновеннаго минускульнаго ε курсивное ε, ϑ чередуется съ θ, словомъ здѣсь замѣтна наклонность къ употребленію нѣкоторыхъ буквъ по почерку минускульному и курсивному смѣшанно. Не будь тотъ же колеръ и та же величина буквъ, я бы предпочелъ вторую страницу перваго листа отнести къ болѣе позднему времени напр. къ XI или XII вѣку. Все это доказываетъ, какъ мало пока еще изслѣдованъ ходъ греческой графики VIII—IX—X вѣка.

Ко второй и третьей таблицѣ, представляющимъ почеркъ унціальнаго письма 862 года, можетъ послужить дополненіемъ

на 24 таблицѣ изданія В. Ваттенбаха «Schrifttafeln zur Geschichte der griechischen Schrift» снимокъ двухъ страницъ, сдѣланный гораздо точнѣе. Такъ напр. у Амфилохія на таблицѣ II-ой въ снимкѣ послѣдняя страница рукописи со всѣхъ сторонъ окружена шнурками, на дѣлѣ же оказывается, что въ подлинникѣ шнурка внизу нѣтъ, онъ произвольно прибавленъ литографомъ Амфилохія. Есть неточности также въ знакахъ придыханія и ударенія, т. е. въ подлинникѣ они сдѣланы очень тонкими чертами, поэтому когда снимали на прозрачную бумагу, они не всегда были видны. Описывая эту рукопись Амфилохій не забылъ припомнить, что кромѣ унціальнаго письма въ ней же встрѣчается одинъ листъ «скорописи» (л. 348), относимый имъ къ IX—X вѣку. Одну страницу этой «скорописи» издалъ Гардтгаузенъ въ Beiträge zur griechischen Palaeographie I. Leipzig 1877. Tafel I; не зная, изъ какой рукописи ее доставилъ ему преосв. Порфирій, онъ могъ только по палеографическимъ соображеніямъ считать курсивный почеркъ ея очень древнимъ. Гардтгаузенъ правъ, этотъ листъ составляетъ вмѣстѣ съ листомъ 345 одно цѣлое, пергаментъ тонкій, оба листа на видъ не позднѣе, а вѣроятно древнѣе всей рукописи; вшиты ли они (эти два листа, т. е. 345 и 348) въ псалтырь Порфиріемъ или же онъ нашелъ ихъ уже вшитыми, мы этого не знаемъ, но кромѣ курсивнаго почерка страницы, изданной Гардтгаузеномъ, надо обратить вниманіе не только на то, что помѣщается на оборотной страницѣ того же листа (повидимому продолженіе текста), а также на почеркъ 345 листа, исполненнаго не курсивнымъ и не минускульнымъ, а унціальнымъ письмомъ мелкаго но довольно красиваго почерка, который можетъ быть принадлежитъ девятому столѣтію. Въ такомъ случаѣ конечно и курсивъ 348 листа писанъ въ то же время. Предоставляя рѣшеніе этого вопроса лучше меня знающимъ эту спеціальность, замѣчу еще слѣдующее: рядомъ съ наклоннымъ почеркомъ унціальнаго письма попадается на 343 листѣ обр. 5 строкъ хорошаго, прямого почерка, который можно было бы считать даже ранѣе 862 года, если бы не нахо-

дился среди страницы, такъ что о времени написанія этихъ 5 строкъ не можетъ быть сомнѣнія. Новое доказательство, какъ легко видоизмѣнялся почеркъ въ одно и то же время. Къ сожалѣнію снимокъ этихъ строкъ у Амфилохія (на таблицѣ III) не даетъ правильнаго понятія о настоящемъ характерѣ письма, напр. вм. В надо было изобразить Б, вм. Y только V, буквы должны бы стоять прямо, не косо, и т. д. Въ описаніи этой рукописи невѣрно говорится, что заставка на л. 9, составлена будто бы изъ перевитыхъ между собою змѣй; нѣтъ, бока четырехугольной заставки изображаютъ просто линейный орнаментъ. Наконецъ вѣрно замѣчено, что листы 346 и 347 (не 345 и 346) писаны опять особымъ почеркомъ; но и это наклонное унціальное письмо, нѣсколько мелче письма псалтыри, по всей вѣроятности не старше его.

Къ содержанію прочихъ таблицъ можно прибавить снимки изъ тѣхъ же рукописей въ изданіи архіеп. Саввы за исключеніемъ памятниковъ, которыхъ почеркъ изображенъ на табл. 18, 21—23, 24—25 и 26. Такимъ образомъ иногда въ обоихъ изданіяхъ повторяется одно и то же, а сравненіе такихъ случаевъ доказываетъ, что снимки на таблицахъ Амфилохія довольно близко подходятъ къ снимкамъ Саввы. Если у послѣдняго техническая сторона удовлетворительнѣе, за то у Амфилохія матеріалъ богаче. Недовольствуясь только нѣсколькими строками изъ заглавій или записей, изображеніемъ заставокъ, нашъ авторъ обыкновенно прибавляетъ еще образцы алфавита, перечень различныхъ сокращеній, вязей, титлъ, знаковъ препинанія и принадлежностей палеографическаго орнамента. Интересующемуся греческою или славянскою палеографіею понятна важность всѣхъ этихъ данныхъ; поэтому безъ преувеличенія скажу, что по таблицамъ арх. Амфилохія, насколько онѣ вѣрны, можно глубже вникнуть въ особенности почерка отдѣльныхъ памятниковъ. Жаль только, что этому довольно богатому и разнообразному матеріалу не придана опредѣленная система, все выходитъ чѣмъ-то случайнымъ.

Описаніе рукописей, предшествующее таблицамъ, вдается въ

подробности болѣе библіографическаго, чѣмъ палеографическаго свойства. Конечно въ «палеографическомъ» описаніи легко обойтись безъ подробнаго изложенія содержанія каждой рукописи; еще менѣе можно ожидать обширныхъ выписокъ изъ нихъ, даже съ приложеніемъ параллельныхъ славянскихъ переводовъ. Все это собственно палеографіи не касается, потому что не прибавляетъ ничего новаго къ снимкамъ. Но отрицать пользы этихъ приложеній тоже нельзя. Зато приходится не разъ жалѣть о томъ, что авторъ не рѣшился при каждой рукописи своими словами подробно изложить всѣ выдающіяся особенности ея почерка, указывая при этомъ для поясненія на приложенные снимки; даже болѣе подробное описаніе по крайней мѣрѣ снимковъ было бы не лишнее, потому что при настоящемъ отношеніи описанія къ снимкамъ кое что остается неяснымъ.

Томъ II

изображаетъ на 30 таблицахъ почерки 21 рукописи XI и XII вѣка. Считаю не лишнимъ перечислить ихъ всѣхъ потому, что описаніе памятниковъ, предпосланное таблицамъ, въ изданіи о. Амфилохія не указываетъ на таблицы, таблицы же не указываютъ на описаніе, однимъ словомъ согласовать то и другое не очень легко.

На таблицахъ I—II представлены снимки съ рукописи 1006 года, бесѣды Іоанна Златоустаго на ев. отъ Матѳея, синодальной библіотеки № 75, описаніе съ выписками на стр. 1—4;

на таблицахъ II—III снимки съ рукописи 1020 года, евангеліе апракосъ, Импер. публ. библіотеки № 71, описаніе съ выписками на стр. 5—6;

на таблицахъ III—IV снимки съ рукописи 1022 года, канонникъ богородичный, синод. библіотеки № 438, описаніе съ выписками на стр. 7—19;

на таблицѣ V снимки съ рукописи 1022 года, житія свя-

тыхъ, синодальной библіотеки № 162, описаніе и выписки на стр. 19—28;

на таблицахъ VI и VII снимки съ рукописи 1023 года, сборникъ житій святыхъ, синодальной библіотеки № 15, описаніе съ выписками на стр. 29—35;

на таблицѣ VII кромѣ снимковъ съ упомянутаго сборника еще снимки съ рукописи 1034 года, евангеліе апракосъ, с.-петербургской духовной академіи, описаніе съ выпискою на стр. 35—37;

на таблицахъ VIII—XI снимки съ рукописи 1044 года, евангеліе апракосъ, севаст. собранія № 119 (по описанію А. Викторова № 6 (457), описаніе съ выпискою на стр. 37—39;

на таблицахъ XI—XII снимки съ рукописи 1052 года, бесѣды Іоанна Златоустаго на ев. Матѳея, синод. библіотеки № 79, описаніе съ выпискою на стр. 40—41;

на таблицахъ XII—XIII снимки съ рукописи 1055 года, евангеліе апракосъ, синод. библіотеки № 43, описаніе съ выпискою на стр. 42—43; на таблицѣ XIII у Амфилохія ошибочно означенъ годъ 1056, потому что запись указываетъ на мѣсяцъ ноябрь 6564 года;

на таблицѣ XIV снимки съ рукописи 1062 года, четвероевангеліе съ толкованіемъ, Импер. публ. библіотеки № 72, описаніе съ выпискою на стр. 44—46;

на таблицахъ XV—XVI снимки съ рукописи 1063 года, житія и похвалы святыхъ, синодальной библіотеки № 9, описаніе съ выпискою на стр. 46—49;

на таблицѣ XVII снимки съ рукописи 1069 года, сочиненія св. Іоанна Дамаскина, Импер. публичн. библіотеки № 73, описаніе съ выпискою на стр. 50—52;

на таблицѣ XVIII снимки съ рукописи 1072 года, апостолъ съ апокалипсисомъ, рукопись московской университетской библіотеки, описаніе съ выписками на стр. 52—56; въ иныхъ экземплярахъ изданія (между прочими въ томъ, который у меня подъ рукою) къ таблицѣ снимковъ изъ этой рукописи приложена еще таблица снимковъ съ миніатюръ;

на таблицахъ XIX—XX снимки съ рукописи 1086 года, аскетиконъ Василія великаго, синод. библіотеки № 29, описаніе съ выпискою на стр. 57—59;

на таблицахъ XXI—XXIII снимки съ рукописи 1106 года, стихирарь Импер. археолог. общества (сл. описаніе его въ книгѣ Опись древнихъ рукописей хранящихся въ музеѣ Импер. русскаго археологическаго общества, составлена Д. Прозоровскимъ, СПБ. 1879, стр. 3—14), описаніе и выписка у Амфилохія на стр. 74—78;

на таблицахъ XXIII—XXIV снимки съ рукописи 1111 года, постановленія апостольскія, Импер. публ. библіотеки № 100, описаніе съ выписками на стр. 59—65;

на таблицахъ XXV—XXVI снимки съ рукописи 1116 года, паремейникъ синод. библ. № 485, описаніе съ выписками на стр. 65—68; этой рукописи я не нашелъ въ Указателѣ архим. Саввы;

на таблицѣ XXVII снимки съ рукописи 1126 года, житіе Нифонта, синод. библіотеки № 406, описаніе съ выпискою на стр. 68—71; въ Указателѣ архимандр. Саввы эта рукопись озаглавлена иначе: житіе Маріи египетской;

на таблицѣ XXVIII снимки съ рукописи 1142 года, четвероевангеліе, порфиріевскаго собранія Импер. публ. библіотеки № 7, описаніе съ выпискою въ Дополненіи къ описаніямъ и выпискамъ на стр. 5—6. Амфилохій относитъ эту рукопись къ 1144 году, но приложенный на таблицѣ снимокъ доказываетъ, что не слѣдуетъ читать *μηνὶ φευρουαρίῳ κ̃γ ἰνδικτιῶνος ζ τοῦ ͵ςχνγ ἔτους*, какъ у Амфилохія напечатано, а такъ: *μηνὶ φευρουαρίῳ κ̃γ, ἰνδικτιῶνος ε̃ τοῦ ͵ςχν—ῦ ἔτους* т. е. 23-го февраля, индикта 5, 6650 года. Вѣрность этого чтенія подтверждается прибавкою: *βασιλεύοντος τοῦ ἀοιδίμου βασιλέως ἡμῶν Κυροῦ Μανουὴλ καὶ Κομνηνοῦ τοῦ Πορφυρογεννήτου*; Іоаннъ Комнинъ скончался въ 1143 году;

на таблицѣ XXIX снимки съ рукописи 1199 года, четвероевангеліе синодальной библіотеки № 278, описаніе съ выпискою на стр. 71—74;

на таблицѣ XXX снимки съ рукописи 1043—1055 года, евангеліе апракосъ, въ хлудовскомъ собраніи, описаніе съ выписками въ «Дополненіи» къ описаніямъ и выпискамъ, на стр. 1—5. Амфилохій обозначаетъ эту рукопись годомъ 1043, но опредѣленіе времени въ записи (ἐπὶ Κωνσταντίνου βασιλέως τοῦ μονομάχου καὶ ἐπὶ πατριάρχου Μιχαὴλ τοῦ Κερουλάρι) не даетъ права отнести рукопись прямо къ году 1043.

Только семь рукописей изъ здѣсь вычисленныхъ представлены въ снимкахъ у архіеп. Саввы, но и для нихъ-то я не считаю изданія Амфилохія лишнимъ, потому что оно прибавляетъ различныя подробности, которыхъ у архіеп. Саввы нѣтъ. На сколько же я могъ провѣрять описанія и снимки по подлинникамъ, я долженъ прежде всего исправить одну неточность выраженія. Амфилохій не забылъ обратить вниманіе на ту палеографическую черту, которой въ новѣйшее время придаютъ важное значеніе: рѣчь идетъ о томъ, стоятъ ли въ рукописи строки письма на нарѣзахъ (линейкахъ) или же ниже нарѣзовъ (линеекъ). Палеографическое значеніе этой разницы подробно изложено у Гардтгаузена. Замѣтки Амфилохія относительно рукописей IX и X вѣка подтверждаютъ фактъ подмѣченный Гардтгаузеномъ: ркп. 835 года писана на линіяхъ или нарѣзахъ, точно такъ рукоп. 862 г. (здѣсь при унціальномъ письмѣ это не имѣетъ значенія), въ рукописяхъ 880 и 899 года линій или нарѣзовъ не видно, рукописи же 917, 932, 977, 990 и 993 года писаны уже, по собственнымъ его словамъ «ниже линеекъ». При рукописяхъ 975 и 992 года авторъ не упомянулъ этой особенности, т. е. не сказано ни на нарѣзахъ ни ниже линеекъ. Въ рукописяхъ XI—XII вѣка, вошедшихъ во второй томъ «Описанія», мы по наблюденію Гардтгаузена конечно предполагаемъ, что строки всегда помѣщаются ниже линеекъ, однакожъ терминологія Амфилохія оставляетъ насъ въ недоумѣніи: о памятникахъ 1006, 1020, 1034, 1044, 1052, 1062, 1069, 1086, 1111, 1116, 1199 годовъ у него сказано только, что письмо писано «по нарѣзамъ»; это выраженіе естественнѣе было бы понимать въ смыслѣ «на нарѣзахъ», чѣмъ «ниже

нарѣзовъ», но на провѣрку оказывается, что рукописи 1020, 1034, 1062, 1069, 1106, 1111, 1144 года (о нихъ-то я могъ справиться въ публ. библіотекѣ) всѣ писаны «ниже линеекъ». По всей вѣроятности въ томъ же значеніи надо понимать «по нарѣзамъ» и относительно всѣхъ прочихъ рукописей XI—XII вѣка; однакожъ о рукописи 1023 года, очень неудовлетворительный снимокъ съ которой представленъ на таблицѣ 6-ой, я убѣдился, что писецъ ея (или писцы) не всегда держался правила писать ниже нарѣзовъ, а выходитъ такъ, что иногда строки начинаются на нарѣзахъ иногда между нарѣзами иногда по нарѣзамъ или ниже нарѣзовъ.

Замѣчу еще слѣдующія подробности.

Въ снимкѣ съ рукописи 1020 года на таблицѣ 4-ой заглавіе, изображенное подъ заставкою въ 5 строкахъ, въ подлинникѣ выходитъ нѣсколько иначе потому, что вмѣсто гладкихъ очертаній буквъ виденъ обыкновенный въ то время самый простой орнаментъ, маленькіе узлы, по 2—3—4 на каждомъ штрихѣ. Такимъ образомъ всѣ строки вмѣстѣ производятъ впечатлѣніе не гладкаго, а узловатаго узора, сл. такой же орнаментъ въ снимкѣ таблицы 38, въ атласѣ Кондакова-Рауль (съ евангелія X—XI вѣка) или въ снимкѣ таблицы 13 у Амфилохія или же 10 у еп. Саввы (съ евангелія 1053 года). Стоитъ упомянуть и о томъ, что въ четвертой строкѣ этого заглавія въ подлинникѣ не написано καὶ (какъ въ снимкѣ сдѣлано), а сокращенное ϗ.

Въ снимкѣ таблицы 14 у Амфилохія (съ евангелія 1062 года) почеркъ письма не выходитъ наглядно наружу, потому что не снято вмѣстѣ письмо текста и письмо объясненій. Кромѣ этого двоякаго письма тамъ же надо было обратить вниманіе еще на третій почеркъ золотомъ писанныхъ оглавленій, помѣщаемыхъ то надъ текстомъ то подъ нимъ, это красивое полуунціальное письмо писано между нарѣзами, или линейками. Передъ началомъ каждаго евангелія нарисована заставка, первая и четвертая представляютъ не полный четырехугольникъ, онѣ внизу открыты, въ видѣ П, вторая же и третья полные четырехугольники; чертежъ второй

изображенъ у Амфилохія, въ третьей заглавіе помѣщается въ заставкѣ въ строку. Такимъ образомъ эта рукопись представляетъ своими заставками переходный типъ и переходное время, о которомъ говоритъ Гардтгаузенъ на стр. 90.

Къ описанію почерка таблицы 17 (текстъ на стр. 50) надо прибавить, что первый листъ, заключающій въ себѣ оглавленіе сочиненія, написанъ малымъ унціальнымъ письмомъ; почеркъ оглавленія послѣ заставки, писаннаго золотыми буквами, нельзя назвать «не прямымъ уставомъ», это обыкновенное хорошее полуунціальное письмо, какъ видно изъ снимка.

Томъ III

заключаетъ въ себѣ снимки съ рукописей XIII—XIV вѣка, на 35 таблицахъ изображены почерки 27 рукописей. Въ этомъ и слѣдующемъ томѣ довольно трудно разобраться и угадать, какъ таблицы соотвѣтствуютъ предпосланному описанію съ выписками. Главное затрудненіе въ томъ, что не рѣдко на той же таблицѣ помѣщаются снимки съ двухъ (или даже трехъ) различныхъ рукописей и не всегда можно съ точностью опредѣлить, что принадлежитъ той и что другой рукописи. Содержаніе этого тома слѣдующее:

на таблицахъ I—II снимки съ рукописи 1235 года, богородичникъ (θεοτοκάριον) изъ собранія Севастьянова № 1116 (? по описанію А. Викторова № 8 (476) съ названіемъ: параклитикъ), описаніе съ выписками на стр. 1—4;

на таблицахъ II—III снимки съ рукописи 1275 года, псалтырь, синод. библіотеки № 197, описаніе и выписки на стр. 4—6;

на таблицахъ IV—V снимки съ рукописи 1285 года, четвероевангеліе синод. библіотеки № 227, описаніе съ выписками на стр. 6—8;

на таблицахъ VI—VIII снимки съ рукописи 1285 года, лѣствица Іоанна Лѣствичника синод. библіотеки № 146, описаніе съ выписками на стр. 9—13;

на таблицахъ VIII—IX снимки съ рукописи 1289 года, сборникъ нравственнаго содержанія, синод. библіотеки № 405, описаніе и выписка на стр. 14—17;

на таблицѣ IX снимокъ съ рукописи 1292 года, сочиненіе Раймонда медулльонскаго (не медіоланскаго, какъ у автора сказано), въ Импер. публ. библіотекѣ № 113, описаніе на стр. 18;

на таблицахъ X—XI снимки съ рукописи 1295 года, прологъ на семь мѣсяцевъ, синод. библіотеки № 300, описаніе съ выписками на стр. 19—26;

на таблицахъ XII—XIII снимки съ рукописи 1297 года, патерикъ монаха Павла, въ двухъ томахъ, рукопись синод. библ. подъ № 202 и 348; описаніе съ выпискою на стр. 26—38;

на таблицахъ XIII—XIV снимки съ рукописи 1298 года, уставъ іерусалимскій, синод. библіотеки № 202, описаніе и выписки на стр. 38—41;

на таблицѣ XV (хотя трудно опредѣлить что собственно) снимки съ рукописи 1306 года, лѣствица Іоанна, синод. библіотеки № 361, описаніе и выписка на стр. 42—44, но текстъ снимка и текстъ описанія его не совпадаютъ;

на той же таблицѣ XV и отчасти XVI снимки съ рукописи того же года 1306, литургія Іоанна Златоустаго, по фотолитографическому свитку, привезенному Севастьяновымъ, это такъ называемый Κοντάκιον (ср. у Гардтгаузена на стр. 59), описаніе съ выписками на стр. 44—50, но текстъ снимка и описаніе его не совпадаютъ;

на таблицѣ XVI снимки съ рукописи 1318 года, сборникъ нравственнаго содержанія, Импер. публ. библіотеки № 116, описаніе съ выпискою на стр. 51—52; снимокъ съ этой рукописи смѣшанъ на той же таблицѣ съ предыдущею рукописью, запись не прочитана вѣрно;

на таблицахъ XVII—XVIII снимки съ рукописи 1320 года, апракосъ евангеліе севастьяновскаго собранія № 20 (по описанію А. Викторова № 13 [464]), описаніе съ выпискою на стр. 53—54;

на таблицѣ XIX снимки съ рукописи 1321, четвероевангеліе въ частныхъ рукахъ, привезенное изъ Болгаріи; описаніе съ выписками на стр. 55—58;

на таблицахъ XX—XXI (на послѣдней трудно опредѣлить что) снимки съ рукописи 1339 года, шестодневъ св. Василія великаго, синодальной библіотеки № 251; выписки съ описаніемъ на стр. 61—65;

на таблицѣ XXI кромѣ того снимки съ рукописи 1340 года, слова Григорія богослова, синод. библіотеки № 59, описаніе съ выпискою на стр. 58—61;

на таблицѣ XXII снимки съ рукописи 1341 года, молитвы и пѣснопѣнія синод. библіотеки № 269 (сборникъ статей литургическихъ), описаніе съ выписками на стр. 65—69;

на таблицѣ XXIII снимки съ рукописи 1342 года, номоканонъ Властаря, синод. библіотеки № 149; описаніе съ выпискою на стр. 69—72;

на таблицѣ XXIV снимки съ рукописи 1344 года, тріодь постная, синод. типографской библіотеки № 484; описаніе съ выписками на стр. 72—76;

на таблицахъ XXV—XXVII снимки съ рукописи 1345 года, сборникъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго изъ маргарита, изъ книги о священствѣ и другихъ, синод. библіотеки № 136, описаніе съ выписками стр. 76—82;

на таблицахъ XXVII—XXVIII снимки съ рукописи 1345 года, лавсаикъ Палладія, синод. библіотеки № 165, описаніе съ выписками на стр. 82—87;

на таблицахъ XXIX—XXX снимки съ рукописи 1355 года, постническія слова Исаака Сирина, синод. библіотеки № 308, описаніе съ выписками на стр. 87—97;

на таблицахъ XXXI—XXXII снимки съ рукописи бумажной 1359 года, сочиненіе о созданіи твари, синод. библіотеки № 56, описаніе на стр. 97—98;

на таблицѣ XXXII снимки съ рукописи 1375 года, литургіи Василія великаго, по фотографическому снимку Севастьянова

(ср. у А. Викторова на стр. 84 подъ № 39), выписки на стр. 98—103;

на таблицѣ XXXIII снимки съ рукописи 1387 года, сборникъ полемическихъ статей, синод. библіотеки № 366, выписки на стр. 103—112;

на таблицѣ XXXIV снимки съ четвероевангелія безъ обозначеннаго времени; о. Амфилохій опредѣляетъ его по миніатюрѣ на 22 листѣ, изображающей византійскаго императора Михаила IX Палеолога (— 1320), Муральтъ напротивъ по миніатюрѣ на листѣ 383, гдѣ изображенъ на колѣнахъ молящійся ὁ δοῦλος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ Δημήτριος Παλαιολόγος, и на этомъ основаніи относитъ рукопись приблизительно къ 1450 году. По хорошей выдѣлкѣ пергамента и довольно красивому, ровному почерку письма этотъ памятникъ можно бы отнести даже раньше чѣмъ къ XIV вѣку; но точно такъ же онъ можетъ быть относимъ и къ XV вѣку. Вопросъ рѣшается только при помощи миніатюръ, что я предоставляю знатокамъ миніатюрнаго искусства; я не вижу только причины считать изображеніе Димитрія Палеолога прибавкою позднѣйшею, какъ вообще я не понимаю, почему однѣ миніатюры этой рукописи должны быть написаны до, другія же послѣ 1320 года; рукопись Импер. публ. библіотеки № 118, описаніе на стр. 113—115;

наконецъ на таблицѣ XXXV снимки съ рукописи, относимой о. Амфилохіемъ къ XIV вѣку, именно къ годамъ 1354—1376, лицевой греческій акаѳистъ синод. библіотеки № 429, описаніе на стр. 118—123. Прежде считали эту рукопись принадлежащею къ X вѣку, противъ чего говоритъ уже почеркъ крупнаго минускульнаго письма, представленный здѣсь въ снимкѣ. Если бы вѣрно было, что въ описаніи у Амфилохія сказано (длина «бумаги» такая-то, т. е. какъ будто бы подлинникъ былъ написанъ на бумагѣ!), въ такомъ случаѣ уже это обстоятельство не позволяло бы говорить о X вѣкѣ; однакожъ рукопись пергаменная, писанная двумя почерками, первый изъ нихъ хотя по крупнѣе второго и на видъ изящнѣе, въ архаистическомъ стилѣ, все-таки обнаружи-

ваетъ несомнѣнные признаки XIII—XIV вѣка, такъ поперечная черта буквы ꙗ и Д поднимается очень высоко, возлѣ ꙋ существуетъ ȝ съ широкимъ, растянутымъ нижнимъ кругомъ, буква є вытягиваетъ языкъ и связываетъ съ нимъ слѣдующія буквы, напр. о, σ и т. д.

Только часть снимковъ этого тома можетъ быть дополнена матеріаломъ вошедшимъ въ изданіе еп. Саввы, гдѣ изображены почерки тѣхъ же рукописей, которыя здѣсь представлены на таблицахъ 4—5, 6—8, 8—9, 12—13, 15—23, 27—28 и 33. Снимки у Амфилохія богаче и разнообразнѣе, но за то, вслѣдствіе разбросанности по разнымъ таблицамъ, не производятъ цѣльнаго впечатлѣнія.

Томъ IV

долженъ познакомить читателя съ почерками рукописей XV—XVII столѣтій. Таблицъ оказывается на лицо 22, которыхъ содержаніе еще труднѣе согласовать съ предпосланнымъ имъ описаніемъ, чѣмъ въ III томѣ. Поэтому польза, которую этотъ томъ долженъ бы принести изучающему греческую палеографію, становится нѣсколько проблематичною. Результатъ моихъ поисковъ, къ какому тексту отнести тотъ или другой снимокъ, вышелъ не вполнѣ удовлетворительнымъ; я не въ состояніи уяснить себѣ содержаніе всѣхъ таблицъ.

На таблицѣ I представленъ снимокъ съ рукописи 1400 года, патерикъ синодальной библіотеки № 416, описаніе на стр. 1—3;

на таблицахъ I—II снимки съ рукописи 1404 года, январьская минея севастьяновскаго собранія № 41 (№ 31 [490] по описанію А. Викторова), описаніе на стр. 3—7;

на таблицахъ II—IV снимки съ рукописи 1421 года, декабрьская минея севаст. собранія № 34 (№ 29 [484] у А. Викторова), описаніе на стр. 7—10;

на таблицѣ IV снимки съ рукописи 1424 года, грамматическіе вопросы Мануила Критскаго, Импер. публ. библ. № 58, описаніе на стр. 10—11;

на той же таблицѣ еще снимокъ съ рукописи 1444 года, которой въ описаніи я не нахожу;

на таблицѣ V снимки съ рукописи 1445 года, дѣянія апостольскія и слова Григорія богослова, синод. библіотеки № 5, описаніе съ выписками на стр. 11—22; первоначальной записи, о которой говорится въ объясненіяхъ, въ снимкѣ нѣтъ;

на таблицахъ VI—VII снимки съ молитвослова севастьяновскаго собранія № 1. (№ 17 [473] у А. Викторова), описаніе на стр. 22—25 и 44—45, двѣ приписки упоминаютъ годы 1449 и 1466, но на таблицѣ VI—VII годъ 1466 не отмѣченъ;

на таблицахъ VII—IX снимки съ рукописи 1460 года, тріодь постная севастьяновскаго собранія № 29 (№ 23 [478] у А. Викторова), описаніе и выписки на стр. 25—29, но не всѣ снимки въ текстѣ объяснены, иные же такъ помѣщены, что не видно ихъ связи;

на таблицѣ IX представленъ еще снимокъ молитвы съ помѣтою 1470 года, о которомъ нельзя сей часъ догадаться, что онъ продолжается на таблицѣ X, въ снимкѣ изображенномъ въ лѣвомъ углу ея, тамъ же читается и запись 6978 года; но какая эта рукопись? въ объясненіяхъ и выпискахъ о ней и рѣчи нѣтъ. Судя по словамъ А. Викторова, это параклитикъ севастьяновскаго собранія № 20 (489), который о. Амфилохій подъ названіемъ октоиха описываетъ на стр. 29—32; вѣроятно сюда же принадлежитъ еще цѣлая XI таблица снимковъ;

на таблицѣ XII изображено нѣсколько снимковъ: а) снимки съ рукописи 1475 года, книги ветхаго завѣта синодальной библіотеки № 19 (годъ этой рукописи не упоминается ни въ описаніи на стр. 32—33, ни въ снимкѣ на табл. XII, но изъ Указателя видно, что эта та же рукопись); б) снимки съ рукописи 1477 года, постановленія апостольскія синод. библ. № 455, описаніе на стр. 33—35; в) снимокъ съ молитвослова, помѣченный 1480 годомъ, но прямого указанія на этотъ годъ нѣтъ а пасхалія начинается 6987 годомъ. А. Викторовъ называетъ эту рукопись канонникомъ № 42 (498). Къ описанію рукописи и

снимковъ на стр. 42—44 прибавлены выписки на стр. 36—42; часть снимковъ съ этой рукописи помѣщается на таблицѣ XIII;

на таблицѣ XIII кромѣ того снимокъ съ рукописи 1517 года, метафизика Аристотеля синод. библ. № 6 (описаніе на стр. 45) и снимки съ рукописи 1520 года, служебная минея за январь синод. библ. № 330 (описаніе съ выписками на стр. 45—49); часть снимковъ помѣщается на таблицѣ XIV;

на таблицѣ XIV снимокъ съ рукописи 1542 года, уставъ синодальной библіотеки № 380 (стр. 49—50 описаніе съ выпискою) и снимокъ съ рукописи 1546 года, собраніе молитвъ синод. библ. № 318 (описаніе съ выпискою на стр. 50—51); оба снимка смѣшаны такъ, что трудно разобрать, что куда относится;

на таблицѣ XV снимокъ съ псалтыри 1547 года, севастьяновскаго собранія, у А. Викторова № 5 (470), описаніе съ выпискою на стр. 51—52;

на таблицѣ XV—XVI снимокъ съ псалтыри Максима Грека, писанной въ Твери 1540 года, она находится въ с.-петербургской духовной академіи № 78 (описаніе съ выписками на стр. 52—55);

на таблицѣ XVII снимки съ рукописи 1553 года, Іоанна Ксифилина бесѣды, синод. библіотеки № 45, описаніе на стр. 55—56;

на таблицѣ XVIII снимки: а) изъ рукописи Іоанна Кантакузина синод. библ. № 459, сочиненіе противъ Магомета писанное въ 1569 году (опис. на стр. 56), б) изъ писемъ Глики синод. библ. № 219, сочиненія 1603 года (описаніе на стр. 56), в) изъ сборника различнаго содержанія 1610 года, синод. библ. № 260 (описаніе на стр. 57);

на таблицахъ XIX—XX снимки съ рукописи 1611 года, находящейся въ частныхъ рукахъ, архіерейскій служебникъ, описаніе съ выписками на стр. 57—64;

на таблицѣ XXI снимки: а) изъ хронографа 1622 года синод. библіотеки № 457 (описаніе на стр. 65), б) изъ сборника 1625

года севастьяновскаго собранія, у А. Викторова № 69 (523), описаніе съ выписками на стр. 65—71;

на таблицѣ XXII снимки: а) изъ чего-то помѣченнаго годомъ 1627 (и 1629), б) изъ сборника статей синод. библ. № 292, написаннаго въ 1630 году; описанія снимковъ этой таблицы въ предпосланномъ текстѣ нѣтъ, есть только выписка изъ послѣдняго сборника на стр. 72—73.

Въ изданіи епископа Саввы изображены снимки изъ рукописей 1445, 1529, 1542, 1569, 1603, 1622 и 1630 годовъ и надо признать, что они лучше исполнены.

Это обозрѣніе содержанія всѣхъ четырехъ томовъ (я сдѣлалъ его, чтобы облегчить себѣ и другимъ употребленіе ихъ) доказываетъ, что въ нихъ собрано дѣйствительно немалое число снимковъ, превышающее изданіе еп. Саввы не только количествомъ, но и многими подробностями. Главный недостатокъ труда—несовершенство техническое—объясняется неблагопріятными обстоятельствами, устранить которыя стояло не во власти автора. Другой недостатокъ обусловленъ составомъ русскихъ книгохранилищъ: въ снимкахъ этого изданія изображена почти исключительно письменность церковная, палеографическій характеръ которой развивался гораздо однообразнѣе и шелъ медленнѣе, чѣмъ письменности свѣтской. Наконецъ чувствительнѣе всего—отсутствіе какихъ либо теоретическихъ указаній на то, что въ памятникѣ и его почеркѣ имѣетъ значеніе, чѣмъ отличается графика той или другой эпохи, какія начертанія и какіе пріемы свойствены тому или другому столѣтію. Мы охотно вѣримъ, что о. Амфилохій многолѣтнею практикою пріобрѣлъ столько палеографическаго навыка, что не легко ошибется относительно времени написанія рукописи (см. его признаніе въ IV томѣ), но тѣмъ болѣе жаль, что не сдѣлано ни малѣйшей попытки сообщить хоть бы самую незначительную долю этого запаса практическихъ познаній.

За исключеніемъ псалтыри 862 года — прежде порфиріевской, теперь Импер. публичной библіотеки—всѣ прочія рукописи этого изданія писаны минускульнымъ письмомъ въ обыкновенномъ текстѣ, унціальное же или полуунціальное употреблено только въ заглавіяхъ и другихъ чѣмъ-либо выдающихся строкахъ. Поэтому преимущественное вниманіе должно быть обращено на развитіе минускульнаго письма. Судя по даннымъ образцамъ оно раздѣляется на собственно минускульное письмо и на скоропись курсивную. Разница, устанавливаемая обыкновенною терминологіею, между уставомъ и скорописью не исчерпываетъ всѣхъ существующихъ различій почерковъ. Если напр. арх. Амфилохій, описывая псалтырь 862 года, обыкновенное письмо этого памятника называетъ «уставомъ», то это пожалуй вѣрно, хотя правильнѣе было бы этотъ уставъ назвать «наклоннымъ литургическимъ уставомъ». Но если тамъ же сказано, что въ той же рукописи находится листъ (348) писанный «скорописью», то это выраженіе въ сравненіи съ прочими случаями, гдѣ слово «скоропись» употребляется въ смыслѣ обыкновеннаго минускульнаго письма, выходитъ невѣрнымъ, Эту «скоропись» надо было какъ нибудь отличить отъ обыкновенной скорописи, потому что она, настоящее курсивное письмо, существенно разнится отъ обыкновенной скорописи, т. е. опредѣленнѣе говоря, отъ минускульнаго письма. Гардтгаузенъ издалъ снимокъ той и другой «скорописи», т. е. минускульнаго и курсивнаго письма, въ своихъ Beiträge: существенное различіе обоихъ почерковъ бросается рѣзко въ глаза. Или же возьмемъ другой примѣръ. Евангеліе 1062 года (у Амфилохія II табл. 14) написано, какъ обыкновенно говорится, скорописью, но снимки представленные на таблицѣ, свидѣтельствуютъ наглядно, что почеркъ записи существенно разнится отъ почерка текста. Стало быть и здѣсь надо различать обыкновенное литургическое минускульное письмо отъ курсивнаго (скорописи).

Изъ существованія этой разницы слѣдуетъ, что говоря о почеркѣ того или другого памятника, необходимо обратить вниманіе на каждый родъ письма отдѣльно. Иначе получатся непра-

вильные, сбивчивые выводы. Если бы напр. кто-нибудь захотѣлъ по почерку евангелія 1062 года судить о ходѣ греческой графики, не различая при этомъ курсивной записи отъ минускульнаго текста, ему пришлось бы утверждать, что уже тогда въ минускульномъ письмѣ было въ большомъ употребленіи β, между тѣмъ какъ на дѣлѣ оказывается, что тогда въ минускульномъ текстѣ было въ ходу одно только ᴜ, а β употреблялось только въ унціальныхъ или полуунціальныхъ строкахъ. Амфилохій, правда, обыкновенно обращаетъ вниманіе на разницу между унціальнымъ или полуунціальнымъ и минускульнымъ письмомъ описываемыхъ имъ памятниковъ, вслѣдствіе чего его алфавиты, извлеченные изъ памятниковъ, представлены въ двойномъ видѣ. Но иногда и этого еще бываетъ недостаточно.

Давно уже замѣчено, что, при общей неподвижности литургическихъ почерковъ, для опредѣленія времени рукописи важную роль играютъ лигатуры (связи) и сокращенія. Издатель палеографическаго описанія доказалъ, что и эта черта не ускользнула отъ его вниманія. Конечно приводимые имъ примѣры слишкомъ отрывочны, чтобы можно было не желать болѣе подробныхъ данныхъ о каждомъ отдѣльномъ памятникѣ. По моему какъ филологическія, такъ и палеографическія изслѣдованія должны быть основаны на внимательномъ изученіи всего текста, не довольствуясь лишь тѣмъ, что случайно бросается въ глаза.

II.

Древле-славянская псалтирь Сѵмоновская до 1280-го года.

Съ шестидесятыхъ годовъ о. Амфилохій не перестаетъ вносить въ науку свои разысканія о памятникахъ древнеславянской и древнерусской письменности, обогащая ими наши библіографическія и археологическія свѣдѣнія. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ были удостоены Демидовской или Уваровской преміи. Въ числѣ ихъ выдается обширностью и значеніемъ изданіе древнеславянскаго перевода Псалтыри, въ которомъ авторъ поставилъ себѣ задачею, прослѣдить судьбу славянскаго перевода псалтыри по различнымъ спискамъ, начиная съ самыхъ древнихъ, сохранившихся въ рукописяхъ XI вѣка. Первое изданіе этого сочиненія появилось уже въ 70-хъ годахъ, подъ заглавіемъ «*Древлеславянская Псалтирь XIII—XIV вѣка*», (первый томъ вышелъ въ 1874, второй въ 1877 году). Въ основаніе легли два неизданные текста: славянскій, заимствованный изъ русско-славянской рукописи конца XIII вѣка, и параллельно съ нимъ греческій по рукописи X вѣка. Если бы авторъ только этимъ и ограничился, то мы и тогда охотно признали бы за нимъ ту заслугу, что наконецъ-то онъ догадался издать одинъ изъ древнихъ текстовъ славянскаго перевода псалтыри въ полномъ видѣ, чего не сдѣлали другіе, у которыхъ были подъ руками даже такіе списки, какъ псалтырь болонская и очень близко находились псалтырь толстовская или погодинская. Текстъ, избранный о. Амфилохіемъ, не принадлежитъ, правда, къ древнѣйшимъ, но

издатель остановился на немъ по всей вѣроятности просто по сподручности и ради полноты его. Будь онъ въ С.-Петербургѣ, я увѣренъ, онъ избралъ бы погодинскую или толстовскую псалтырь—та и другая гораздо старше какъ временемъ написанія такъ и характеромъ перевода. О. Амфилохій прибавилъ кромѣ того къ изданному имъ параллельному славяно-греческому тексту еще богатыя содержаніемъ разночтенія, почерпнутыя изъ рукописей, частью неизданныхъ, и изъ старопечатныхъ книгъ. Трудъ его такимъ образомъ становится важнымъ пособіемъ для справокъ по различнымъ вопросамъ критической или грамматической стороны перевода псалтыри; не только любитель духовнаго чтенія, не только археологъ или библіофилъ, но и филологъ найдетъ въ немъ много полезныхъ указаній.

Уже первое изданіе о. Амфилохія обратило на себя вниманіе спеціалистовъ; позволю себѣ сослаться на мой отзывъ, напечатанный въ «Archiv für slavische Philologie», III стр. 164—168, гдѣ, какъ мнѣ кажется, изданіе оцѣнено по достоинству, выставлены какъ всѣ хорошія стороны его, такъ и нѣкоторые пробѣлы или недостатки. Къ послѣднимъ я причисляю между прочимъ неполноту приводимыхъ разночтеній. Несмотря на кажущееся изобиліе, значеніе этого матеріала въ значительной мѣрѣ ослаблено тѣмъ, что авторъ большинствомъ памятниковъ, изъ которыхъ почерпалъ разночтенія, пользовался только отрывочно, не проведя сличенія до конца. Такъ напримѣръ погодинская или дечанская псалтырь, памятники важные, — они хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ—вошли въ изданіе о. Амфилохія только незначительнымъ запасомъ разночтеній, почерпнутыхъ изъ отрывковъ, напечатанныхъ въ юсовыхъ памятникахъ И. И. Срезневскаго. Для полной же оцѣнки тѣхъ памятниковъ, для характеристики ихъ перевода, этихъ данныхъ конечно мало.

Приводимыя разночтенія не всѣ одинаково важны. Часть ихъ вызвана критическими особенностями греческаго текста, другія произошли на домашней почвѣ отъ замѣны выраженій,

исправленія ошибокъ и т. д., иныя даже чисто орѳографическаго свойства и безъ значенія для исторіи перевода. Если устранить послѣдній матеріалъ какъ ненужный, отдѣлить же критическое, на сколько оно вытекаетъ изъ особенностей греческаго текста, отъ лексическаго и грамматическаго, то изъ данныхъ разночтеній не трудно будетъ извлечь глубокій смыслъ, не трудно будетъ найти въ нихъ отвѣтъ на важные вопросы. Но у автора все это осталось почти не тронутымъ.

Самый текстъ напечатанъ въ первомъ, и, прибавимъ, также во второмъ изданіи не безъ ошибокъ, хотя издатель старался вѣрно сохранить всѣ графическія особенности памятника, т. е. не допуская ни малѣйшихъ измѣненій, онъ передавалъ все такъ, какъ находилъ въ своихъ рукописныхъ источникахъ. [1]) Этотъ пріемъ менѣе поражаетъ при славянскомъ чѣмъ при греческомъ текстѣ.

Вотъ суть моего отзыва о первомъ изданіи «Древлеславянской Псалтири». Онъ примѣнимъ и ко второму, въ которомъ только объемъ увеличенъ, главныя же начала и всѣ качества труда остались прежнія. Правда, уже въ заглавіи сочиненія сдѣлана своего рода поправка. Тотъ же славянскій текстъ, названный въ первомъ изданіи псалтырью XIII—XIV вѣка, здѣсь опредѣляется точнѣе какъ «Псалтирь Сѵмоновская, написанная до 1280 года». Доказательства въ пользу этой поправки приводятся въ 2-мъ предисловіи къ I тому новаго изданія. Для полной убѣдительности надо было подробнѣе изложить отношеніе псалтыри, названной теперь симоновскою, къ симоновскому же евангелію 1270 года. Между тѣмъ мы не узнаемъ ничего о сходствѣ

1) Въ первомъ изданіи отмѣчена мною между прочими одна послѣдовательно повторяющаяся опечатка: глаголъ потрѣбити у автора постоянно пишется—потрьбити. Вѣроятно мой отзывъ о первомъ изданіи не былъ ему доступенъ, иначе не сомнѣваюсь, онъ успѣлъ бы во второмъ изданіи исправить эту странную опечатку. Кромѣ того во второмъ изданіи вѣроятно вслѣдствіе типографскаго недосмотра выпалъ цѣлый 3-й стихъ псалма IX—въ первомъ изданіи онъ напечатанъ въ своемъ мѣстѣ. И этого промаха авторъ не замѣтилъ.

обѣихъ рукописей по почерку и особенностямъ языка или правописанія. Въ псалтыри черты говора новгородскаго высказываются сильно, не только постоянное смѣшеніе *ц* съ *ч*, но и такія формы какъ дожгь, одъжгить, дрожгиꙗ попадаются. Въ евангеліи должно быть существуетъ то же самое, по крайней мѣрѣ Востоковъ, описывая его въ своемъ Описаніи рукописей рум. музея подъ № CV, указываетъ на новгородское нарѣчіе «мѣняющее *ц* на *ч* и обратно». Жаль, что и нашъ авторъ къ прочимъ соображеніемъ не прибавилъ еще тѣхъ доказательствъ, которыя могло ему доставить сличеніе почерка и особенностей правописанія обоихъ памятниковъ. Впрочемъ хронологическое опредѣленіе «псалтырь написанная до 1280 года» не удачно придумано. Если псалтырь, о которой рѣчь идетъ, дѣйствительно принадлежитъ тому же писцу (въ послѣсловіи евангелія онъ называется «Георгій сынъ поповъ глаголемаго лотыша съ Городища») или тому же «чернцу» Симону, для котораго было написано евангеліе 1270 г., то было бы во всякомъ случаѣ лучше и вѣрнѣе опредѣлить время написанія ея тѣмъ же годомъ, т. е. остановиться на немъ, какъ на данной не подлежащей сомнѣнію и сказать, что и псалтырь написана «около 1270 года».

Первые два тома новаго изданія (томъ I. Москва 1880, стр. IX и 544; томъ II. Москва 1881, стр. 545) соотвѣтствуютъ тѣмъ же томамъ перваго изданія, объемомъ на 90 страницъ болѣе перваго изданія. Разница произошла отъ того, что число разночтеній въ новомъ изданіи увеличено. Усердное трудолюбіе издателя высказалось въ томъ, что онъ къ славянскому тексту прибавилъ разночтенія еще изъ пяти новыхъ источниковъ: изъ псалтыри митрополита Кипріяна, изъ толковой Ѳеодоритовой 1472 г. (это дополненіе существенно), изъ псалтыри Максима грека и изъ двухъ новыхъ переводовъ XVI—XVII вѣка, сдѣланныхъ уже не съ греческаго текста. Не всегда отъ прибавленій дѣло выигрываетъ. Вносить разночтенія изъ новыхъ переводовъ, которыми уже не продолжается исторія первоначальнаго перевода, такъ какъ они не имѣютъ къ нему прямого отношенія—это по

моему дѣло едва ли не безполезное; для освѣщенія судьбы первоначальнаго перевода такого рода прибавки не даютъ никакихъ новыхъ данныхъ, напротивъ въ большомъ и безъ того количествѣ разночтеній являются только лишнимъ обремененіемъ; напр. псалтырь Фирсова 1683 года, разночтеніямъ изъ которой (а ихъ понятное дѣло очень много) въ матеріалѣ отведено даже первое мѣсто, переведена съ языка нѣмецкаго, она стало быть уже этимъ самымъ прерываетъ многовѣковую связь и зависимость всѣхъ славянскихъ списковъ отъ первоначальнаго, славянскимъ апостоламъ приписываемаго труда. По моему не было нужды присоединять изъ этого особаго перевода варіанты къ даннымъ прочихъ списковъ, возникшихъ изъ совсѣмъ другого источника.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ о судьбахъ славянскаго перевода псалтыри, намѣченный ходомъ и развѣтвленіемъ существующихъ многочисленныхъ списковъ, все еще ждетъ болѣе опредѣленнаго отвѣта, чѣмъ онъ данъ въ изслѣдованіяхъ Вячеслава Срезневскаго и о. Амфилохія. Въ III томѣ новаго изданія о. Амфилохія представлены, правда, нѣкоторыя общія замѣчанія въ статьяхъ, подъ заглавіемъ «о переводѣ псалтыри съ греческаго языка» (стр. 278—386), «о переводѣ съ латинскаго языка» (стр. 387—390), «о переводѣ съ нѣмецкаго языка» (стр. 391—403) и «объ исправленіяхъ древлеславянской псалтыри» (стр. 404—418). Этими статьями новое изданіе выгодно отличается отъ перваго, но и заключающихся въ нихъ свѣдѣній еще слишкомъ мало; все это не что иное, какъ опять новый матеріалъ, содержащій въ себѣ кое какія данныя, но безъ надлежащей обработки.

Если бы у автора не преобладали цѣли археологическія, онъ могъ бы при той же затратѣ труда и времени изложить судьбу славянскаго перевода псалтыри приблизительно по слѣдующимъ пунктамъ: а) коснуться перевода псалтыри сравнительно съ переводомъ евангелія, чтобы отвѣтить на вопросъ: видно ли въ томъ и другомъ переводѣ участіе, если не одного лица, то по крайней мѣрѣ одной школы, одного времени; б) выставить различія въ

спискахъ псалтыри, при чемъ были на очереди такіе вопросы, какъ напримѣръ: въ чемъ отступаетъ текстъ псалтыри чудовскаго списка XI вѣка отъ прочихъ древнихъ текстовъ и какая тенденція этихъ отступленій? какія различія существуютъ между древними списками, помимо упомянутыхъ отступленій чудовскаго и ему подобныхъ текстовъ, заключающихъ въ себѣ толкованіе Ѳеодоритово? не замѣтна ли въ древнѣйшихъ спискахъ псалтыри такая же противуположность двухъ группъ текстовъ, какую критики уже давно подмѣтили въ текстахъ евангельскихъ? и которые изъ древнѣйшихъ текстовъ псалтыри склоняются въ ту или другую сторону? в) остановиться на позднѣйшихъ исправленіяхъ перевода, между прочимъ на вопросѣ: какъ отразилось на славянскомъ переводѣ то исправленіе церковныхъ книгъ, которое, какъ говорятъ, въ XIV вѣкѣ совершилось въ Константинополѣ?

Вотъ рядъ вопросовъ существенной важности, коль скоро рѣчь идетъ объ исторіи славянскаго перевода псалтыри: они остаются и послѣ изданія о. Амфилохія нерѣшенными, хотя справедливость требуетъ признать, что въ его трудѣ заключается довольно много данныхъ и указаній, существенно облегчающихъ ихъ рѣшеніе. Пользуясь этими данными я хочу въ слѣдующемъ показать, какъ мнѣ представляется рѣшеніе упомянутыхъ вопросовъ.

Отвѣтимъ прежде всего на первый вопросъ.

1. О ближайшей зависимости перевода псалтыри отъ перевода евангелія не позволяютъ сомнѣваться многочисленныя данныя языка, передающаго весь запасъ отвлеченныхъ понятій того и другого текста одними и тѣми же выраженіями: какъ видно эти слова, разъ подысканныя въ языкѣ, не привыкшемъ сначала къ подобной фразеологіи, остались потомъ готовыми образцами для всѣхъ дальнѣйшихъ переводовъ. Здѣсь можно привести такія выраженія, какъ напримѣръ: χάρις переводится въ евангеліи и псалтыри словомъ благодать или благодѣть, χρηστός передается черезъ благъ, оттого и χρηστότης (въ евангеліи его нѣтъ) въ апостолѣ и псалтыри благость или благостꙑни; ἔλεος переводится милость, оттого ἐλεημοσύνη милостꙑни; καλός

значитъ добръ, ἀγαθός то добръ, то благъ, оттого въ псалтыри κάλλος и καλλονή: доброта; слова сложныя съ εὐ —переводятся черезъ благо: εὐδοκέω благоволити, εὐδοκία благоволѥниѥ, εὐλογεῖν благословити и благословестити, но εὔσημος въ псалтыри и ἐπίσημος въ евангеліи переведено нарочитъ, εὐφραίνομαι значитъ веселитисѧ, възвеселитисѧ, χαίρω радоватисѧ, въздрадовати сѧ, оттуду χαρά радость, а εὐφροσύνη веселиѥ; печаль соотвѣтствуетъ греческому θλίψις и μέριμνα, первое также скрьбь, но скрьбѣти обыкновенно передаетъ λυπεῖσθαι, оттого περίλυπος прискрьбьнъ, иногда печальнъ; πλεονεξία переведено буквально лихоимьство или лихоимьствиѥ, βδέλυγμα мрьзость, ζῆλος жьлость, θυμός ꙗрость, ἐπιθυμία желаниѥ или желѣниѥ и похоть; αἶνος значитъ хвала, αἰνεῖν хвалити, αἰσχύνη стоудъ, ἀφροσύνη безоумиѥ; γνῶσις и σύνεσις переводятся словомъ разоумъ, оттого συνετός разоумьнъ, ἀσύνετος неразоумивъ; πονηρός лѫкавъ (слова неприꙗзнь въ пс. нѣтъ); ταραχή матежь, а глаголъ ταράσσω съмѫтити, съмастисѧ; ταπεινός съмѣренъ, ὑπερήφανος грьдъ, ὑπερηφανία грьдꙑни, и т. д.

Такое же совпаденіе замѣчается и въ другихъ областяхъ словъ, напримѣръ въ бытовомъ отношеніи: ἀγρός переводится словомъ село, αὐλή дворъ, σκηνή кровъ и сѣнь; οἶκος, οἰκία: домъ, храмъ, храмина, τρίβος: стьѕа, πύλη врата, θύρα двьри, κοίτη, κλίνη ложе, одръ, κατοικία, κατοίκησις жилиште, πόλις градъ, λαός людиѥ, ἔθνος ꙗзꙑкъ, γενεά родъ, φυλή колѣно, συγγενής ѫжика, ἀλλότριος тоуждь, βασιλεύς цѣсарь, ἄρχων кънѧѕь, δεσπότης и ἡγεμών владꙑка, оттуду δεσποσία, ἡγεμονία: владꙑчьство, δυνάστης сильнъ, οἰκουμένη = вьселенаꙗ, и т. д.

Не моя задача вдаваться въ болѣе подробный перечень, иначе можно бы привести еще много другихъ примѣровъ удивительнаго совпаденія въ переводѣ словъ, вовсе не принадлежащихъ къ числу обыкновенныхъ; я полагаю, и этого небольшаго количества достаточно, чтобы внушить убѣжденіе въ тожествѣ языка евангелія и псалтыри.

2. Недавно изданная проф. Гейтлеромъ синайская псалтырь,

памятникъ глаголической письменности XI вѣка, значительно облегчаетъ теперь рѣшеніе также другого вопроса: о первоначальной редакціи перевода псалтыри. Оказывается, что существовало полнѣйшее соотношеніе между евангеліемъ и псалтырью, т. е. можно доказать, что всѣ особенности грамматики и лексикона, которыми отличаются древнѣйшіе, глаголическіе тексты евангелія, повторяются также въ первоначальной редакціи перевода псалтыри.

а) Согласно съ глаголическими евангеліями въ древнѣйшей псалтыри исключительно пишется трѣва 36.2, 89.6, и т. д. (син. только изрѣдка трава въ пс. 103), питѣти 30.4, 32.19, 54.23, (вм. питати), подрѣжати 34.16, 43.14, 78.4, 79.7, (вм. подражати), заповѣдѣти 7.7 и исповѣдѣти 87.11, 96.17; лакати 106.5.9.36 и вълакати (вм. алъкати — възалъкати) 33.11, 49.12, 58.7.15; я считаю форму лакати — възлакати первоначальною потому, что она господствуетъ въ зограф. евангеліи, сл. матѳ. XII.1.3, XXI.18, XXV.35.42, мрк. II.25, XI.12, лук. IV.2, VI.3.25, іо. VI.35; тоуждь 17.45, 18.14, 48.11, 68.9, 80.10, 108.11; 57.4 еще и симоновская псалтырь сохранила отоуждені (хотя обыкновенно пишетъ: чюжь или чюждь). Нельзя сомнѣваться въ томъ, что владеши 88.10 оригинальнѣе, чѣмъ владѣеши, какъ нельзя отрицать древности формъ искѫ, искѫште (вм. иштѫ, иштѫште), исключительно употребляемыхъ въ синайской псалтыри: 21.26, 23.6, 26.8, 34.4, 37.13, 39.15, 68.7, 69.3, 70.13.24, 118.33, и т. д.; 39.17 осталось еще и въ симоновской псалтыри искоущии. Вм. вѣроваша по старинному вѣрѫ ꙗса син. псалтырь 105.12.24, согласно съ другими древними списками, ср. вѣрѫ ꙗсъ 118.66. Къ первоначальной панноно-моравской старинѣ принадлежатъ формы съ р слова братрига: 21.23, 49.20, 68.9, 121.8. Такъ и ино вм. едино въ словахъ иночадъ: 24.16, 34.17, иномъішление: 54.15, 82.6, иномъісльнъ 67.7, (такъ и въ переводѣ панд. Антіоха), инорогъ: 21.22, 28.6, (въ послѣднемъ мѣстѣ еще и симоновская псалтырь оставила ино). Слово μαρτυρία переводится съвѣдѣние и съвѣдѣтельство, первое въ древнѣйшихъ памятни-

кахъ славянскихъ, напр. пс. син. 18.8. Къ тому, что въ маріинскомъ евангеліи на стр. 468 сказано о благословестити, можно теперь прибавить, что и синайская псалтырь даетъ исключительное предпочтеніе этой формѣ слова (иногда даже благословествити): 3.9, 9.24, 15.7, 17.47, 25.12, 27.6.9, 28.11, 33.2, 48.19, 62.5, 71.15; эта форма слова встрѣчается также въ чуд. псалтыри, напр. 64.12, 66.8, и т. д. Значенія στιλβοῦν, καθαρίζειν, ἐξαλείφειν и ἱλᾶσθαι передаются въ синайской псалтыри глаголомъ оцѣстити (вм. очистити) 7.13, 11.7, 18,4, 24.11, 77.33, 78.9, оцѣштеніе 129.4, (но очистити 50.4.9, очиштеніѣ 88.45, и конечно чистъ, не *цѣстъ); несомнѣнно и эта форма слова указываетъ на западъ (мораво-паннонскій, словено-хорватскій), гдѣ живетъ еще и цѣста, слово встрѣчающееся въ псалтыри 143.14, по древнѣйшимъ спискамъ (переводъ греческаго ἐν πλατείαις).

b) Замѣна однихъ словъ другими — а славянскіе списки псалтыри даютъ много примѣровъ ея — обнаруживаетъ опять то же отношеніе между отдѣльными списками, какое уже извѣстно изъ евангельскихъ текстовъ. Приведу всѣ важнѣйшіе примѣры.

Вмѣсто обыкновеннаго позднѣйшаго слова съборъ въ синайскомъ и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ псалтыри еще господствуетъ сънѧмъ 15.4, 21.17, 25.4, 39.11, 61.9, 73.2, 81.1, 101.23 и т. д.; 85.14, 105.18 и 110.1 осталось и въ симоновской псалтыри сънѧмъ, точно такъ 105.17 на сънѧмищи.

Позднѣйшему ближьнии для передачи греческаго ὁ πλησίον предшествовало слово искрьнии, употребляемое и въ синайской псалтыри: 11.3, 14.3.4, 23.4, 27.3, 34.14, 44.15, 87.19, 100.5 (но οἱ ἔγγιστα переведено и въ синайской псалтыри и въ хорватскихъ глаголическихъ спискахъ словомъ ближьнии 14.3. 37.12).

Слово виненъ только въ древнѣйшихъ текстахъ передается еще выраженіемъ тепенъ, такъ въ синайской пс. 72.14, и согласно съ нею также въ погодинскомъ и въ толстовскомъ спискахъ.

Глаголическимъ словомъ можно назвать ꙗдро вм. обыкновеннаго скоро: 68.18, 78.8, 137.3; оттуду оуꙗдрити вм. оускорити: 15.4, 30.3, 105.13, и ꙗдрописьць вм. скорописьць 44.2; и

здѣсь древность синайской редакціи поддерживаютъ болонскій, погодинскій и отчасти толстовскій списки; это слово было извѣстно переводчику пандектовъ Антіоха по списку XI вѣка, оно осталось также въ глаголическихъ текстахъ хорватской редакціи.

Такимъ же замѣчательнымъ словомъ давно уже признается глаголъ натроути вм. напитѣти или напитати: 79.6, 80.17; и здѣсь старина сохранилась кромѣ синайскаго еще въ болонскомъ, погодинскомъ, толстовскомъ спискахъ и въ хорватскихъ текстахъ.

Вмѣсто врачь встрѣчается еще балии 87.11; синайскую псалтырь поддерживаетъ въ этомъ словѣ погодинскій списокъ и хорватскій текстъ у Берчича.

Старинное выраженіе отълѣкъ вм. обыкновеннаго останъкъ читается въ синайской псалтыри 16.14, 36.37, 75.11, оно уцѣлѣло еще въ погодинскомъ и толстовскомъ спискахъ, даже чудовская псалтырь несомнѣнно знала отълѣкъ, потому что списокъ 1472 года сохранилъ ѿлѣкы 16.14, а 75.11 въ самой чудовской псалтыри читаемъ одолѣкъ! И хорватскіе тексты у Берчича сохранили это слово.

Глаголъ ἐπαιτέω переведенъ въ син. въсхлапаѭтъ 108.10, (сл. Маріинск. еванг. стр. 467). Это старинное слово, которое знаетъ еще изводъ 1472 г. чудовской псалтыри, замѣнено въ симоновскомъ спискѣ глаголомъ въспросать.

Западнославянское слово отокъ вм. островъ сохранила не только синайская псалтырь 71.10, 96.1, но и другіе древнѣйшіе списки, въ числѣ ихъ чудовская псалтырь, въ которой это слово только ошибочно написано отроци 71.10; въ евгеніев. отрывкѣ читается 96.1 отоци.

Слово мъіто въ значеніи δῶρον, τὰ δῶρα существуетъ до сихъ поръ у югозападныхъ славянъ: въ син. пс. мъіта 14.5, 25.10; оно засвидѣтельствовано кромѣ синайской псалтыри еще погодинскимъ спискомъ и хорватскими текстами.

Замѣчательно, что въ синайской псалтыри преимущественно господствуетъ рѣснота вм. истина: 30.6.24, 39.11.12, 42.13, 44.5,

50.8, 53.7, 56.4.11, 57.2, 60.8, 68.14, 70.22, 84.11.12, 85.11, 87.12, 88.2.3.6.9,15,25,34.50, 90.5, 91.3, 95.13, 97.3, 99.5, 107.5, 118.30, 131.11, 137.2, и рѣснотивьнъ 85.15; конечно и слово истина встрѣчается нерѣдко (напр. 5.10, 11.2, 14.3, 24.5.10, 25.3, 29.10, 35.6, 110.7.8, 116.2, 118.43.75.86 90.142.151.160) и прилаг. истинанъ 18.10. Первое выраженіе должно быть попало въ переводъ въ предѣлахъ Панноніи, потому что отпрыски этого корня до сихъ поръ живутъ у словенцевъ (также хорватскихъ); слово рѣснота могло быть втеченіе времени вытѣсняемо синонимомъ истина, но едва ли было бы правдоподобно сказать, что оно явилось въ текстъ позднѣе. Дѣйствительно, какъ мною уже упомянуто въ Маріинскомъ евангеліи, по разночтеніямъ о. Амфилохія къ изданію евангелія 1144-го года можно узнать, что слово рѣснота, не встрѣчающееся иначе въ обыкновенныхъ текстахъ евангельскаго перевода,—даже въ зографскомъ или маріинскомъ нѣтъ его, — сохранилось все-таки въ замѣчательномъ карпинскомъ спискѣ. Вотъ всѣ примѣры, отысканные мною по упомянутымъ разночтеніямъ: ва рѣснотѫ мрк. XV.39, лук. IV.25, XII.44, XX.21, XXI.3, іо. XVII.8.17, рѣснотѫ іо. XVI.7.13, рѣснота іо. XVII.17, ѡ рѣснотѣ... ѿ рѣсноты іо. XVIII.37, и прилагательное ва рѣснотивьнѣемъ лук. XV.11. Судя по старинному характеру карпинскаго евангелія, едва ли правдоподобно, чтобы это слово было внесено въ текстъ позднѣе (развѣ изъ псалтыри?); да откуду взять его въ предѣлахъ Болгаріи или Македоніи, гдѣ этого выраженія, кажется, вовсе не знали. Если же оно въ карпинскомъ евангеліи осталось изстари, то уже этотъ одинъ примѣръ свидѣтельствуетъ краснорѣчиво, какъ рано въ переводѣ евангельскомъ, самомъ употребительномъ текстѣ въ христіанской церкви, начались исправленія и замѣны словъ. Глаголическія псалтыри хорватской редакціи также устранили слово рѣснота, подобно обыкновеннымъ спискамъ евангельскаго текста, хотя въ хорватскихъ текстахъ псалтыри можно найти много слѣдовъ старины. И такъ мы вправѣ, какъ мнѣ кажется, причислить слово рѣснота къ тѣмъ, которыя очень рано, уже въ древнѣйшихъ

спискахъ, стали уступать другимъ выраженіямъ болѣе распространеннымъ.

Неменѣе замѣчательно слово сатъ вм. рече, оно осталось въ синайской псалтыри еще 35.2, было же извѣстно и переписчику толстовской псалтыри, какъ свидѣтельствуетъ его отмѣтка на л. 87-мъ: аще са къде наречеть «сатъ», то то естъ «рече»; и въ переводѣ псалмовъ, вошедшемъ въ пандекты Антіоха, встрѣчается это слово: пс. 65.13, изъ главы 120-й, (о. Амфилохій приводитъ сатъ еще изъ главы 122-й, если это не одно и то же мѣсто, тогда въ пандектахъ существуютъ всего три примѣра этого рѣдкаго глагола, потому что въ словарѣ указанъ еще третій примѣръ изъ главы 98).

Извѣстный оборотъ встрѣчающійся въ древнѣйшихъ спискахъ евангелія невръдоу сътворити (ἀποδοκιμάζω) находится и въ псалтыри 117.22 въ син. и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ, но симон. уже некрѣгоша, сл. Маріинск. ев. стр. 469.

Приведу еще нѣсколько словъ, свойственныхъ древнѣйшему переводу псалтыри: вмѣсто без-оума въ древнихъ переводахъ читаемъ ашоуть 34.7.19 (δωρεὰν) или спъити 68.5, 119.7, 108.3, 118.16, а какъ переводъ слова μάτην: въ соуе 38.7.12; вм. ашоуть въ глаголическихъ текстахъ хорватской редакціи пишется ешоуть, нынѣ это слово чешско-словацкое, прежде же могло быть и паннонское. Второе слово живетъ до сихъ поръ въ словенско-хорватскомъ spitek и ošpiten (первое обозначаетъ исхудалаго, болѣзненнаго мальчика, второе значитъ: слишкомъ мало, въ неудовлетворительной мѣрѣ). Вмѣсто възвѣстити или съказати древнѣйшій переводъ любилъ слово повѣдѣти (сличи нынѣшнее словенско-хорватское povèdati-pevêm и povédati-povédam, и чешско-словацкое poviedať-povědēti), напр. 43.2 повѣдѣша, 72.15 повѣмь, 77.6 повѣдатъ (въ послѣднемъ мѣстѣ остался тотъ же глаголъ еще и въ симоновской псалтыри) сл. мой словоуказатель къ Маріинскому евангелію. О словѣ мѫдити или моудити сказано много въ Маріинскомъ евангеліи на стр. 466, прибавимъ замоуди въ синайской псалтыри 39.18,

(симоновскій списокъ, не понимая слова, написалъ забоуди!), 69.6. Вмѣсто безаконьнъ, безаконьникъ читаемъ законопрѣстѫпьнъ, законопрѣстѫпьникъ 35.2, 40.9, оттого и глаголъ παρανομεῖν переводится свободно прѣстѫпати законъ 74.5; стоитъ упомянуть, что такъ передаютъ всѣ древнѣйшіе списки; пражскіе отрывки и переводчикъ пандектовъ Антіоха знали тотъ же переводъ; пс. 70.4 осталось еще и въ симоновской псалтыри законопрестоупьнаго. Старинное любъі сътвориша 105.39 замѣнено въ симоновскомъ спискѣ позднѣйшимъ съблоудиша (πορνεύειν).

Греческое νῶτος въ синайской псалтыри передается постоянно словомъ хрьбетъ или хрибетъ 17.41, 20.13, 65.11, 68,24, 80.7, 128.3; симон. пс. въ двухъ первыхъ мѣстахъ употребляетъ слово плешта. Форма слова хрибетъ могла въ извѣстной мѣстности такъ и произноситься (ср. словенское hrib, hribar), точно такъ, какъ хорватскіе словенцы до сихъ поръ произносятъ cirkva, а эта форма слова тоже засвидѣтельствована древнѣйшими памятниками.

Къ признакамъ древнѣйшей редакціи надо причислить еще переводъ глагола ἐντείνω не словомъ напрязати, а менѣе извѣстнымъ налацати, въ совершенномъ видѣ налашти: налашѧ 10.2, 36.14, 63.4, налаци 44.5 (старые южнославянскіе списки и переводчикъ пандектовъ Антіоха знали еще налацѣи, въ остромировомъ ев. напротивъ напрязи, какъ и въ обыкновенныхъ позднѣйшихъ текстахъ), налачетъ 57.8, налацаѭштеи 77.9 и т. д. Изъ этихъ примѣровъ видно, что и 7.13 вм. отъвлѣче слѣдовало написать налаче. Глаголъ nalecati знаютъ хорватскіе словенцы до сихъ поръ, онъ внесенъ и въ словарь Бѣлостѣнца. Съ предлогомъ съ имѣется еще: съламшѧ 56.7 и съламци 68.24 вм. съмѣрити; послѣднее мѣсто читается точно такъ и въ чудовской, а предыдущее въ болонской псалтыри.

Греческое βδέλυγμα переводится въ евангеліи существительнымъ мрьзость, слѣдовательно въ псалтыри 5.7 βδελύσσεται мрьзитъ (отъ мрьзѣти, сл. сербохорв. мрзи ме): лъживъ мрьзитъ господеви; 55.6 осталось еше и въ симоновской псалтыри

мързахоу имъ, точно такъ 118.163 мързѣ ми; но 106.18 уже въ син. пс. употреблено обыкновенное позднѣйшее выраженіе възгнѫша сѧ, такъ и въ хорватской редакціи у Берчича.

Глаголъ ἐπαίρεσθαι переведенъ пс. 46.10 вьзнѣсѧ сѧ, вм. чего въ симоновской пс. въздвигоша сѧ по той же замѣнѣ, по которой вьзнѣсѧ лук. 17.13 въ савиной книгѣ замѣнено глаголомъ въздвигѫ.

Греческое ὦα или ὤα въ древнихъ спискахъ переводится словомъ ометъ 132.2, но симоновскій списокъ замѣнилъ это слово болѣе знакомымъ русскимъ подолъкъ, встрѣчающимся въ многихъ русскихъ спискахъ евангелія.

в) Для оцѣнки изданнаго о. Амфилохіемъ списка псалтыри можно бы указать еще на разныя мѣста, гдѣ переводъ его не сохранилъ старины, тогда какъ всѣ древнѣйшіе списки, согласно съ синайскимъ, представляютъ собою другой, именно первоначальный переводъ, т. е. другое выраженіе; напримѣръ 9.29 въ сѣдалищи: въ старинныхъ текстахъ въ ллателихъ (ἐν ἐνέδρα); 8.9 поути: старые тексты стьѕѧ (τρίβους); 39.8 въ главизнѣ: древнѣйшіе списки въ съвитъцѣ (ἐν κεφαλίδι); 42.3 и 131.5.7 сѣни (σκηνώματα): древнѣйшіе списки села, такъ и симоновскій списокъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, ср. еще въ симон. 105.25 въ коущахъ вм. селѣхъ; 9.25 разгнѣва: другіе тексты раздражи, такъ и 105.29 разгнѣваша: раздражиша; послѣдній глаголъ для передачи греческаго παροξύνω остался еще въ симоновск. псалтыри 73.10.18 и 106.11, но 77.41 всѣ тексты даютъ уже прогнѣваша; 34.6 съблазнъ: всѣ старые списки плъзокъ или плъзъкъ (ὀλίσθημα), 114.7 осталось еще въ симоновск. псалтыри ѿ въсполозениꙗ: ἐξ ὀλισθήματος; 100.5 презоривоу: всѣ прочіе (за исключеніемъ чудовской псалтыри, о которой рѣчь потомъ) оставили слово грьдъ, которымъ переводится греческое ὑπερήφανος, сл. напр. 17.28, 88.11, 93.2, 118.21.78; 48.21 неразоумнъіхъ: всѣ прочіе несъмъіслнъіхъ (ἀνόητος); 9.33 и 73.19 нищихъ: лучше въ прочихъ спискахъ оубогъіхъ, какъ переводъ греческаго πένης; ништь передаетъ греческое πτωχός, эту разницу соблюдаетъ впрочемъ и симоновская

псалтырь, сл. 48.3, 71.4, 81.4; только 21.26 переведено πένητες во всѣхъ спискахъ словомъ ништь, вѣроятно потому, что стихомъ раньше было уже ништаго, какъ переводъ греческаго τοῦ πτωχοῦ, да и въ латинскомъ переводѣ въ обоихъ мѣстахъ читается pauper; 4.2 оущедри: прочіе помилоуи, такъ и 102.13 щедрить: милоуетъ, оущедрить: помилоуетъ; послѣднимъ глаголомъ переводится οἰκτειρίζω и въ симоновской псалтыри: 36.2, 58.6, 59.3, 76.10, 101.14, но 101.15 и 122.12 уже въ синайской псалтыри является глаголъ оуштедрити, такъ и во всѣхъ прочихъ спискахъ, не исключая хорватскихъ; 105.46 въ щедротъі εἰς οἰκτιρμούς: синайскій и другіе старые списки въ милость, ср. 118.156 щедротъі: милости; 17.18 оукрѣпиша сѧ ἐστερεώθησαν: древнѣйшіе списки, какъ напр. синайск. погод. чуд. оутвръдиша сѧ, послѣдній глаголъ для передачи греческаго στερεόω существуетъ и въ симоновск. псалтыри 32.6, 74.4, 92.1, 135.6; 118.23 всѣ прочіе глоумлѣаше сѧ ἠδολέσχει: симон. поучаше сѧ, вѣроятно попечаше сѧ, ср. ib. 27, 48.78; 38.7 събираеть: древній переводъ даетъ съкръіваеть θησαυρίζει, такъ читается въ син. чуд. погод. и другихъ лучшихъ спискахъ; 88.30, 104.6 и 105.27 σπέρμα въ син. и прочихъ древнихъ переводится сѣма: симон. племѧ, 111.2 сѣмѧ: имѧ, 17.51 симон. еще сѣмени, но списокъ 1472 племени, ср. 20.11, 21.24 и т. д.: вездѣ чуд. пс. или списокъ 1472 г. пишетъ племѧ для передачи греческаго σπέρμα; наоборотъ 77.67.68 и 104.37 син. колѣно (φυλή), а симон. племѧ; 36.24 разбиеться καταραχθήσεται симон.: въ син. погод. толст. и въ хорватскихъ спискахъ пороутить (порѫтить) сѧ; 62.12 заградиша (ἐνεφράγη): лучше заѩсѧ (такъ въ синайскомъ), потому, что глаголъ ἐμφράττω переводится тѣмъ же глаголомъ еще и въ симоновской псалтыри 106.42.

Такія же отступленія можно найти еще въ 24.11 (мъногъ: велии), 39.5 (гнѣвъі лъжанъіа: неистовлениꙗ лъжанаа), 55.9 (съхраниҳъ: исповѣдѣҳъ), 60.2 (вънуши; вънми), 63.3 (ѿ разкращениꙗ: сънама), 72.7 (размъішление: любъве), 81.2 (приимаете: обиноуетеса), 88.12 (исполнение: конца), 88.47 (гнѣ-

вляєши сѧ: отвраштаєши сѧ), 93.14 (наслѣдиꙗ: достоꙗниꙗ), 95.11 (исправлєниѥ: испльнєниѥ), 101.5 (трава: сѣно), 103.21 (ревоуще: рикаюштє), 104.23 (ѡбита: придє), 105.13 (сътрьпѣша: съхраниша), 105.27 (разсѣꙗти: расточити), 105.33 (разлоучи: разнаствова), 106.10 (съпатъі: окованъі), 107.8 (възнєсоусѧ: въздрадоужсѧ), 108.11 (доведєта: наставитъ), 118.39 и 75 (соудьбъі: повелѣниꙗ), 118.43 (словєса: соудьбы), 118.70 (въсѣдєсѧ: оусъірѣсѧ) и т. д. Во всѣхъ здѣсь приведенныхъ примѣрахъ первое выраженіе читается въ спискѣ симоновскомъ, второе (послѣ двухточія поставленное) въ синайскомъ и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ.

г) Гораздо рѣже попадаются такіе примѣры, гдѣ симоновская псалтырь по всей вѣроятности сохранила первоначальный переводъ, а синайскій списокъ удалился. Къ числу такихъ можно отнести 24.14 завѣтъ (син. законъ), 30.14 гаждениѥ (син. рѫжениѥ), 31.6 потрѣбно (син. подобно), 27.2 помолю сѧ (син. възовѫ); 19.8 на колесьницахъ ἐν ἅρμασιν (син. на орѫжьихъ). Стоитъ упомянуть, что во всѣхъ этихъ примѣрахъ хорватскіе тексты даютъ не тотъ переводъ, который въ синайскомъ спискѣ, а тотъ который въ симоновской псалтыри—новое доказательство, что здѣсь старина не на сторонѣ чтенія синайской рукописи. Въ русскомъ спискѣ псалтыри съ толкованіемъ Ѳеодоритовымъ 1472 г., а его можно считать вѣрною передачею такого же стариннаго текста, какъ чудовскій, написано 19.8 тоже въ ѡрѹжиихъ (вм. на колесьницахъ): спрашивается, не слѣдуетъ ли видѣть тутъ ошибку перваго переводчика, спутавшаго ἐν ἅρμασι съ латин. in armis? Какъ бы то ни было, но Шафарикъ невѣрно считалъ (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus S. 12) 131.15 вьдовицѹ и 137.5 въ пѣснѣхъ — крупными промахами переводчика; напрасно еще не давно Миклошичъ указывалъ на первый примѣръ, какъ плохое свидѣтельство знанія греческаго языка у первыхъ переводчиковъ (man erinnere sich der zahlreichen Verstösse gegen die elementare Kenntniss des Griechischen, wo wenn θήρα in Folge der Verwechslung mit χήρα

durch vьdovica wiedergegeben wird, говоритъ онъ въ недавно изданномъ изслѣдованіи Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen, стр. 5). На дѣлѣ выходитъ, что иные греческіе списки дѣйствительно писали χήραν (вм. θήραν) и ὠδαῖς (вм. ὁδοῖς) — а переводчикъ поступилъ правильно, т. е. перевелъ вѣрно. Точно такъ онъ нашелъ въ греческомъ текстѣ 140.6 ἡδυνήθησαν и перевелъ, какъ слѣдуетъ възмогѫ (такъ еще въ симоновскомъ спискѣ), которое потомъ по другому греческому тексту исправлено въ насладиша сѧ (такъ уже въ чудовской псалтири).

Къ случайнымъ опискамъ я причисляю: 10.6 одръжитъ син. вм. одъждитъ или какъ въ симон. одъжгитъ (ἐπιβρέξει); 109.3 печали син. вм. силѣ (τῆς δυνάμεως) всѣхъ прочихъ списковъ (и хорватскихъ); 119.5 къ села теманаѣ син. (вм. кидарьска, κηδάρ) встрѣчается также въ спискѣ хорватской редакціи у Берчича, причина такого страннаго отступленія остается мнѣ непонятною.

д) Непереведенныя слова въ древнѣйшихъ спискахъ, напр. синайскомъ, многочисленнѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ, напр. въ симоновскомъ. Доказать это не трудно. Такъ согласно съ евангельскими текстами (сл. Маріинское евангеліе, стр. 473) въ синайскомъ спискѣ 49.20 осталось еще скандѣлъ, между тѣмъ какъ обыкновенно переводится съблазнъ; слово иереи остается 77.64, 98.6, 131.9 въ син. и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ, но потомъ переводятъ его то словомъ жрьць (такъ симон.), то словомъ свѧштеникъ (такъ чуд. сп.); слово ἐπισκοπή осталось 108.8 во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ епископьство, но потомъ было переведено: надѣник симон., намѣстак чуд. и 1472 г.; пс. 113.8 τὴν ἀκρότομον древнѣйшіе тексты оставили безъ перевода акротомъ, но симон. и чуд. несѣкомыи камыкъ (или камень); слово ἀήρ въ древнѣйшихъ спискахъ не переводится: аерьныихъ 17.12, но симон. въздоушьныихъ; греческое τοῖς κροτάφοις 131.4 въ син. и другихъ спискахъ осталось кротафома (хорв. тоже кротопома), но симон. переведено скраниꙗма; слово ἐρυσίβη (aerugo) въ первоначальномъ переводѣ оставалось еще 77.46 ересеви син. ерѫсии пог. (такъ и въ старосерб. изданіяхъ), но потомъ переводи-

лось словомъ ръжда (ржа симон.); 103.15 ὄναγρος не переводится въ древнѣйшихъ спискахъ (онагри син. пог. анагри толст. евг.), но симон. осли дивии; греческое τὰ δαιμόνια оставлено 95.5 демони, 105.37 дем(о)номъ въ син. и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, иначе переводится словомъ бѣсъ; слово ἔλαιον передается обыкновенно латинскою формою слова олѣи, напр. 4.8, 22.5, 44.8, 54.22, 88.25, 103.15, 108.18.24, въ позднѣйшихъ спискахъ иногда уже переводится словомъ масло, такъ симон. 88.25, 108.24 и постоянно въ чуд. сп., но греческое ἐλαία уже въ древнѣйшихъ спискахъ переведено маслина 51.10, прилагательное маслинанъ 127.3.

Слово Χριστός въ древнѣйшихъ спискахъ не переводится: х҃а 88.39.52, симон. иногда уже употребляетъ помазанъіи, но оставляетъ тоже безъ перевода: 17.51, 83.10, 104.15, 131.17; чудовская псалтырь ввела уже правильно переводное слово помазанъіи и помазаникъ. Непереведеннымъ осталось также ψαλτήριον: псалтъірь 91.4, но симон. пѣснаница, а чуд. или списокъ 1472 г. переводитъ это слово также въ 32.2, 56.9. Слово στηλογραφία обыкновенно переводятъ стлъписаниѥ, но въ древнѣйшихъ спискахъ, какъ напр. син. погод. и т. д. читается тѣлопасание или тѣлописаниѥ 55.1, 56.1, 57.1, 58.1, 59.1; и чуд. списокъ знаетъ этотъ, несомнѣнно первоначальный, переводъ. Слово тѣло въ значеніи греч. στήλη приводится въ словарѣ Миклошича изъ перевода Григорія Богослова. Еврейское слово βᾶρις осталось непереведеннымъ 44.9 варии и 47.4 даръхъ (описка вм. варьхъ) не только въ син. но и въ болон. спискѣ; вѣроятно только по недоразумѣнію въ толст. вара передѣлано въ твара, и эта форма попала въ глаголическій тестъ хорв. редакціи у Берчича. Невѣрный переводъ тажесть (онъ въ симоновской псалтыри) въ древнѣйшихъ спискахъ, какъ видно, не встрѣчается, стало быть и эта улика въ невѣжествѣ не можетъ быть распространена на перваго или первыхъ переводчиковъ.

Рѣдко попадаются примѣры, гдѣ синайскій списокъ представляетъ уже слово переводное, между тѣмъ какъ въ другихъ оста-

лось безъ перевода. Такъ ὁλοκαύτωμα въ син. всегда переводится прилагательнымъ вьсесъжагаемо, множ. ч. вьсесъжагаема, напр. 19.4, 39.7, 49.8, 50.18.21, 65.13.15. И ассеманово евангеліе употребило уже этотъ переводъ (сл. Маріинское евангеліе стр. 472). Но не только симоновскій снимокъ оставилъ греческое слово безъ перевода, оно читается даже въ глаголическомъ хорватскомъ текстѣ въ греч. формѣ олокавтома; если бы здѣсь обратная замѣна состоялась позднѣе, подъ вліяніемъ напр. латинскаго текста, то не осталось бы олокавтома (мн. ч. олокавтомата), а получилась бы форма болѣе близкая латинскому holocaustum. Названіе вѣтра Λίβα 77.26, въ лат. переводѣ Africus, оставлено безъ перевода въ симоновскомъ спискѣ и всѣхъ прочихъ древнихъ, но въ син. переведено словомъ западенъ, хорв. сп. у Берчича на западъ; въ чудовской псалтыри напротивъ въсточенъ. Слово συκάμινος осталось безъ перевода какъ въ древнѣйшихъ евангельскихъ текстахъ, такъ и въ псалтыри 77.48 по нѣкоторымъ древнѣйшимъ спискамъ, однакожъ въ син. чрънница согласно съ чуд., а погод. и симон. ıагодичие (ıагодина встрѣчается въ мстиславовомъ и добриловомъ евангеліяхъ); въ глагол. хорв. текстѣ у Берчича овощие.

Считаю нелишнимъ упомянуть, что греч. слово μύρον, которое обыкновенно оставляли безъ перевода, пс. 132.2 въ син. и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ передается словомъ, правда тоже не славянскимъ, но очень часто встрѣчающимся именно въ древнѣйшихъ памятникахъ: хризма, см. въ Мар. ев. 472 и въ словоуказателѣ; слово же θυσιαστήριον переводится во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ извѣстнымъ выраженіемъ олтарь (заимствованнымъ непосредственно изъ нѣмецкаго языка), только въ чуд. псалтыри и изводѣ изъ него 1472 года иногда попадается переводъ требникъ, напр. 50.2.

е) Иногда различіе въ переводахъ зависитъ отъ разночтеній греческаго текста. Нѣсколько примѣровъ подобнаго рода я уже привелъ выше. Прибавимъ еще слѣдующіе: пс. 16.8 раждежє сѧ син. передаетъ греч. ἐπύρωσας, а симон. искоусилъ ѥси

ἐπείρασας; 39.9 посрѣдѣ срьдьца моего син. сообразно съ греч. ἐν μέσῳ τῆς καρδίας μου, а симон. оутробы моею τῆς κοιλίας μου; 62.2 коль множицеѩ тебѣ плоть моѣ син. и другіе древніе сп. по греческому ποσαπλῶς, а сим. како простре са плъть моꙗ, гдѣ прибавленъ переводъ греческаго объяснительнаго глагола ἐπετάθη; 70.20 въ син. передъ възведе ма (ἀνήγαγές με) стоитъ слово древле сообразно съ греч. πάλαι: въ симон. этого слова нѣтъ, какъ и въ иныхъ греч. спискахъ, а чуд. сп. вм. древле пишетъ пакы по другому греч. чтенію πάλιν; 107.13 иде соуетьно (по лат. quia vana) син., а симон. и соуе по гр. καὶ ματαία; 111.8 не подвижитъ са син. (ср. лат. non commovebitur), а симон. не оубоить са οὐ φοβηθῇ; 136.3 пѣниѣ син. вѣроятно предполагаетъ чтеніе ὕμνους, а симон. хвалоу ὕμνον. — Иногда синайскій и симоновскій списокъ совпадають, но за то другіе отступаютъ, такъ 55.8 син. и симон. даютъ сп҃ши т. е. съпасеши по греческому σώσεις, а серб. старопечатн. изданія XV—XVI вѣка ѡтриꙗеши, чуд. пс. и сп. 1472 года низриꙗеши, по греческому ὤσεις; пс. 89.12 симон. окованꙑꙗ, син. і і кованꙑꙗ (несомнѣнно описка подлинника или опечатка вм. і окованꙑꙗ) по гр. πεπεδημένους, но по другому чтенію πεπαιδευμένους (vulg. eruditos) въ спискѣ съ толкованіемъ Θеодорита 1472 года наоучены, такъ и въ хорв. редакціи у Берчича.

По приведеннымъ даннымъ опредѣляется не только характеръ древнѣйшаго перевода псалтыри, но и отношеніе этого перевода къ переводу евангелія. Какъ изъ всего видно, не подлежитъ сомнѣнію, что древнѣйшій видъ перевода псалтыри сохранился въ такихъ текстахъ, какъ синайскій и тѣ кирилловскіе, которые близко подходятъ къ нему, напр. погодинскій, толстовскій, отрывокъ евгеніевскій и т. д. Во всѣхъ этихъ спискахъ замѣчаются тѣ же черты языка въ подборѣ словъ и грамматическихъ формъ, къ какимъ мы привыкли въ переводѣ евангелія по глаголическимъ спискамъ. Кирилловскихъ текстовъ евангелія съ уцѣлѣвшими чертами древняго, первоначальнаго перевода почти что нѣтъ, но за то кирилловскіе списки псалтыри въ старинномъ

видѣ перевода существуютъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Для безпристрастнаго изслѣдователя это обстоятельство очень важно. Онъ можетъ и долженъ имъ воспользоваться для вѣрной оцѣнки различій между глаголическими и кирилловскими списками памятниковъ вообще. Послѣ евангелія (и апостола, о которомъ существуетъ, какъ извѣстно, удовлетворительное изслѣдованіе Гр. Воскресенскаго) наши взоры поневолѣ обращаются къ псалтыри, какъ къ ближайшему памятнику, и мы находимъ, къ нашему изумленію, что всѣ тѣ особенности, которымъ въ глаголическихъ спискахъ евангелія сначала мы можетъ быть и не хотѣли придавать значенія, относясь къ нимъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, потому что не находили ихъ въ такихъ замѣчательныхъ текстахъ, какъ Остромирово евангеліе—что всѣ онѣ какъ разъ повторяются въ древнѣйшихъ спискахъ псалтыри, и не только въ глаголическихъ, но и въ кирилловскихъ. При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть никакого сомнѣнія: простая логика фактовъ заставляетъ насъ увѣровать въ подлинность и первенство всѣхъ тѣхъ чертъ, которыя согласно повторяются въ древнѣйшихъ текстахъ евангелія, апостола и псалтыри, какого бы письма они ни были.

ж) Какія эти черты, извѣстно теперь не только относительно евангелія (по моимъ изслѣдованіямъ) и апостола (по изслѣдованію Гр. Воскресенскаго), но по выше изложенному, надѣюсь, и относительно псалтыри. Укажу только нѣсколькими примѣрами еще на грамматическую сторону древнѣйшаго перевода псалтыри, чтобы доказательство было полное. Давно уже, разбирая языкъ толстовской псалтыри, П. А. Лавровскій выставилъ множество формъ простого (несигматическаго) аориста, какъ особую черту этого памятника; В. Срезневскій замѣтилъ то же самое, и распространилъ, какъ и слѣдовало, на другіе древнѣйшіе кирилловскіе списки псалтыри: слуцкій, погодинскій, въ меньшей мѣрѣ болонскій. Множество примѣровъ какъ простого аориста такъ сигматическаго стараго вида изъ погодинской псалтыри было давно уже собрано Вл. И. Ламанскимъ. Теперь присоединяется ко

всѣмъ этимъ памятникамъ еще псалтырь синайская глаголическаго письма, подтверждая какъ нельзя лучше, что эта черта «старословѣнской» грамматики дѣйствительно господствовала не только въ первоначальномъ переводѣ евангелія и апостола, но также псалтыри. Въ синайскомъ спискѣ простые и стараго вида сигматическіе аористы въ исключительномъ употребленіи съ удивительною послѣдовательностью. Приведемъ примѣры:

α) Простой аористъ 1-е лицо ед. ч.: идъ 36.36, обидъ 26.6, придъ 68.3, сѣдъ 25.4, обрѣтъ 68.21, 88.21, 114.3, въздвигъ 24.1, 118.48, исохъ (т. е. исъхъ=из-сѫхъ) 101.12, сътрасъ 108.33, оуглекъ (т. е. оуглѣкъ) 68.3; — 1-е л. мн. ч. проидомъ 65.12; — 3-е лицо дв. числа: изнеможете 17.37, 87.10, 108.24, срѣтете 84.11, ищезете 68.4; — 3 е лицо мн. ч. възидѫ 121.4, вънидѫ 68.2, изидѫ 18.5, обидѫ 16.11, 17.6, 21.13.17, 87.18, 108.3, 117.10.11.12, придѫ 17,13, 43.18, 78.1, 104.31.34, прѣидѫ 41.8, 72.7. 104.13, прѣвъзидѫ 37.5, разидѫ 21.15, снидѫ 47.5; падѫ 19.9, 26.2, 77.28.64 (падѫтъ ошибочно 35.13), допадѫ 15.6, нападѫ 57.4, 68.10; сѣдѫ 118.23, 121.5; обрѣтѫ 75.6, 106.4, 114.3, 118.143; възмогѫ 20.12, изнемогѫ 26.2, 106.12, прѣмогѫ 64.4, 128.2; въздвигѫ 82.3, 92.3; сътрѫгѫ 77.57; ищезѫ 36.20 (симон. хотѣлъ исправить и написалъ ищезноў), 63.7, 101.4; оунъзѫ 37.3; навыкѫ 105.35; сумлъкѫ 106.29.30; възникѫ 91.8; сосъхѫ 101.4; погыбѫ 72.19; оуглъбѫ 9.16, 68.15; охрѫмѫ 17.46.

β) Сигматическій аористъ стараго вида (образуемый, какъ извѣстно, непосредственнымъ присоединеніемъ аористическаго суффикса къ корню, оканчивающемуся на согласную): 1-е лицо ед. числа: възвѣсъ 120.1, 122.1, съмасъ 54.3, 76.5, 118.60, отъврѣсъ 38.10, 118.131, възнѣсъ 65.17, 88.20, 130.20; (вѣрѫ) ѩсъ 118.66, приѩсъ 68.8, отъѩсъ 108.33; класъ 88.36; 94.11, 118.106; начасъ 76.11; рѣхъ 39.11, тѣхъ 57.5, сълахъ 37.7, възвлѣхъ 118.131; — 1-е лицо мн. ч.; съмасомъ 89.7, приѩсомъ 47.10; — 3-е лицо дв. ч. издрѣсте 65.14. въвѣсте 42.3, извѣсте 118.136, възнѣсте 130.1; — 3-е лицо множ. числа: ѣсѧ 21.30,

77.29, поѣса 77.45, 78.7, 104.85, снѣса 105.28; чиса 21.18; къзмаса 75.6, 106.27, съмаса 17.8, 45.47, 47.6, 63.9 (менѣе вѣрно съмаша 6.3, 30.11); отъврѣса 21.14, 108.2; къзнѣса 46.10, 106.25; (вѣрж) ѩса 39.13, 77.27.32, 105.12, обаса 16.12, 114.3, заѩса 62.12; рѣша 82.13, нарѣша 48.12; тѣша 61.5, истѣша 104.41, потѣша 77.20, 104.41, расѣша 73.5, извлѣша 36.14, облѣша 64.14, налаша 36.14, 63.4, съдаша 56.17; вжжеша 73.7.

Противъ ожиданія читаемъ пс. 85.4 възахъ вм. възасъ.

γ) Кромѣ этой главной, количествомъ примѣромъ въ глаза бросающейся грамматической особенности древнѣйшаго перевода, есть и другія немаловажныя. Такъ 3-е лицо мн. ч. повелительнаго наклоненія бжджт 108.8.9.13 (γενηθήτωσαν), гдѣ симоновскій списокъ, не понимая формы, исправилъ ее въ боудоуть, не прибавивъ однакожъ еще частицы да, которая уже дополнена во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ. — 3-е лицо дв. числа всегда правильно оканчивается на -те, что въ симон. спискѣ уже исправлено на -та только иногда случайно осталось еще старое окончаніе, напр. 9.29 очи.. възираете (призиракта симон.), 10.4, 65.7 призираете (—та симон.), 16.2 видите (—та симон.), 22.4 оутѣшисте (—ста симон.), 26.10 остависте (—ста сим.), 34.21 видѣсте (—ста сим.), 37.17, 72.2 нозѣ... подвижасте (—ста син.), 39.12 застжписте (—ста симон.), 42.3 настависте (—ста симон.), 62.4 похвалите (—та симон.), 68.4 ищезете (симон. исправилъ только въ ищезноусте, оставивъ окончаніе -те), 70.23, 88.13 възрадоуете са (—та сим.), 80.6 поработасте (—ста симон.), 83.3 възрадовасте са (—ста сим.); 118.73 осталось еще и въ симон. створисте (sc. ржцѣ).

Условныя предложенія выражаются посредствомъ вспомогательнаго глагола би, бимь, не бѣхъ, какъ въ позднѣйшихъ спискахъ: аште би ми... поносилъ, прѣтрьпѣлъ бимъ, и аште би... оукрылъ са бимъ 54.13; ѣште биша... послоушали, ѣште би ходилъ.. съмѣрилъ бимь.. възложилъ бимъ 80.14—15, ср. 93.17, 118.92.

δ) Въ склоненіи син. псалтырь представляетъ нѣсколько осо-

бенностей, которыхъ я не смѣю считать первоначальными, потому что онѣ не повторяются правильно во всѣхъ прочихъ древнѣйшихъ спискахъ. Сюда принадлежитъ послѣдовательное окончаніе род. падежа ед. числа на -и вм. -е основъ консонантическихъ, напр. 13.1, 19.7 съ небеси, 21.10.11 матери моєѩ, 22.3 имени єго ради (сл. Archiv für slav. Philologie VII стр. 127, и Маріинское ев. 438—439); предложный падежъ тѣхъ же словъ на -и (вм. -є), напр. 10.5, 35.6 на небеси и т. д.; даже окончаніе -ови (вм. -ове) именительнаго падежа мн. ч. *u*-основъ: 17.46 сꙑнꙑ тоуждии, 28.5 сꙑнови бжии, 35.8 сꙑнви чл҃чи, и т. д. Въ первыхъ двухъ случаяхъ колебаніе между окончаніемъ на -є и на -и, какъ извѣстно, началось уже очень рано; третій случай напротивъ поражаетъ тѣмъ большею неожиданностью, что въ болгарскомъ языкѣ и до сихъ поръ живетъ окончаніе на *-ове*, въ сербскомъ же окончаніе на *-ови* еще въ XIV—XV ст. считается большею рѣдкостью. Такъ какъ возлѣ сꙑнови встрѣчаются также примѣры правильнаго сꙑнове, то м. б. въ -ови слѣдуетъ видѣть болгарское смѣшеніе неударяемаго *е* съ *и*, чему нѣсколько примѣровъ приведено Гейтлеромъ въ введеніи, на стр. XXII. И такъ уже въ син. псалтыри, несмотря на ея относительную древность — я отношу этотъ памятникъ къ концу XI вѣка — не все принадлежитъ первоначальному переводу. За то важнымъ отраженіемъ первоначальной редакціи я считаю сохранившіеся въ син. пс. довольно многочисленные примѣры окончаній сложнаго склоненія на -ѣго и -оуємоу—тѣмъ болѣе, что какъ извѣстно и въ зографскомъ и въ маріинскомъ евангеліи сохранились такія формы. Нельзя полагать, что всѣ эти памятники пріобрѣли упомянутыя окончанія только тогда, когда они, перейдя съ сѣвера на югъ, были здѣсь списываемы съ подлинниковъ; ибо въ такомъ случаѣ мы ожидали бы гораздо большаго ихъ распространенія въ памятникахъ южнославянскихъ, а между тѣмъ, многіе несомнѣнно болгарскіе памятники, сохранившіе впрочемъ всѣ черты древности, этихъ окончаній вовсе не знаютъ, напр. знаменитая погодинская псалтырь.

3. Синайскій списокъ псалтыри очевидно писанъ на югѣ, по всей вѣроятности въ Македоніи. Въ немъ заключается много драгоцѣнныхъ данныхъ для опредѣленія особенностей македонско-болгарскаго нарѣчія XI столѣтія, самая замѣчательная черта — частое смѣшеніе ѫ съ о — служитъ доказательствомъ, что уже тогда въ Македоніи рѫка произносилось какъ рока, какъ и теперь; рѣже смѣшивается ѫ съ оу, что можно уже назвать сербизмомъ. Важно замѣтить, что синайскій списокъ сохранилъ также нѣсколько чертъ сѣверно-славянскаго (паннонско-моравскаго) нарѣчія—доказывающихъ, что подлинникъ его попалъ въ Македонію дѣйствительно съ сѣвера, изъ предѣловъ Моравіи или Панноніи. Сюда я причисляю интересную форму пс. 24.7 невѣзества (вм. невѣждества, ср. Мар. ев. стр. 437—8), потомъ 15.7 вързоумъшаго (вм. вразоумлъшаго), и 29 1 оснаце, гдѣ ожидали бы освацє, т. е. сокращеніе требуемаго смысломъ слова освацениѣ, во всякомъ случаѣ здѣсь ц замѣняетъ шт. Наконецъ сѣверозападно-славянская черта языка отзывается, какъ мнѣ сдается, также въ довольно часто являющемся предлогѣ вы- вм. из-, напр. вырини 5.15, выриновени 35.13, вринѫша (читай вꙑринѫша) 48.15, выгъна 43.3, 79.9, выгънахъ 100.5, выгънани 36.28, 108.10, выгонаштеи 118.157. Обоихъ примѣровъ, указанныхъ Шафарикомъ (Ueber den Ursprung etc. стр. 44), пс. 44.5 и 68.19, въ синайскомъ спискѣ нѣтъ; но они важны тѣмъ, что свидѣтельствуютъ о раннихъ поправкахъ перевода, сдѣланныхъ уже въ глаголическихъ спискахъ. Пс. 44.5 первоначальный переводъ былъ и наляци и спѣи и цѣсарьствоуи, позднѣе кирилл. списки, какъ уже сказано, измѣнили наляци въ напрази, глаголическіе же по латинскому тексту intende prospere procede et regna вм. наляци поставили вънѩми, и оставивъ глаголъ спѣи (κατευοδοῦ) прибавили еще выстѫпи для передачи латинскаго procede. Такимъ образомъ въ глагол. текстѣ вм. трехъ оказываются четыре глагола: вънѩми, спѣи, выстѫпи и цѣсарьствоуи. Поправка или прибавка выстѫпи (по хорв. редакціи вистоупи) доказываетъ уже формою слова (съ предлогомъ вы-), что она

принадлежитъ очень раннему времени—она могла произойти не только въ Панноніи, но и въ Истріи или на островѣ Кърке.

Синайскій списокъ псалтыри занимаетъ такое важное мѣсто въ ряду древнѣйшихъ, что не будетъ безполезно сказать еще нѣсколько словъ объ изданіи его. Самъ памятникъ нельзя назвать тщательно писаннымъ, переписчики (ихъ было нѣсколько) отнеслись къ своему дѣлу довольно небрежно или же очень спѣшили, чтобы скорѣе покончить. Такого мнѣнія и издатель памятника (ср. стр. VII введенія). Оттого попадается много описокъ, а можетъ быть есть и опечатки; различить то отъ другого трудно. Отмѣтимъ важнѣйшія: пс. 2.2 г҃ѣ сна: смыслъ требуетъ г҃ѣ і на; 7.13 орѫжье с҃тое: читай орѫжье свое; 9.15 а възвѣщѫ надо дополнить: (ѣко д)а възвѣщѫ; 9.21 насъ німи: описка или опечатка вм. надъ німи; 9.34 по срьдъци: несомнѣнно во срьдъци; 12.7 издатель напечаталъ (въ)пиѭ... и въ[с]пиѭ, т. е. къ первому глаголу онъ прибавилъ предлогъ въ, при второмъ онъ желалъ бы устранить с, проще и правильнѣе читать поѭ... и въспоѭ (такъ въ симоновскомъ и другихъ спискахъ, такъ и у Берчича); 13.1 весоуменъ: конечно безоуменъ; 16.5 да се подвіжѧтъ сѧ: испр. да не подвижатъ сѧ; 17.11 на кроулоу: испр. на крилоу, 17.30(29) і бѕѣ: испр. о бѕѣ; 17.40 подѫ мноѭ; испр. подъ мноѭ; 18.8 непоречень: испр. непороченъ; 18.12 отъ тоуждоухъ: конечно отъ тоуждихъ; 21.16 грътані моімъ: испр. грътани моемъ; 23.4 частъ: читай чистъ; 23.9 сънидетъ: судя по другимъ спискамъ вънидетъ; 24.6 штедротъ: читай штедроты, но въ син. псалтыри довольно часто пишется ъ вм. ъі и наоборотъ ъі вм. ъ (напр. 26.7 оуслъші вм. оуслъіші, 27.6 оуслъша вм. оуслъіша, ср. подобные примѣры въ Маріинскомъ ев. стр. 425, и у Гейтлера въ введеніи на стр. XIX); 32.2 во псалътъіри же сѫтъ строунанѣ: по смыслу и другимъ спискамъ надо читать во псалътъіри десѧтострочнанѣ (глаголическую букву ⰹ не трудно смѣшать съ ⰶ); 34.17 отъ зълобъ іхъ: смыслъ требуетъ отъ зълобъі ихъ (т. е. зълобъ-іхъ); 33.15 пожоні: должно быть опечатка вм. пожені; 34.24 и 26 конечно надо исправить пора-

доуꙁѫтъ и облъкѫтъ вм. описокъ подлинника или опечатокъ издания; 36.11 второе наслѣдатъ читай насладатъ; 47.4 даръхъ испр. въ варъхъ; 47.6 пако видиша са: вѣроятно опечатка вм. тако дивиша са; 48.15 обътъшаетъ испр. обетъшаетъ; 48.20 до рова: несомнѣнно до рода; 49.10 ѣко ти въ горахъ: читай скоти въ горахъ (въ подлинникѣ должно быть ꙗ смѣшано съ ѧ); 49.14 жрътвѫ хвалѫ: ожидаемъ жрътвѫ хвалъі, а 50.21 жрътвѫ правьдѫ: ожидаемъ жрътвѫ правьдъі (случайныя ли это описки, или можетъ быть ѫ по болгарскому глухому произношенію смѣшано съ ъі? ср. еще 106.22); 54.10 ѭзъі: издателю слѣдовало въ скобкахъ дополнить къі, т. е. ѩзъі(къі); 54.23 печала: описка вм. печѣла; 58.17 въздрадоуѭтъ: ожидаемъ въздрадоуѭ; 64.14 овацi: конечно овьнi; 67.6 сiхъ i iхъ: читай сiрънiхъ (какъ легко смѣшать глагол. ь и ь!); 67.11 издатель напечаталъ животъна[на]i, т. е. онъ считаетъ второе на лишнимъ надо же читать: животъ (т. е. живѫтъ, о вм. ѫ встрѣчается въ син. нерѣдко) на нei, т. е. собственно поправки требуетъ тольк одна буква; 72.6 издатель напечаталъ одръжаѭ(тъ), полагая что надо прибавить тъ; напротивъ, ничего не прибавлять, а читать надо: одръжаѭ, гдѣ ѭ неправильно стоитъ вм. ѩ; 72.2 дъщери своеі: по смыслу ожидаемъ дъщери сиони; 76.18 прѣгодатъ: конечно описка вм. прѣходатъ; 77.21 издатель напечаталъ гнѣвъ (и)зiде, слѣдовало же исправить иначе, т. е. или гнѣв възiд или просто гнѣ(въ) възiде; 77.46 троухъ: издатель желая оправдать эту форму слова, указываетъ на литовское trúsas, но всѣ прочіе памятники пишутъ троудъ ихъ, а такъ какъ въ син. послѣ троухъ ожидаемаго ихъ нѣтъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что троухъ—просто описка подлинника вм. троудъ ихъ; 77.67 колѣно: несомнѣнно колѣна; 78.8 обьнiштаго: испр. обьнiштахомъ; 79.12 до мѣрѣ: читай до морѣ; 80.4 вънарочите испр. въ нарочитъ; 82.8 вiторѣ: несомнѣнно въ тирѣ или еще ближе во тiрѣ; 82.9 ѣсоухъ: испр. ѣсоуръ (опять смѣшано глагол. ь и ь); 83.2 селъ: читай села; 88.11 издатель предлагаетъ ѣзвьна (ж)родаего, но всѣ прочіе памятники пишутъ грьдааго, поэтому и здѣсь

нельзя допустить его поправки; 88.29 вѣрьноумоу: греч. текстъ и другіе списки требуютъ вѣрнѣ емоу; 88.43 вм. възвеселитъ сѧ надо бы писать възвесели вьсѧ; 89.12 і і кованьіѩ: читай і око-ваньіѩ; 94.3 б҃ъ велеі ихъ: по греч. тексту испр. въ б҃ъ велеі г҃ь; 118.5 ісправѣали: читай ісправили (ѧ вм. и!); 118.140 раждєлєно: вѣроятно опечатка вм. раждежено; 135.2 ѣко бъ егъ: испр. ѣко благъ.

Иногда не измѣняя ни одной буквы, нужно только иначе разставить ихъ, чтобы получить правильное чтеніе; отчего издатель не сдѣлалъ этого, мнѣ непонятно. Такъ простою разстановкою исправляются 24.8 благо і правъ (т. е. благъ і правъ вм. благоі), 32.11, 48.12 и 101.25 въ родъ і родъ (вм. родъі), 36.25 іко състарѣхъ сѧ (вм. невѣрнаго і косъ старѣхъ сѧ!), 56.1 д҃адо въ тѣлопъсанье (не д҃адовъ, читать надо: не истали давидоу въ тѣлопьсаниѥ), 67.10 изнеможе тъі же (вм. невѣрнаго изнеможетъ іже), 67.17 иво г҃ь (вм. невѣрнаго и б҃огъ, уже титло показываетъ, какъ надо читать), 72.19 ісконьчашѧ (вм. і сконьчашѧ), 72.20 ѣко сонъє (вм. сонъ є), 72.22 оуничьженъ і (вм. оуничьженъі), 73.20 домоувъ (болгаризмъ вм. домовъ) неправъденъ (вм. невѣрнаго домоу въ неправъ денъ!), 74.4 штітъ і орѫжье (вм. штітъі), 76.4 въскръвехъ (є стоитъ вм. ѣ, невѣрно напечатано въ скръвехъ), 77.30 іначе (вм. і наче, надо полагать, что приписанный надъ строкою слогъ одъ собственно стоитъ вм. едъ, хотѣлось получить слово единаче, которое на дѣлѣ читаемъ въ чудовской псалтыри; одиначе былъ бы непонятный для меня русицизмъ! ср. однакожъ 71.15 золъта!), 77.68 горѫ сіонъ ѭже възлюбі (вм. сіонъѭ, если бы подлинникъ хотѣлъ выразить прилагательную форму слова, такъ написалъ бы сіонѭ), 80.3 пъсаломъ і (вм. невѣрнаго пъсаломъі), 105.30 и ста финісъ (вм. стафинісъ, что не имѣетъ смысла), 111.4 правъденъ (вм. правъ денъ), 121.3 зиждема ѣкъ градъ (вм. зиждемаѣ къ, ѣкъ стоитъ вм. ѣкъі, т. е. ъ вм. ъі), 126.1 бадѣ стрѣгѫі (вм. стрѣгѫ і; бадѣ не есть что другое, какъ аористъ глагола, по греч. ἠγρύπνησεν, литовскія нарѣчія на еі тутъ ни

при чемъ), 126.4 отатъіхъ (вм. отатъ іхъ), 127.6 мирь на (вм. мирьна, собственно миръ на).

Издатель повидимому не захотѣлъ пользоваться обыкновенными, всѣмъ доступными печатными текстами слав. перевода псалтыри, иначе онъ не предлагалъ бы намъ странныхъ догадокъ тамъ, гдѣ дѣло проще объясняется то опискою подлинника, то неправильною разстановкою буквъ въ текстѣ. Напр. я исправилъ выше 76.18 прѣгодатъ въ прѣходатъ (въ глагол. не трудно смѣшать ⰳ и ⱈ), потому что всѣ тексты такъ и пишутъ; издатель же не хотѣлъ взглянуть хоть бы въ изданіе Берчича, онъ предпочелъ въ предисловіи стр. XXIV поставить вопросъ, не стоитъ ли прѣгодатъ вм. прѣгждатъ! На стр. 338, пс. 123.7 ясно написано отъ сѣти лова штіхъ (такъ и у Берчича); издатель же, не обращая вниманія на слогъ штіхъ слѣдующей строки, предлагаетъ лова считать прилагательнымъ ловьча! Выше исправленное мѣсто пс. 126.1 въ соуе бьдѣ стрѣгжі (εἰς μάτην ἠγρύπνησεν ὁ φυλάσσων) издатель и въ предисловіи не хотѣлъ читать, какъ слѣдовало (ср. стр. XXIV введенія), оттого и явились у него лишнія догадки. Пс. 93.15 ѩдѣ въ предисловіи (стр. XXII) предлагается считать менѣе правильнымъ, вм. ѭдѣ; но едва ли это такъ, ср. въ словарѣ Миклошича s. v. ѩдѣ.

Въ альбомѣ проф. Кондакова, о которомъ была рѣчь впереди, помѣщены на двухъ таблицахъ фотографическіе снимки (7 листовъ) съ этой замѣчательной псалтыри. Сравнивая съ ними печатный текстъ, я убѣдился, что проф. Гейтлеръ вообще списалъ съ подлинника довольно вѣрно, за что нельзя не благодарить его при такомъ памятникѣ, съ котораго новаго списка не легко достанешь. Конечно безъ небольшихъ неточностей не обошлось, онѣ простительны тамъ, гдѣ надо было списывать спѣшно. Укажемъ на болѣе важныя описки (смѣшеніе ı съ и оставляю безъ вниманія):

На лл. 6—11, пс. 4 ст. 3 вмѣсто въскѫѭ въ подлинникѣ въскѫѭ; въ соуеть[т]наа лишней буквы, поставленной въ скобки,

въ подлинникѣ соѥтанаа; вм. лъжѫ въ подлинникѣ лъжа, такъ и лучше, потому что глаголъ ищете требуетъ родительнаго падежа; ст. 4 възовѫ: въ подл. вазовѫ; пс. 5 ст. 6 вм. твоіма, хотя такъ вѣрнѣе, но въ подл. ясно моіма; ст. 8 дома: въ подл. домъ; ст. 9 пѫта: въ подл. кажется пѫтъ; ст. 10 лъщаахѫ: въ подл. кажется лъщаахѫ; ст. 12 възвеселятъ: въ подл. вазвеселятъ; пс. 6 ст. 6 въ съмрьті: въ подл. ва съмръті; пс. 7 ст. 5 аще: въ подл. аште, ст. 6 къ пръсть въселитъ: въ подл. ва пръсть васелітъ.

На л. 128—133 пс. 50 ст. 4 безаконнаѣ: въ подл. безаконенаѣ, ст. 14 владъічанемъ: въ подл. владъічънемъ, ст. 16 краві: въ подл. кръві; 51.2 въ до(ид)оумѣанъ кромѣ ид надо поставить въ скобки еще предыдущее о слога до, т. е. д(о); тамъ же вм. дадо: въ подл. дадъ; ст. 3 чато: въ подл. чьто, зъловѫ: въ подл. зъловo; ст. 8 оузарятъ: въ подл. оузъратъ; пс. 52 ст. 7 буквы л, поставленной въ скобки, въ словѣ (въ)звесел[л]ітъ, не нужно; пс. 53 ст. 3 пропущена одна строка, т. е. послѣ словъ бже въ іма твое сп(и)ма въ подлинникѣ какъ новая строка слѣдуютъ слова: и въ силѣ твоеі сѫди ми.

На л. 262—263 пс. 102 ст. 1 бласи: въ подл. блси, ст. 5 похота: въ подл. кажется похотъ, ст. 7 мосию: въ подл. мосеоу и нѣсколько далѣе буква ю, ст. 9 враждоуетъ: въ подл. враждоуетъ, ст. 13 отца: въ подл. отцъ.

4. Послѣ небольшого отступленія, въ которое увлекъ насъ синайскій текстъ, возвращаемся еще разъ къ судьбамъ славянскаго перевода псалтыри, чтобы сказать нѣсколько словъ о чудовскомъ спискѣ. Мы очень обязаны о. Амфилохію за обширныя извлеченія изъ этого памятника, т. е. изъ толкованія Өеодоритова; изъ текста псалмовъ приводятся только разночтенія. Хотя полное изданіе чудовской псалтыри и послѣ этого не будетъ лишнимъ, но указаній, находимыхъ въ трудѣ о. Амфилохія, достаточно для того, чтобы дать вѣрное понятіе о значеніи этого памятника.

Текстъ чудовской псалтыри — гдѣ нѣтъ его въ спискѣ XI вѣка, тамъ мы пользуемся изводомъ 1472 года, которымъ изда-

тель очень кстати пополнилъ пробѣлъ стараго списка — основанъ на переводѣ первоначальной редакціи, о которой была рѣчь; доказательствомъ служатъ многія слова, свойственныя только первоначальной редакціи, сохранившіяся и въ этомъ памятникѣ. Такъ онъ знаетъ форму благословестити, употребляетъ иногда въ сложныхъ словахъ ино- (вм. ѥдино-), напр. 67.7 иномъıсльнъıꙗ, 82.6 иномъıшлениѥмь, пишетъ согласно съ синайскимъ или болонскимъ спискомъ 9.25 прѣдъ лицемь ѥго, употребляетъ слова: сънъмь, ꙗдро, сълашти и налацати, отокъ, отълѣкъ и т. д. Но эта первоначальная редакція сквозитъ только изъ-подъ сильнаго наслоенія новыхъ исправленій, свойственныхъ спискамъ псалтыри съ толкованіемъ Θеодоритовымъ. Здѣсь нѣтъ почти стиха, который не представлялъ бы собою какое либо отступленіе отъ первоначальной редакціи. Эти отступленія должно быть явились въ видѣ поправокъ въ текстъ псалмовъ именно тогда, когда онъ былъ снабженъ переводомъ толкованія Θеодоритова. Большая часть этихъ поправокъ не имѣла большого распространенія, онѣ вошли въ списки съ толкованіемъ Θеодоритовымъ, въ списки же безъ толкованія или съ толкованіемъ Аѳанасіевымъ онѣ не переходили.

Объяснимъ это примѣрами.

а) Пс. 2.1 ἐφρύαξαν ἔθνη всѣ списки переводятъ шаташа са ꙗзъıци, только чуд. възгърдиша са странъı; слово страна для передачи греч. ἔθνος вм. обыкновеннаго ꙗзъıкъ повторяется постоянно: 17.44, 21.28.29, 93.10, 95.7, 101.16; — пс. 2.8 κληρονομία во всѣхъ спискахъ переводится достоꙗниѥ, такъ еще 15.5.6, 32.12, 36.18, 46.5, 60.6, 73.2, 77.62.71, 93.5 и т. д., но чуд. списокъ или изводъ 1472 года употребляютъ слово причастиѥ (или причаштениѥ) и часть; ср. также глаголъ причастити 82.13 вм. обыкновеннаго наслѣдити; — пс. 16.10 ὑπερηφανία во всѣхъ сп. гръдъıни, такъ и 30.19.24, 35.12, 58.13, 72.6, 73.3.23, 100.7 и т. д., но чуд. сп. и изв. 1472 года прѣзоръ, прилаг. прѣзоривъ 118.21.69.78 вм. обыкновеннаго гръдъ, а 88.11 величавъıи; — пс. 14.4 ἐξουδένωται во всѣхъ проч. сп. уничаженъ ѥсть, только въ

чуд. (т. е. въ его изводѣ 1472 года) оукорена єсть, а 57.8, 58.9, 59.14, 72.22, 88.39 вм. оуничьжити чудов. употребилъ глаголъ оумалити; ἐξουδένημα 21.7 и 89.6 вм. оуничьжениѥ прочихъ списковъ въ чудов. похоулениѥ, оттого 21.25 похоулилъ єсть вм. оуничьжи (ἐξουδένωσεν) и 43.6 похоулимъ чуд. (проч. оуничьжимъ), ср. 50.19, 52.6, 77.59, 101.18, 105.23 — во всѣхъ этихъ мѣстахъ чуд. или изводъ 1472 года пишетъ хоулити, похоулити вм. оуничьжити; — пс. 55.6 ἐβδελύσσοντο мрьзѣахѫ всѣ прочіе, но чуд. и 1472 г. хоулахоу; — пс. 77.19 καταλαλεῖν въ прочихъ переводится глаголати на, въ чуд. опять является глаголъ хоулити (и ба҃ хоулиша); — пс. 21.7 ὄνειδος въ проч. сп. поношениѥ, но чуд. и 1472 года оукоризна, такъ и 30.12; оттого 34.17 ὠνείδισαν прочіе переводятъ поносиша, а чуд. и 1472 г. оукориша; 122.4 вм. поношениѥ опять любимое сдово похоулениѥ въ сп. 1472 г.; — пс. 16.5 σαλεύεσθαι прочіе переводятъ глаголомъ подвижати са, но чуд. сп. и 1472 г. въсколѣбати са, такъ и 59.4 вм. подвижа са прочихъ списковъ въ чуд. поколѣба са; ср. еще 61.3, 72.2, 108.10; въ иныхъ мѣстахъ то же слово замѣнено въ чуд. и 1472 г. глаголомъ възыбати са или позыбати са, такъ 17.8, 29.7, 35.12, 45.6; — пс. 17.9 всѣ прочіе въспланеть са: чуд. въсполить са; — 17.13 всѣ прочіе оуглиѥ (ѫглиѥ) огньни: чуд. главнѧ огньны; — 32.2 прочіе исполинъ: чуд. щюдовинъ (это слово встрѣчается въ изборникѣ Святослава); — 34.13 и 68.12 прочіе врѣтиште: чуд. ѩригъ; — 34.13 прочіе постъ: чуд. алканиѥ, а 68.11 поштениѥ; — 35.9 прочіе обилиѥ: чуд. масть; — 40.10 прочіе льсть: сп. 1472 г. прѣлоукованиѥ (слова прѣлѫкованиѥ въ словарѣ Миклошича нѣтъ); ср. еще 124.5 въ прочихъ развращениѥ: въ сп. 1472 г. лоукованиѥ; — 44.10.14 прочіе прѣоукрашенъ: чуд. измачатанъ; — 45.5 прочіе рѣчьнаꙗ оустрьмлениꙗ: чуд. рѣчьни исходи; — 48.10 пагоубы: сп. 1472 г. разсыпаниꙗ: — 49.8 прочіе жрьтва: чуд. или сп. 1472 г. трѣба, ср. еще 77.58 ἐν τοῖς βουνοῖς въ прочихъ на хлъмѣхъ, во чуд. на трѣбиштихъ; — 51.4 прочіе бритва: чуд. бричь; — 67.11 τὰ ζῶα въ прочихъ животьнаꙗ: въ чуд. животи; —

67.26 ἐχόμενος переводится близъ (еще раньше было ѩадѣ, такъ и 93.15), а въ чуд. запать; — 68.6 прочіе прѣгрѣшениꙗ: чуд. лихновениꙗ; — 68.8 прочіе срамота: чуд. срамъ; — 68.18 и 85.16 прочіе отрокъ: чуд. ракъ; — 73.6 прочіе оскрѫдъ: чуд. чеканъ (ср. сербское «чекић»); — 77.28 прочіе станъ: чуд. плъкъ; — 78.11 прочіе окованъ: чуд. съвазанъ, ср. 101.21; оттого 104.18 въ окованнꙑихъ сим. въ оковехъ син.: но чуд. въ оузахъ; — 83.1 прочіе точило: чуд. тѣскъ; — 83.4 прочіе птенаць: чуд. птишта; — 92.4 прочіе строугꙑ: чуд. или изв. 1472 г. издержаниа (есть и разночтеніе сътрениꙗ, греч. ἐπιτρίψεις); — 96.7 прочіе истоуканьнꙑимъ... о идолѣхъ: сп. 1472 г. изваꙗннꙑимъ... о коумирѣхъ; ср. еще 105,36.38 изваꙗнъ чуд. вм. истоуканьнъ и 134.15 коумири вм. идоли; — 101.7 всѣ прочіе нꙑрище: чуд. и сп. 1472 г. домованъ дворъ; — 101.8 прочіе на зъдѣ: чуд. на храмѣ; — 106.34 прочіе плодовитъ: чуд. животанъ; — 110.10 прочіе начало (син. поконь): чуд. зачатокъ; — 118.19 пришьльць: чуд. приходьникъ; — 119.5 прочіе пришьльствиѥ: сп. 1472 г. обитаниѥ; — 138.13 оутробоу (ѫтробѫ) мою (моѭ): чуд. или сп. 1472 г. истесѣ мои (νεφρούς μου).

б) Свободное отношеніе чуд. списка къ старому переводу, замѣчаемое въ этихъ отступленіяхъ, повторяется также въ стремленіи перевести слова, остававшіяся до тѣхъ поръ безъ перевода. Такихъ примѣровъ довольно много. Слово ἱματισμός 21.19 остается безъ перевода во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ, даже въ симоновскомъ, но чуд. даетъ уже одежда; — κέδροι 28.5, 103.16 въ прочихъ остается кедри, но чуд. и 1472 г. смрѣчиѥ, ср. 91.13 κέδρος прочіе кедръ, сп. 1472 г. смрѣча; 79.11 тоже κέδροι переведено въ чуд. и 1472 г. словомъ тисиѥ; 36.35 τὰς κέδρους τοῦ λιβάνου въ прочихъ спискахъ осталось кедрꙑ ливаньскꙑꙗ, но пс. 1472 смрѣчи доубравнаꙗ (вѣроятно смр. доубравныꙗ), поэтому и 28.6 τὸν μόσχον λιβάνου прочіе переводятъ тельць ливаньскꙑи, но 1472 г. т. доубравьскꙑи; — 77.60 σκηνὴ осталось въ син. и симон. скиниꙗ, но чуд. и 1472 г. храмъ; — 132.2 въ прочихъ моуро (син. даже хризъма), но сп. 1472 г. благовоньнаа масть;

136.2 прочіе органы: сп. 1472 г. сосоуды;—80.5 λάβετε ψαλμὸν καὶ τύμπανον въ прочихъ остается псалъмъ и тоумапанъ, но чуд. и 1472 г. пѣснь и бжбанъ, оттого 67.26 νεανίδων τυμπανιστριῶν въ прочихъ сп. дѣвъ тоумапаниць, но чуд. и 1472. дѣвиць бжбаниць; — 67.32 Αἰθιοπία остается ефиопиꙗ, но чуд. мурьскаꙗ (въ подл. описка тоурьскаꙗ) земліꙗ, ср. 71.9 етіопѣни син. ефиопляне обыкн. сп., но чуд. мури; 73.14 етиопьскомъ или ефиопьскомъ всѣ прочіе, но чуд. мурьскъімъ;—слово ὑπόστασις обыкновенно не переводится, но чуд. и сп. 1472 всегда переводятъ его, такъ напр. 38.6.8 прочіе оупостась: 1472 г. съставъ, 88.48 прочіе оупостась: сп. 1472 г. събъітик;—91.11 ἐν ἐλαίῳ πίονι въ син. симон. и проч. въ олѣѣ (или клѣи) мастигѣ: чуд. и сп. 1472 г. въ маслѣ тоучнѣ.

Состоялись ли эти исправленія текста подъ вліяніемъ перевода толкованія, какъ мнѣ сдается, или нѣтъ, это можно будетъ окончательно рѣшить только тогда, когда переводъ толкованія сдѣлается доступнымъ въ полномъ изданіи. Судя по отрывкамъ, напечатаннымъ у о. Амфилохія, и по примѣрамъ, приводимымъ у В. Срезневскаго, иногда какъ будто бы замѣчается нѣкоторое несовпаденіе перевода толкованія съ переводомъ псалмовъ, т. е. съ исправленіями, сдѣланными въ этомъ переводѣ; однакожъ типическія слова, внесенныя въ текстъ псалмовъ, встрѣчаются также въ переводѣ толкованія.

в) Всѣ до сихъ поръ извѣстные списки псалтыри съ толкованіемъ Θеодоритовымъ принадлежатъ русской редакціи. Но приведенные примѣры, какъ вообще и весь переводъ толкованія, говорятъ въ пользу предположенія, что это трудъ самой ранней эпохи церковнославянской письменности, возникшій гдѣ нибудь въ предѣлахъ южныхъ славянъ, не позднѣе конца X вѣка. Въ языкѣ перевода толкованія и въ поправкахъ, внесенныхъ м. б. подъ его вліяніемъ въ текстъ псалмовъ, сильно отзывается лексическій характеръ южнославянскихъ нарѣчій. Точнѣе опредѣлить мѣстность, пока еще нельзя. Я догадываюсь только, что переводъ не сдѣланъ въ одномъ изъ центровъ тогдашней литературной дѣя-

тельности; иначе онъ не остался бы такъ мало извѣстнымъ и такъ мало распространеннымъ. Основываясь на недоконченности перевода толкованія (недостаетъ въ переводѣ толкованія на пс. 144—150), о. Амфилохій полагаетъ, что толкованіе Ѳеодоритово переведено позднѣе толкованія такъ называемаго Аѳанасіева. Но пока мы не знаемъ, какъ оканчивался текстъ чудовскаго списка XI вѣка—онъ уцѣлѣлъ въ очень неполномъ видѣ, въ спискѣ же 1472 года и спискѣ Румянцовскаго музея недостающій переводъ толкованія Ѳеодоритова пополненъ изъ второго толкованія— трудно утверждать, который изъ двухъ переводовъ сдѣланъ раньше. Вѣдь можно бы и на оборотъ предположить такъ, что переводъ толкованія Ѳеодоритова сдѣланъ раньше, а такъ какъ переводчикъ не успѣлъ довести дѣло до конца, то когда состоялся второй переводъ, тогда изъ этого перевода заимствовано дополненіе пробѣла, оказавшагося въ переводѣ перваго толкованія. По моему лучше не вдаваться въ рѣшеніе этого вопроса, пока еще ни тотъ ни другой текстъ толкованія не изданъ. Достаточно сказать, что переводъ обоихъ толкованій явился независимо другъ отъ друга и, что несомнѣнно, въ различныхъ мѣстностяхъ. Опираясь на фактъ, что толкованіе, такъ называемое Аѳанасіево, всегда примыкаетъ къ тексту псалтыри древней, первоначальной редакціи, не вліяя повидимому на его измѣненіе, я полагаю, что можно съ нѣкоторою вѣроятностью утверждать, что толкованіе такъ называемое Аѳанасіево относится къ первой, скажемъ глаголической, или западной югославянской литературной школѣ. Какъ извѣстно, въ болонской псалтыри и въ евгеніевскихъ отрывкахъ сохранились даже видные слѣды глаголицы: оба списка принадлежатъ къ толковымъ псалтырямъ одного типа. И въ погодинской и толстовской псалтыри — обѣ съ тѣмъ же толкованіемъ—разныя черты языка и подборъ словъ указываютъ на ихъ прямую зависимость отъ такихъ глаголическихъ подлинниковъ, какъ синайскій списокъ. Такого же мнѣнія Миклошичъ о сербскомъ спискѣ толковой псалтыри Бранка Младеновича (ср. Starine IV. 29). Нѣсколько иначе дѣло поставлено относительно

перевода толкованія Өеодоритова. Характеръ его какой-то исключительный. Переводчикъ повидимому не дорожилъ преданіемъ стариннаго текста, онъ смѣло измѣнялъ слова, даже самыя обыкновенныя въ переводѣ евангелія и псалтыри не были обезпечены отъ его покушеній; онъ не колеблясь переводилъ и то, что до тѣхъ поръ оставалось безъ перевода, и исправлялъ тамъ, гдѣ ему казалось, что переводъ не соотвѣтствуетъ подлиннику. Это отношеніе анонимнаго труженика къ своей задачѣ напоминаетъ отчасти особое положеніе савиной книги въ ряду древнихъ евангельскихъ текстовъ, а также супрасльскаго сборника по отношенію къ параллельному тексту, насколько онъ сохранился въ Glagolita Clozianus.

Не будучи пока въ состояніи точнѣе опредѣлить мѣстность этой литературной школы, я довольствуюсь назвать ее восточной югославянской, κατ᾽ ἐξοχήν кирилловскою, присоединяя догадку, что она можетъ быть и не ограничивалась узкою полосою придунайской Болгаріи, а распространялась также на сѣверъ отъ Дуная и Савы. При этомъ я позволю себѣ указать на нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, можетъ быть не совсѣмъ случайныя. Всѣ эти памятники въ позднѣйшее время открываются въ западныхъ или югозападныхъ предѣлахъ Россіи: супрасльскій сборникъ, савина книга, такъ м. б. и туровское евангеліе и чудовская псалтырь, которыхъ во всякомъ случаѣ должно считать памятниками южно- или югозападнорусскими. Өеодоритова псалтырь 1472 года тоже писана на западѣ: «при дръжавѣ великаго короля Казимира... оу Володимери при епискупѣ Демьянѣ» (стало быть въ городѣ волынскомъ, мѣстности, которая входила тогда въ составъ государства литовскаго). Второй списокъ Өеодоритова толкованія писанъ въ 1560 году, какъ говорится въ записи: «оу земли прѹскія, а доконаса мца авгѹста иі дни на Столценберку». Это тотъ «Столценбергъ», предмѣстье города Данцига, въ которомъ И. Копіевичъ въ 1706 году напечаталъ «Рѹковеде́ніе въ грамма́тыку во славѧнороссíйскѹю (см. П. Пекарскаго Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, СПБургъ

1862. II, стр. 132—3 и И. И. Балицкаго Матеріалы для исторіи славянскаго языкознанія. Кіевъ 1876, стр. 20). Наконецъ и тотъ списокъ, который описанъ Востоковымъ подъ № 334 рукописей Румянцовскаго музея, обнаруживаетъ въ языкѣ очевидные слѣды югозападнорусскаго происхожденія. Не намѣчена ли этими географическими данными мѣстность, въ которой двигались и распространялись многіе памятники южнославянской церковной письменности? т. е. не доказываютъ ли эти данныя, хотя и принадлежатъ къ болѣе позднему времени, что уже въ X вѣкѣ былъ не одинъ только путь, по которому славянскія книги проникали въ древнюю Русь: Константинополь, побережье Чернаго моря, Днѣпръ, Кіевъ, но еще и второй, черезъ нынѣшнюю Румынію, Трансильванію, Буковину и Галицію? Первый путь я могъ бы назвать оффиціальнымъ, ему вѣроятно мы обязаны существованіемъ такихъ текстовъ церковнославянскихъ въ Россіи, какъ остромирово евангеліе, и распространеніемъ такого языка ,какъ языкъ этого памятника, по всей области русской церкви, по всей Россіи. Второй путь вѣроятно доставлялъ кромѣ того и такія книги, которыя не выходя изъ оффиціальныхъ центровъ, отличались разными особенностями въ грамматикѣ или лексиконѣ, въ выборѣ словъ, и въ переводѣ вообще. Слѣды памятниковъ этого рода существуютъ и доселѣ, только они не нашли въ свое время такого широкаго распространенія въ русской церкви и такого общаго признанія въ Россіи, что бы ихъ характеръ могъ существенно повліять на церковнославянскій и въ то же время литературный языкъ древней Руси.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Переводчикъ толкованія Θеодоритова называетъ свой языкъ «словенскимъ», какъ Іоаннъ эксархъ болгарскій или Константинъ презвитеръ, ср. у Амфилохія т. III, стр. 365 и 366.

5. Остается отвѣтить на вопросъ, какъ отразилось на слав. переводѣ псалтыри то исправленіе церковныхъ книгъ, которое въ XIV вѣкѣ сдѣлано въ Константинополѣ, въ Студитскомъ мо-

настырѣ? Предоставляю рѣшеніе этого вопроса другимъ, потому что у меня для него нѣтъ данныхъ.

6. Возвращаясь еще разъ къ труду о. Амфилохія о славянскомъ переводѣ псалтыри, укажу на содержаніе 4-го тома: онъ заключаетъ въ себѣ сводный текстъ псалтыри на нынѣ употребительномъ церковнославянскомъ языкѣ, подобранный изъ различныхъ списковъ славянскаго или русскаго перевода, въ соотвѣтственность еврейскому подлиннику. Я не считаю себя компетентнымъ судить объ этой довольно оригинальной попыткѣ о. Амфилохія. Повидимому онъ старался воспроизвести славянскій переводъ псалтыри, какъ вѣрную передачу еврейскаго подлинника; для этой цѣли онъ воспользовался помимо славянскаго перевода, сдѣланнаго конечно по греческому тексту, еще и тѣмъ, который существуетъ въ русской литературѣ, какъ переводъ съ еврейскаго подлинника. Выборъ того или другого чтенія авторъ оправдываетъ въ примѣчаніяхъ, указывая на источники, приводитъ даже разночтенія. Эта реставрація славянскаго текста на ладъ еврейскій не имѣетъ конечно ничего общаго съ историческими судьбами древнеславянскаго перевода, но такъ какъ въ русской литературѣ уже существуютъ переводы псалтыри съ еврейскаго или по еврейскому тексту, то и авторъ, посвятившій столь много труда спеціально псалтыри, имѣлъ нѣкоторое основаніе остановиться и на этой сторонѣ вопроса. Позволю себѣ только относительно «церковнославянскаго» языка этого сводного текста замѣтить, что въ немъ встрѣчаются крупныя ошибки, какъ напр. «аще бы земля поколебася» (вм. поколѣбалася) или «аще бы возшумѣша» (вм. возшумѣли).

III.

Четверо-Евангеліе Галичское 1144 года, сличенное съ древле-славянскими рукописными Евангеліями, съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 835 года... Трудъ Архимандрита Амфилохія.

«Закончивъ печатаніемъ древле-славянскую псалтырь симоновскую до 1280 года съ греческимъ текстомъ X в. теперь приступаю къ печатанію галичскаго четвероевангелія 1144 года, сличеннаго мною съ рукописями XI—XVII вв. и старопечатнымъ евангеліемъ 1571 (!1581) года, помѣщенномъ въ острожской библіи, евангеліемъ кіевскаго изданія 1788 года съ греческимъ текстомъ X и X—XI вв. и съ двумя печатными четвероевангеліями. Славянскій текстъ четвероевангелія 1144 года я предпочелъ всѣмъ другимъ, какъ полный текстъ всего четвероевангелія и какъ писанный на югѣ, ближе къ мѣсту первыхъ переводчиковъ евангелія, святыхъ первоучителей славянскихъ, Кирилла и Меѳодія, и почти сходный буквально, кромѣ правописанія, съ древнѣйшимъ четвероевангеліемъ зографскимъ XI в., изданнымъ г. Ягичемъ въ Берлинѣ въ 1879 году, чѣмъ евангелія писанныя на сѣверѣ». Такъ говоритъ на первыхъ двухъ страницахъ предисловія о. Амфилохій о своемъ намѣреніи, для насъ теперь уже совершившемся фактѣ, въ видѣ трехъ объемистыхъ томовъ. Мы очень рады, что его вниманіе въ неутомимой издательской дѣятельности остановилось на четвероевангеліи 1144 года, хотя трудно было бы согласиться съ нимъ, если бы онъ полагалъ, что памятникъ,

благодаря именно его южнорусскому происхожденію близокъ къ первоначальному труду первоучителей славянскихъ; да и поразительной близости вовсе нѣтъ, какъ мы ниже увидимъ. Но во всякомъ случаѣ изданный о. Амфилохіемъ памятникъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ остаткамъ церковной древнерусской письменности XII вѣка и давно уже заслуживалъ полнаго изданія. Что у о. Амфилохія растянуто на три тома, то при другихъ пріемахъ можно бы значительно сократить, едва ли въ ущербъ самому изданію. Я напримѣръ не вижу надобности въ обширныхъ разночтеніяхъ къ греческому тексту; даже и славянскій матеріалъ разночтеній слѣдовало бы болѣе сосредоточить. Но я не желаю дѣлать замѣчанія на такія стороны почтеннаго труда, которыя могли бы правда быть сдѣланы лучше, однакожъ и въ нынѣшнемъ видѣ удовлетворительны. Къ сожалѣнію есть недостатки поважнѣе, которыхъ издатель можетъ быть не избѣгъ именно потому, что его вниманіе было черезъ чуръ поглощено безконечными разночтеніями. При множествѣ ихъ, и славянскихъ и греческихъ, онъ какъ будто забылъ свой главный предметъ, издаваемый имъ славянскій текстъ. На него положительно обращено слишкомъ мало вниманія, вслѣдствіе чего и вкрались многія неточности или же остались неисправленными разныя опечатки. Не могу конечно похвалиться, что я свѣрялъ изданіе съ подлинникомъ; еслибъ я это сдѣлалъ, то непремѣнно напечаталъ бы результатъ провѣрки на пользу всѣхъ желающихъ изучать памятникъ по изданію о. Амфилохія. Можетъ быть сдѣлаютъ то, чего я не могъ, другіе, которымъ памятникъ ближе подъ рукою, а можетъ быть и о. Амфилохій приметъ на себя этотъ трудъ, который только увеличилъ бы пользу его изданія. Но чтобы мой отзывъ, въ этомъ одномъ пунктѣ нѣсколько неблагопріятный, не показался голословнымъ, я обязанъ привести хоть нѣсколько доказательствъ. Горскій и Невоструевъ, опредѣляя правописаніе евангелія 1144 года, говорятъ, между прочимъ, что иногда надъ гласными, имѣющими удареніе, также чистыми, пишется знакъ ˆ. Изъ приводимыхъ ими примѣровъ видно, что не

только объ удареніи надъ гласными рѣчь идетъ, но и о томъ знакѣ смягченія, который по примѣру южнославянскихъ подлинниковъ попадается также въ древнерусской письменности, но только въ древнѣйшихъ, и какъ кажется, преимущественно *южнорусскихъ* памятникахъ. Справляясь же по изданію о. Амфилохія, оказывается, что такіе примѣры, какъ клан҄яше са или древлꙗн҄имъ, на н҄ь, или рахіль, г҄ега и т. д., только иногда вѣрно обозначены, обыкновенно же знакъ мягкости то совсѣмъ опущенъ, то поставленъ не на своемъ мѣстѣ. Такъ уже на первой страницѣ (Матѳ. 1.1) напечатано авраамл҄а, между тѣмъ какъ снимокъ у епископа Саввы ясно изображаетъ авраамл҄а. Коль скоро издатель не отказался отъ передачи надстрочныхъ знаковъ, то и эту не совсѣмъ пустую орѳографическую особенность слѣдовало передавать точнѣе. О пропущенныхъ ъ и ь не буду говорить, нефилологу они кажутся мелочами. Но есть и другіе недосмотры. Матѳ. 27.36 напечатано стрѣжахоу и, а между тѣмъ изъ христоматіи проф. Буслаева видно, что въ подлинникѣ стоитъ стрѣжахоуть и,—это опять нарушеніе одной грамматической особенности памятника, которой я придаю значеніе черты южнорусской. Іо. 21.24 напечатано съвѣдѣтельство, снимокъ же въ Матеріалахъ для исторіи письменъ доказываетъ, что въ подлинникѣ стоитъ съвѣдѣтельствꙗ и т. д. Судя по такимъ примѣрамъ можно полагать, что въ изданіе вкрались многія неточности, я же повторяю, что мы охотно поступились бы частью примѣчаній въ пользу болѣе усиленнаго надзора надъ вѣрною передачею самого текста.

Когда авторъ рѣшился на такой обширный трудъ, какимъ вышло его изданіе евангелія 1144 года, то нельзя не жалѣть о лаконизмѣ описанія памятника; на стр. XV предисловія, сказано такъ: «Четверо-Евангеліе Галичское, которое взято въ основаніе древняго славянскаго евангельскаго текста, писано на пергаментѣ, въ четвертку, на 260 листахъ. Оно описано г. Буслаевымъ въ 1855 г.». И только! Но вѣдь описаніе проф. Буслаева появилось въ изданіи, которое теперь уже принадлежитъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ; я помню, сколько напрасныхъ усилій было

употреблено мною, чтобы достать его въ Берлинѣ (ср. Archiv für slavische Philologie I 368). Да какъ и можно было, издавая памятникъ, пропустить точное палеографическое описаніе его. Даже нѣсколько хорошихъ снимковъ его почерка не мѣшало бы, потому что и проф. Буслаевъ и преосв. Савва, и раньше еще Погодинъ, ограничились очень немногими образцами.

Филологи должны жалѣть еще объ одномъ пробѣлѣ. Какъ извѣстно, памятникъ въ нынѣшнемъ видѣ состоитъ изъ 260 листовъ, первая рука оканчивается уже на листѣ 228, все же остальное написано отличнымъ отъ первой руки письмомъ, относимымъ проф. Буслаевымъ къ XIII — XIV в., описателями же рукописей синодальной библіотеки къ XIV вѣку. Эта часть памятника важна по языку, обнаруживаетъ черты южнорусскаго, галицкаго, нарѣчія, и отличается также правописаніемъ. Вотъ изъ ней то было бы очень желательно найти въ третьемъ томѣ изданія о. Амфилохія по крайней мѣрѣ нѣсколько выписокъ; онѣ были бы, скажу откровенно, важнѣе и ближе подходили бы къ главной цѣли труда, чѣмъ большая часть тѣхъ статей, которыми теперь наполненъ третій томъ.

Несмотря однакожъ на упомянутые здѣсь и на другіе недостатки, которые найдутся при тщательномъ сличеніи изданія съ подлинникомъ, почтенный трудъ о. Амфилохія достигъ своей цѣли, онъ сдѣлалъ доступнымъ для филологическихъ и критическихъ изслѣдованій одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ русской старины. Воспользуемся этимъ новѣйшимъ, надѣемся не послѣднимъ, доказательствомъ безпредѣльной любви автора къ грекославянской письменности, чтобы по поводу изданія, на основаніи богатаго его матеріала, сказать нѣсколько словъ объ особенностяхъ памятника.

1. Списки евангельскаго перевода не давали писцамъ много простора вводить особенныя черты языка. Переводъ былъ сдѣланъ уже давно, неприкосновенность же содержанія сдерживала ихъ и устраняла возможность большихъ измѣненій въ языкѣ. При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ мы будемъ рады, если намъ удастся уловить хоть бы нѣкоторыя черты въ языкѣ,

свойственныя памятнику вслѣдствіе его происхожденія въ извѣстной мѣстности. Исходною точкою для этого долженъ послужить готовый переводъ, полученный въ видѣ полнаго четвероевангелія съ юга. Лѣтъ около двадцати тому назадъ было высказано мнѣніе, что какъ списки апракосовъ ближайшимъ образомъ сходствуютъ между собою въ чтеніяхъ и переводѣ, такъ и тетры, въ извѣстныхъ мѣстахъ отступая отъ нихъ, сходствуютъ между собою. Апракосы будто бы въ тѣхъ мѣстахъ представляютъ переводъ древній, иногда съ недостатками, показывающими отчасти недоразумѣнія переводчиковъ, «вульгарность» и необработанность языка, естественныя у новообразованнаго народа, съ словами и формами его древнѣйшими... Тетры напротивъ, появившіеся послѣ апракосовъ, хотя и вскорѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ представляютъ-де переводъ уже исправленный, съ нынѣшнимъ согласный, языкъ очищенный и поновленный (К. Невоструевъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ). По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при чемъ я могъ бы сослаться на приложенія къ Маріинскому евангелію, вопросъ долженъ быть поставленъ и рѣшенъ иначе: т. е. въ древнѣйшихъ спискахъ замѣчается еще полное сходство текста между апракос- и тетра-евангеліями. Напр. если приводится, что іо. 21.15 обыкновенные апракосы пишутъ овьца моѩ, а древнѣйшіе тетры агньца, то не надо забывать, что ассеманово евангеліе, хотя апракосъ, присоединяется къ чтенію агньца, поэтому и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что не овьца, а агньца, было первоначальное чтеніе. Или если матѳ. 10.10 обыкновенные апракосы даютъ пища своеѩ, то не надо забывать, что и зографское евангеліе, хотя тетръ, сохранило пища, такъ и никол.; поправка мъздꙑ стало быть не проведена послѣдовательно черезъ всѣ тетраевангелія, хотя она является уже въ маріинскомъ евангеліи. Что матѳ. 10.37 ἄξιος переводится словомъ достоинъ, это не только выраженіе тетраевангелій, но и такихъ древнихъ апракосовъ, какъ остромирово или ассеманово евангеліе, стало быть слово подобанъ не можетъ быть признано выраженіемъ первоначальнаго перевода. Однимъ

словомъ, той противуположности, которую нѣкогда думали найти между древнѣйшими апракос- и тетра-евангеліями, сначала въ дѣйствительности не было; она развилась потомъ.

2. Но за то можно доказать, что текстъ евангелія 1144 года въ многихъ случаяхъ уже отступаетъ отъ первоначальнаго перевода, гдѣ древнѣйшіе представители и апракосъ- и тетра-евангелій, какъ напр. ассеманово, остромирово, зографское, маріинское евангелія и пр., сохранили еще старинныя выраженія. При этомъ я придаю особенную важность тому факту, что нерѣдко замѣна словъ въ евангеліи 1144 года напоминаетъ точно такой же процессъ подновленія въ чудовскомъ и другихъ того же извода спискахъ псалтыри, о чемъ была рѣчь выше на стр. 66—69. Должно быть тѣ и другія поправки относятся къ той же школѣ литературной дѣятельности, къ той же мѣстности, и несомнѣнно къ тому же времени. Объяснимъ это нѣсколькими примѣрами.

Какъ въ чудовской псалтыри, такъ и здѣсь, для передачи слова ἔθνος употреблено иногда выраженіе страна вм. ѩзыкъ: матѳ. 6.32 странъі гал. (ѩзъіци зогр. мар. и т. д.), 10.5 странъ гал. (ѩзъікъ зогр. остр. и т. д.), 10.18 странамъ гал. (ѩзъікомъ зогр. мар. и т. д.); чаще однакожъ еще здѣсь ѩзъіци, между тѣмъ какъ въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ XII—XIII вѣка все болѣе и болѣе распространяется выраженіе страна.

Какъ въ чуд. пс. κληρονομία передается черезъ причастиѥ, такъ и здѣсь марк. 12.7 причастьѥ, въ другихъ мѣстахъ еще достоꙗньѥ, а κληρονόμος и тамъ и здѣсь причастьникъ марк. 12.7, матѳ. 21.38, но лук. 20.14 еще наслѣдникъ.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь вмѣсто старинняго грьдъіни, греческое ὑπερηφανία передается словомъ прѣзоръ.

Вмѣсто обыкновеннаго мьрзость βδέλυγμα марк. 13.14 читаемъ въ гал. ев. гадъ, что напоминаетъ выраженіе псалтыри 30.14 гаждениѥ ψόγος.

Глаголъ ὀνειδίζω, кромѣ обыкновеннаго перевода поносити, передается также словомъ корити матѳ. 11.20, а въ чуд. пс. имѣется оукорити и оукоризна.

Какъ въ чуд. пс., такъ и здѣсь σάκκος переводится словомъ ꙗригъ матѳ. 11.21 (но лук. 10.13 еще въ вретищи).

Замѣна слова постъ νηστεία выраженіемъ алканиѥ принадлежитъ къ позднѣйшимъ поправкамъ, а не на оборотъ: ср. матѳ. 17.21 алканиѥмь (прежде постомь, какъ еще марк. 9.29, лук. 2.37); глаголъ νηστεύω остался еще въ старомъ переводѣ постити сѧ, позднѣе и его стали замѣнять словомъ алкати.

Слова θυσία и θυσιαστήριον остались въ гал. ев. еще въ старинномъ переводѣ жртва и олтарь, но вм. послѣдняго лук. 1.11 является уже требнікъ, а марк. 12.33 ὁλοκαύτωμα передается знакомымъ чудовской псалтыри выраженіемъ трѣба.

И въ словечкѣ запать сходятся чуд. псалтырь и гал. евангеліе, которое матѳ. 20.5 ἅμα πρωῒ передаетъ черезъ запать за оутра, ср. марк. 14.70 абиѥ запати пакы.

Приведенные примѣры — вычислены конечно не всѣ — не допускаютъ видѣть въ гал. текстѣ отраженіе первоначальнаго перевода евангелія безъ измѣненія. Многія слова напоминаютъ, правда, еще старинную редакцію, такъ напр. остались еще слова: година (вм. часъ), искрании, мытарь (вм. маздоимьць), непригазнь, область, потъбѣга или подъбѣга, сънмище, глаголы бѣнити, клепати (вм. знаменати), минѫти (вм. мимо ити), тепѫ (вм. биѭ) и т. д.; но нѣтъ уже балии вм. врачь, нѣтъ миса вм. блюдо, нѣтъ врътъ вм. вертепъ или ограда, нѣтъ жаль, жалии вм. гробъ, нѣтъ югеръ вм. нѣкыи, нѣтъ быспрь вм. горѣ, нѣтъ спыти или тоунѥ вм. без оума, нѣтъ ꙗдро вм. скоро, нѣтъ натроути вм. напитати, нѣтъ заклепе сѧ вм. затворі сѧ, нѣтъ хлѫпати вм. просити и т. д.

Иногда существуетъ рядомъ то и другое, т. е. въ одномъ случаѣ первоначальное выраженіе, а въ другомъ—позднѣйшій варіантъ: напр. не родити еще не совсѣмъ вытѣснено словомъ не брѣшти; для глагола ἀποδοκιμάζω осталось еще старинное небрѣдоу сътворити лук. 20.17 при позднѣйшемъ небрѣщи матѳ. 21.42, и совсѣмъ уже особомъ, новомъ не требовати мрк. 12.10. Обыкновенно употребляемое слово съвѣдѣтель разъ лук. 24.48

замѣнено выраженіемъ послоухъ, такъ и вм. съвѣдѣтельство читается послоушьство мрк. 1.44. Савина книга знаетъ послоухъ матѳ. 18.16, и послоушати лук. 4.22, гдѣ гал. ев. оставило съвѣдѣтельствовати.

3. Иностранныя слова, согласно съ общимъ характеромъ памятника, отчасти остались безъ перевода; къ числу такихъ принадлежатъ: игемонъ, кладязь матѳ. 22.19, форъ лук. 20.22 (но ib. 23.2 уже дань), дінарь лук. 7.41 (но чаще пѣнязь, а цата не употребляется), кринъ лук. 12.27, кентоуріонъ мрк. 15.45 (иначе сътьникъ), литра, скриница, хризма для передачи греч. слова μύρον, и даже замѣчательное мѣсто лук. 18.8: пришьдъ ара обрящета ли ἐλθὼν ἆρα εὑρήσει, гдѣ мар. и зогр. ἆρα переводятъ оубо. Что ара не случайно попало въ гал. ев., и что оно скорѣе уцѣлевшій старинный остатокъ первоначальнаго перевода, тому свидѣтельствомъ могутъ служить два памятника, гдѣ тоже осталось ара: второе бѣлградское евангеліе, изъ котораго приведены варіанты Даничичемъ въ изданіи никольскаго евангелія: ара обрѣщтеть ли, и болонскій сборникъ богомила Хвала, гдѣ читается: орь обрѣштеть. Не лишнимъ считаю припомнить, что это мѣсто первоначально не входило въ составъ апракосъ-евангелія.

Но еще чаще въ гал. евангеліи уже переведены такія слова, которыхъ въ древнѣйшихъ текстахъ не переводили:

При иереи, повторяющемся семь разъ, лук. 1.1 читается уже жрьць и лук. 1.5 жрьчьскомоу.

Вмѣсто олѣи, стариннаго на западѣ заимствованнаго слова (сл. древненѣмецкое olei), въ гал. ев. пишется то масло (лук. 7.46, 10.34, 16.6), то масть (матѳ. 25.3.4.8, мрк. 6.13).

Греческое ἀκρίς передается вм. акридъ переведеннымъ словомъ пражгъ; а греч. ἀφεδρών, оставшееся сначала безъ перевода, переводится словомъ проходъ матѳ. 15.17, марк. 7.19.

Греческое πήρα осталось то безъ перевода (лук. 22.33.36), то въ старомъ переводѣ мошьна матѳ. 10.10, который былъ знакомъ уже зогр. и ма́р. ев., то въ новомъ мѣхъ мрк. 6.8, которое должно быть попало въ ев. текстъ уже въ Россіи.

Непереведенныя тектонъ и тектонокъ замѣнены переводомъ дрѣводелинъ сынъ.

Слово хламида матѳ. 27.28.31 переведено окрилъ, вм. катапетазма матѳ. 27.51 читаемъ понавица, лук. 23.45 осталось безъ перевода греч. слово, а марк. 15.38 переведено словомъ опона, которое извѣстно уже въ зогр. и мар. ев.

Слово σίκερα передается уже въ зогр. ев. народнымъ выраженіемъ творенъ квасъ, въ гал. употреблено названіе олъ (ср. лит. alùs домашнее пиво, брага) лук. 5.15; такъ какъ производное слово оловина знаютъ и южнослав. тексты, то и олъ можно бы назвать южнославянскимъ словомъ, и даже проще сказать, что олъ было слово общеславянское.

Греческое παράκλητος переведено оутѣшитель іо. 14.16.26, но 15.26, 16.7 осталось еще параклитъ.

Непереводимое впрочемъ іо. 19.13 на литостротѣ въ галич. ев. переводится на каманѣ помостѣ.

Нѣчто совсѣмъ особое представляетъ гал. евангеліе переводя греч. слово ὑποκρίτης необыкновеннымъ сложнымъ существительнымъ лицедѣи вм. прежняго лицемѣръ, это—нововведеніе, должно быть, русскаго писца, оно читается только два раза вм. стариннаго лицемѣръ: матѳ. 23.14.23, мрк. 7.6, а восемь разъ — матѳ. 6.2, 22.18, 23.13.15.25.27.29, 24.51 — вм. ѵпокритъ стариннаго текста. Кромѣ упомянутыхъ двухъ мѣстъ, впрочемъ слово лицемѣръ, найденное переписчикомъ уже въ подлинникѣ, оставлено безъ измѣненія: матѳ. 6.5, 7.5, 15.7, лук. 6.42, 11.44, 13.15, напротивъ, непереведенное ѵпокритъ не уступило новому выраженію (лицедѣи) только въ двухъ мѣстахъ: матѳ. 6.16, лук. 12.56. Эти цифры я не считаю случайными, онѣ доказываютъ, что русскій писецъ собственно только тамъ вносилъ свое новопридуманное слово лицедѣи, гдѣ въ подлинникѣ находилъ ѵпокритъ, оставляя лицемѣръ нетронутымъ; особымъ выраженіемъ онъ какъ будто хотѣлъ нарочно ознаменовать свое участіе въ исправленіи текста.

И глаголъ βλασφημέω передается особымъ способомъ: рус-

скій исправитель, не желая оставить слово безъ перевода, какъ оно находилось въ его подлинникѣ, обратилъ вниманіе на происхожденіе слова и руководясь въ данномъ случаѣ вѣрнымъ этимологическимъ чутьемъ, что βλασφημέω собственно сложилось изъ βλάψις и φημέω (ср. A. Pott Etymol. Forschungen[2] I. 575, Wurzel-Wörterbuch V. 258), онъ перевелъ: врѣднѣ глѥта матѳ. 9.3, а βλασφημία: врѣдно гланаѥ матѳ. 12.31, 15.19. Но этотъ переводъ или не понравился, или же надо допустить участье еще одного исправителя; какъ бы то ни было, слово βλασφημέω передается въ томъ же гал. евангеліи еще черезъ безаконнѣ разоумѣти (или разоумѣвати): матѳ. 26.35, мрк. 2.7, 3.28.29, слѣдовательно βλασφημίαι: безаконьнии разоуми мрк. 3.28, 7.22 или безаконьно разоумѣньѥ матѳ. 26.65, мрк. 14.64. Старинный способъ передачи непереведеннымъ словомъ остался еще лук. 12.10, іо. 10.36, лук. 5.21, іо. 10.33.

4. Славянскія нарѣчія еще слишкомъ мало изслѣдованы для того, чтобы можно было по особому выбору словъ опредѣлить мѣстность памятника. Евангеліе 1144 года заключаетъ въ себѣ нѣсколько выраженій, не встрѣчающихся въ обыкновенныхъ древнѣйшихъ спискахъ евангельскаго перевода, но о большинствѣ ихъ я не рѣшаюсь утверждать, что они попали въ текстъ на почвѣ русской. Такъ напр. слово посохъ, замѣняющее матѳ. 26.55 старинное выраженіе дрѹколь, было бы очень правдоподобно считать варіантомъ русскимъ, еслибъ оно не находилось также въ болгарскомъ (търновскомъ) евангеліи 1273 года (см. словарь Миклошича), которое пока еще не изслѣдовано, но едва ли на него было вліяніе русское. Вѣроятнымъ становится, что матѳ. 24.48. 25.5, лук. 1.21, 12.45 глаголъ мьдлить варіантъ русскій, вм. мѫдитъ или коснитъ южнослав. памятниковъ, однакожъ не надо забывать, что прилагательное мьдльнъ втрѣчаетси уже въ остромировомъ евангеліи, а Востоковъ приводитъ одинъ евангельскій примѣръ этого слова изъ шестоднева Іоанна эксарха. Русскимъ вліяніемъ можно бы назвать, что матѳ. 25.2.3.8 боуи замѣнено словомъ оуродивъ, или что матѳ. 9.20 коскрилиѥ уступило выраженію

подолъкъ; слово же подрагъ, употребленное въ томъ же значеніи матѳ. 14.36, встрѣчается уже въ супрасльскомъ и святославовомъ сборникѣ. Глаголъ образиша сѧ προσέχοψαν матѳ. 7.27 существуетъ въ супрасльскомъ сборникѣ, однакожъ слово это употребляется и до сихъ поръ въ польскомъ и малорусскомъ языкѣ. Вмѣсто кокоша лук. 13.34 написано коурицѧ, слово едва ли южнославянское; но слово сѣнь, передающее греческое σκηνή матѳ. 17.4, мрк. 9.5, нельзя причислять къ руссицизмамъ, потому что оно попадается въ такихъ южнославянскихъ текстахъ, какъ погодинская псалтырь и никольское евангеліе. И оуто матѳ. 10.29, хотя въ древнѣйшихъ текстахъ евангелія его нѣтъ, могло попасть туда уже на югѣ, потому что древнеболгарскіе памятники это слово знаютъ, ср. недомъıслимъıихъ оуто кстъ шестодн. экс. 30 а.

Такими же безцвѣтными, по крайней мѣрѣ при нашихъ нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ, оказываются еще многія другія выраженія галицкаго евангелія; большая часть ихъ отмѣчена уже въ статьѣ проф. Буслаева: напр. лук. 8.44 съ слѣда (обыкновенно съ зади); матѳ. 10.15. 11.22, лук. 6.11 нерадьнѣк (вм. обыкновеннаго отърадьнѣе, которое сохранилось лук. 10.12.14); матѳ. 14.26, лук. 6.49 призоръ (обыкновенно призракъ); матѳ. 10.29 врабии (обыкновенно пътица, которое сохранилось лук. 12.7); матѳ. 16.3 оунъıвлѧ (вм. драсělоуѧ); слово пъртъ является въ значеніи ὀθόνιον іо. 20.7 новинкою галицкаго евангелія, но уже древнѣйшіе тексты знаютъ его въ значеніи греческаго λίνον матѳ. 12.20, гдѣ гал. ев. употребляетъ слово льнъ; матѳ. 8.6 бѣднѣ вм. лютѣ, а мрк. 5.29 рана для передачи греческаго μάστιξ замѣнено словомъ бѣда.

Нельзя параллельными примѣрами подтвердить мрк. 15.11 въспърѣша для передачи греческаго ἀνέσεισαν; а лук. 1.17 λαὸν κατεσκευασμένον вм. стариннаго люди съвршенъı переведено выраженіемъ оукоущенъı, не потому ли что κατεσκευασμένος смѣшано съ κατεσκηνωμένος? Впрочемъ оукоуштеник καταστολή встрѣчается уже въ южносл. спискахъ апостола. Ср. еще мрк.

14.47 измъкъ (вм. извлакъ), глаголъ этотъ извѣстенъ уже святосл. сборнику; и мрк. 8.32 ставлати (вм. прѣтити).

5. Нѣсколько виднѣе становится происхожденіе памятника, если обратить вниманіе на звуковыя и формальныя особенности языка. Въ этомъ отношеніи можно даже съ большею долею вѣроятности утверждать, что онъ писанъ въ предѣлахъ югозападной Россіи. Въ немъ правда не выходятъ наружу всѣ черты южнорусскихъ говоровъ, которыхъ мы ожидали бы по примѣру другихъ югозападныхъ памятниковъ XIII—XIV вѣка, но отсутствіе однихъ чертъ ничего не доказываетъ противъ общаго положенія, коль скоро существуютъ другія, несомнѣнныя. А несомнѣнныя черты южнорусскихъ говоровъ въ этомъ памятникѣ есть, ихъ даже нѣсколько, положительныхъ, совокупность которыхъ заставляетъ меня придавать значеніе также нѣкоторымъ отрицательнымъ, хотя обыкновенно argumentum a silentio не имѣетъ большого вѣса.

а) Несомнѣнную черту южнорусскаго происхожденія нашего памятника составляетъ сочетаніе звуковъ жч вм. жд, гдѣ оно произошло изъ зж, жж. Эта особенность давно уже отмѣчена, ср. А. Потебня Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, стр. 81—82; однакожъ въ числѣ признаковъ нынѣшнихъ южнорусскихъ говоровъ не упомянулъ ея Я. Головацкій, въ извѣстной своей «Росправѣ о языцѣ южнорускôмъ и его нарѣчіяхъ». Она ускользнула отъ вниманія членовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край; въ седьмомъ томѣ Матеріаловъ югозападнаго отдѣла говорится очень много о «нарѣчіяхъ, поднарѣчіяхъ и говорахъ южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины», но о *жч* или *шч* вм. *жд.* или *жж* ни слова; въ числѣ заданныхъ тамъ вопросовъ нѣтъ примѣра *дошч.* П. Житецкій коснулся только слова *дожчь* (Очеркъ звук. исторіи 156—7), оставляя безъ вниманія примѣръ *рішчье* вм. рождие (собир. отъ *розга*), приводимый Огоновскимъ (Studien, стр. 76), который доказываетъ, что *шч* вм. *зж жж* и теперь еще не ограничивается только окончаніемъ слова. Замѣчательно, что въ древнерусскихъ

памятникахъ данные примѣры передаются послѣдовательно черезъ жч, а не черезъ шч или просто щ; если ж не поддалось естественной ассимиляціи съ послѣдующимъ ч, то это вѣроятно потому, что ч передавало звукъ близкій сербскому ђ. Приведемъ всѣ примѣры гал. евангелія. Существительное дъждь матѳ. 7.25.27, оттуда глаголъ дъжчить матѳ. 5.45 и одъжчи лук. 17.29. Существительное рожчые іо. 15.5. Сложные глаголы: женѫ (гънати) съ предлогомъ из: ижченеть мрк. 7.26, іо. 10.4, ижченете матѳ. 23.34, ижченоу іо. 6.37, ижченоуть матѳ. 5.11, 8.12, мрк. 16.17, лук. 9.40, 11.49, 21.12, іо. 16.2, разъ если вѣрно напечатано ижьченоуть мрк. 9.18; желѣти съ предлогомъ въз: въжчелѣѥте лук. 17.22, въжчелѣхъ лук. 22.15, въжчелѣша матѳ. 13.17; жити съ предлогомъ из: ижчівші мрк. 5.26, ижчівшю лук. 15.14, (но если вѣрно напечатано: приждівеши лук. 10.35); жадати съ предлогомъ въз: въжчадахъ са матѳ. 25.35,42, въжчадаті са іо. 6.35, и въжчати (читай въжчадати) са іо. 4.14 (но противъ ожиданія въжажеть са іо. 4.13).

Точно такіе же примѣры являются въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIII—XIV вѣка, о югозападномъ происхожденіи которыхъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ извѣстномъ галицкомъ евангеліи XIII вѣка, написанномъ «при Львовѣ княжении и сна его Юрьга», которое одни относятъ къ 1266-му, другіе къ 1288-му году, мы находимъ: ижченоу вонъ 10, ижченоуть 10.27, 36.81, ижченеть 11.17; въжчагають 27 и даже въжьчегъ 81.151, въжьчизаѥть 87; въжчелѣша 39 и въжьчелаѥте 88; ижчившю 108; дожчь 33, одъжчи 88, бездожьчые 174, (ср. Archiv für slavische Philologie VI. 623—624).

Въ югозападнорусскомъ спискѣ Ефрема Сирина, написанномъ «при цртвѣ блговѣрнаго цра Володимѣра сна Василкова, оуноука Романова», стало быть въ области Волынской, между 1271 и 1288, если считать эту запись подлинною, а не позднѣйшимъ повтореніемъ, по свидѣтельству покойнаго И. И. Срезневскаго, изучавшаго этотъ список, встрѣчаются примѣры: дожчь, дожчеванъіи, ижчену, ражчажеть, ражчизати са, суста изможчалаю

и даже тужчими, чего бы не ожидали, зная что здѣсь сочетаніе жд не образовалось изъ зг или зж.

Въ октоихѣ вѣнской придворной библіотеки, извѣстномъ Codex Hankensteinianus, рукописи несомнѣнно XIII вѣка (сл. Archiv für slav. Philologie VII. 507), между прочими особенностями южнорусскаго происхожденія его, находится также ижченоута.

Въ румянцовскомъ музеѣ хранится евангеліе XIII вѣка, по описанію рукописей этого собранія, сдѣланному А. Востоковымъ, оно числится подъ № 106-мъ. Въ очень краткой характеристикѣ его все напоминаетъ галицкое евангеліе 1144 года, такъ безаконьни разоуми (вм. стараго власкимиѥ), лицедѣи (при лицемѣръ) и наконецъ то, что въ данномъ случаѣ насъ занимаетъ, т. е. форма бъжчелаєте. Приписка позднѣйшаго времени (дарственная запись Юрья Холмскаго 1376 года) свидѣтельствуетъ о томъ, что памятникъ изстари принадлежалъ югозападному краю (ср. Науковый сборникъ, во Львовѣ 1866, стр. 182).

Еще рѣшительнѣе высказывается эта черта южнорусскаго нарѣчія въ луцкомъ евангеліи того же музея, описанномъ А. Востоковымъ подъ № 112-мъ; его относятъ къ XIV столѣтію, судя же по краткой характеристикѣ у А. Востокова, оно должно быть для исторіи русскаго языка, именно южнорусскаго нарѣчія, довольно важно. Въ немъ мы читаемъ: ижченеть, ужчегъ (вм. къжчегъ), рожачаѥ. Востоковъ приводитъ даже кожто вм. кождо, но едвали это что другое какъ случайная описка.

Псалтырь 1296-го года, писанная Захаріемъ «на волоцѣ», не можетъ быть названа обыкновеннымъ новгородскимъ памятникомъ, нѣкоторыми особенностями языка она напоминаетъ югозападнорусское нарѣчіе, въ числѣ ихъ примѣромъ капламъ дъжчѣванꙑмъ — можетъ быть писецъ, который самъ о себѣ говоритъ, что онъ писалъ много книгъ, прежде когда-то былъ въ предѣлахъ югозападной русской рѣчи.

Трудно сказать, гдѣ писана рукопись XV вѣка, заключающая въ себѣ Ѳеофилакта болгарскаго Толкованіе на евангеліе Іоанна

и Марка (описаніе ея у Горскаго и Невоструева II. I. 128 слѣд.), въ которой не разъ только, а чаще пишется ижчеnoу; едва ли позволительно назвать ее просто новгородскою, въ виду такихъ примѣровъ, какъ оу вѣроу въвести, не оукоусить смрти, хрїстиции.

По моему эта черта составляетъ въ древнерусской письменности одну изъ немногихъ прочныхъ и надежныхъ опоръ для распредѣленія памятниковъ; мы должны дорожить ею и тамъ, гдѣ другихъ признаковъ или вовсе нѣтъ или очень мало. Въ Ипатскомъ спискѣ XV вѣка, писанномъ въ Костромѣ, конечно могли быть сглажены многія черты южной и юго-западнорусской рѣчи тѣхъ частей, которыя принято называть Кіевскою и Волынскою лѣтописью; но если мы читаемъ подъ 1114 годомъ дожгацю бывшю (2-го изданія стр. 200), подъ годомъ 1115 свѣща вжгегъ (стр. 201), подъ годомъ 1124 бездожгае (стр. 207), то по всей вѣроятности жг въ этихъ словахъ просто замѣнило юго-западнорусское жч, бывшее въ старшемъ спискѣ, чему доказательствомъ служитъ форма дожча первонач. лѣт. ипат. сп. стр. 178. Иногда можно и въ грамотахъ найти подтвержденіе тѣхъ же формъ, напр. въ разъѣздной межевой XVI вѣка (Акты отн. къ ист. южн. и зап. Рос. II. 145): розъѣжчалъ, или въ правой грамотѣ конца XV вѣка (тамъ же I. 296): ѣжчивалъ.

б) Вторая черта югозападнаго нарѣчія, смѣшеніе начальнаго оу съ въ, въ гал. евангеліи проявляется только въ одномъ примѣрѣ: оупрашаю іо. 17.9, гдѣ конечно ожидали бы въпрашаю.

в) Смѣшенія ѣ съ и почти нѣтъ, т. е. можно указать только на въ. . попели матѳ. 11.21, и на прѣлѣпить са матѳ. 19.5. Впрочемъ этому факту мы не должны удивляться, потому что, какъ извѣстно, существуютъ и другіе памятники несомнѣнно не сѣверные (не новгородскіе), по всей вѣроятности южнорусскіе, гдѣ примѣровъ смѣшенія ѣ съ и или вовсе нѣтъ или чрезвычайно мало, между тѣмъ какъ смѣшеніе ѣ съ є и тамъ и здѣсь явленіе обыкновенное. Въ столь сложномъ и трудномъ вопросѣ, какъ изслѣдованіе русскаго языка по древнимъ памятникамъ, не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться преждевременными выводами. Для меня по

крайней мѣрѣ пока достаточно установить фактъ, что въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, которыхъ происхожденіе съ большею вѣроятностью можно отнести къ югу и можетъ быть къ югозападу Россіи, смѣшеніе ѣ съ и вопервыхъ не столь часто является, какъ въ памятникахъ сѣверныхъ, вовторыхъ несравненно рѣже, чѣмъ смѣшеніе ѣ съ є. Я не считаю однакожъ позволительнымъ отсюду сдѣлать такои выводъ, что въ XI—XII вѣкѣ, положимъ въ Кіевѣ, говорили нарѣчіемъ великорусскимъ. Живая рѣчь народная, по воззрѣніямъ тогдашняго времени, не должна была отражаться въ языкѣ священномъ, церковномъ, который въ то же время былъ книжный; она вкрадывалась незамѣтно и противъ желанія писцовъ. Очень можетъ быть, что именно въ Кіевѣ, какъ настоящемъ центрѣ духовнаго просвѣщенія и книжной учености, въ то время господствовали на этотъ счетъ другіе взгляды и понятія, чѣмъ напр. въ Новгородѣ, т. е. здѣсь такъ сказать на глазахъ южнославянскихъ наставниковъ— а безъ нихъ-то дѣло не обошлось—русскіе писцы понимали свою задачу строже, относились къ церковному языку внимательнѣе, избѣгая по возможности всякія отступленія отъ изучаемыхъ образцовъ. По этому ничего удивительнаго не будетъ въ томъ, если я скажу, что первые учители Кіевлянъ заставляли ихъ произносить ѣ какъ є (по крайней мѣрѣ для ихъ слуха такъ). Представимъ теперь себѣ, что народная рѣчь уже тогда, если и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ многихъ мѣстностяхъ, напр. въ Кіевской области, обыкновенно произносила *і* тамъ, гдѣ новые наставники для церковнославянскаго языка требовали произношенія *ѣ* = *е*. Мнѣ кажется, очень нетрудно было утвердить это правило и соблюдать его. Такимъ образомъ сложилось книжное преданіе, отъ котораго тѣмъ менѣе было отступленій, чѣмъ ближе писецъ стоялъ къ центру, къ столицѣ книжнаго языка. Я даю предпочтеніе этому толкованію выше упомянутаго факта передъ другимъ, не допускающимъ что бы тогда въ живой рѣчи юга произносилось *ѣ* какъ *і*. Какъ не допускать для XI вѣка полнаго развитія главныхъ русскихъ нарѣчій, когда уже разныя мелочи ихъ

ясно проглядываютъ изъ памятниковъ. Конечно для южнорусскаго языка не прошли безслѣдно многія столѣтія бурной жизни позднѣйшихъ временъ, для народной рѣчи имѣла особенную важность продолжительная эпоха господства польскаго, отпечатлѣвшагося на словахъ, оборотахъ, а также формахъ малорусскаго нарѣчія неизгладимыми чертами. Этого позднѣйшаго наслоенія конечно въ живой рѣчи XI вѣка еще не было, его стало быть и въ памятникахъ не отыщемъ. Все же остальное, т. е. существенное, въ нихъ постепенно проглядываетъ.

г) Къ южнорусскимъ особенностямъ памятника можно, кажется, причислить рѣшительное предпочтеніе сокращенныхъ сочетаній и окончаній ѥ, ꙗ, ю, и передъ полными иѥ, иꙗ, ию, ии и т. д. Примѣровъ такъ много, что собственно слѣдовало бы подобрать тѣ, гдѣ противъ правила пишется полная форма. Такіе примѣры дѣйствительно встрѣчаются, но довольно рѣдко, напр. при дꙗволъ пишется также диꙗволъ, при непрꙗꙁнь также неприꙗꙁнь и т. д. Я знаю, что эта черта могла существовать уже въ южнославянскомъ подлинникѣ (источникѣ) галицкаго евангелія, ср. примѣры приводимые въ маріинскомъ ев. на стр. 435; но насколько я имѣлъ возможность наблюдать ходъ древнерусской письменности по памятникамъ XII и XIII вѣка, мнѣ кажется, что въ столь преобладающихъ размѣрахъ, какъ въ евангеліи 1144 года, эта черта выходитъ наружу преимущественно въ памятникахъ, писанныхъ на югѣ или югозападѣ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ галицкомъ евангеліи конца XIII вѣка (1266 или 1288 года) по словамъ изслѣдовавшихъ его считается правиломъ сокращенное окончаніе ѥ. То же самое можно сказать о южнорусскомъ спискѣ Ефрема Сирина. Въ вѣнскомъ октоихѣ, судя по отрывкамъ до сихъ поръ напечатаннымъ, существуютъ рядомъ та и другая форма, но по словамъ Миклошича несокращенная гораздо чаще. Въ одномъ прологѣ XIII вѣка погодинскаго собранія № 60, не смѣшивающемъ ц съ ч, но за то иногда ѣ съ и, находимъ также преимущественно сокращенныя формы. Въ поликарповомъ евангеліи 1307 года, въ которомъ смѣшеніе ѣ съ и,

оу съ въ, потомъ такія формы и слова, какъ въ сєсь вѣкъ, свѣдитєльство, скєрбь и молѧхоути-и, въпрашахоути-и, гнєтѧхоути-и не говорятъ въ пользу его сѣвернаго происхожденія (оно могло быть написано на югѣ или на югозападѣ Россіи), преобладаютъ сокращенныя формы какъ правило. Могутъ, правда, указать на нѣкоторые памятники, отличающіеся отсутствіемъ чертъ новгородско-сѣверныхъ, но въ то же время не допускающіе въ данномъ случаѣ сокращенныхъ формъ, но не надо забывать, что въ тѣхъ же памятникахъ нѣтъ вообще почти ни одного изъ тѣхъ отступленій, которыми отличается галицкое евангеліе.

д) Послѣ шипящей и свистящей согласной, если послѣдняя мягкая, въ гал. евангеліи столь правильно пишется мягкая, іотованная гласная, что и эту черту правописанія въ ея широкомъ примѣненіи я рѣшаюсь отнести на счетъ южно-русской родины памятника. Слѣдя за тѣмъ, какъ эта тонкость отражается въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, я имѣлъ возможность убѣдиться, что послѣ шипящихъ и мягкихъ свистящихъ іотованная гласная чаще ставится въ памятникахъ южно-русскихъ или «не новгородскихъ», чѣмъ въ новгородскихъ, хотя она и имъ не чужда. Напр. она гораздо чаще употреблена въ одной двухмѣсячной минеѣ XII вѣка (бывшей новгор. соф. библіотеки), которая по всѣмъ признакамъ языка должна быть названа по крайней мѣрѣ «не новгородскою», чѣмъ въ новгородскихъ минеяхъ 1096 и 1097 года. Чтобы наглядно представить эту немаловажную особенность евангелія 1144 года, ограничимся евангеліемъ отъ Матоѳа. Оставляя при этомъ въ сторонѣ множество примѣровъ на щю, шю и т. д., встрѣчающихся и въ другихъ памятникахъ очень часто, не обращая также вниманія на тѣ случаи, гдѣ ѧ передаетъ старословѣнское ѧ = ę, мы и безъ этого найдемъ очень замѣчательное количество примѣровъ, свидѣтельствующихъ о сильной мягкости шипящихъ:

Послѣ ц пишется постоянно ѧ вм. а въ значеніи цꙗ: оц҃ѧ 47.73. 122.127.146.172.195.254.276.301.450.463, пьрвньцѧ 8; ло

конца 122.398; слѣпаца 107.226.324; пришьльца 379; срдаца 164.228; адаца, пиваца 141; дѣца 105.106; понавіца 498; отроковіца 620; смокъвьніца 336; птицамъ 189; овьцамъ 115.231; пьаніцамі 416; нарицати 374, нарицають 202.369. 370, нарiцаите 375.376, нарiцаюма 28, нарицаюмое 489, нарiцаюмаго 439.481.482, нарiцаюмъіи 444, нарiцаюмоу 453, нарицаюмомоу 483; ср. еще цю въ тьмніцю 39.205.288, срачицю 45, десницю 487, п'шеницю 187, житьніцю 187, стькланицю 440, смокъвьницю 335, коупацю 197, слнцю 175 и т. д.

Послѣ ч пишется а вм. а въ значеніи чꙗ (не говоря о ча = če): часъ 232.414.417.464, часа 423.456 (только 121 часъ); чають 417 (чаюмъ 134); чаша (т. е. чꙗша именит. пад.) 457, чашю 318.319.441.832 (чашю 132); печаль 183, печали 511, печальнъ 207, печатлѣша 504; обычаи 481, врача 555; притъчами 174.177.179.190, притъчахъ 191.351; кърчазѣ 827; растачають 161.432, величають 373; съконча 200.291.437, съконьчаніе 199, -нꙗ 514, кончаніе 193.194.394, доконьчалъ 302 (только 123 кончати); оумлъча 356, млъчаше 468, оучаше 201; овьчахъ 71, ꙗрьмніча 329; ср. еще чю: чюють 650, чюжихъ 268.269, чюдеса 333, прітъчю 227, плачющеи, алчющеи 32 и т. д.

Послѣ ж пишется а вм. а въ значеніи жꙗ: моужа 273, лъжа 466, одежахъ 71; лежа 507, възлежаша 446; бѣжаша 464, бѣжати 17 (=II 67); сътажаньа 303, тажатель 776; троужаюте 442, троужающеи 146; приближають са 224, ражають 9; хожаше 216, исхожаше 18, можаше 370.441, слоужахоуть 26, стрѣжахоуть 491; множаше 330, -ша 345; оужасоша са 887, оужасаите са 888, съжалиша 289; ср. еще жю въ жажющеи 32 и жажюща 434.437, положю 156, стражю 214.413, лобъжю 460, моужю 75, межю 278. Вм. жа встрѣчается жа также не рѣдко: въжагають 34, троужають 62, слоужаше 84, осоужаите 65, бѣжаша 92, оужасаите 395, оцѣжающеи 383, просмражають 56.

Послѣ ш пишется а вм. а въ значеніи шꙗ: коша 212, дша

имен. ед. ч. 61.454, дшамъ 147, оунοша имен. ед. ч. 302.303. 847, вьiвъшаꙗ 289.510, шьдъша, створша 330, тажьшаꙗ 383, вънимъша 157, отрѣшьша 328, отрѣшашета 758, посъiв'шаго 276, съiав'шаго 181, посълавъшаго 131, поношашета 494.877, въпрашаше 246, искоушающе 239.292, искоушаа 366, оскоушаете 359; слъiша (аористъ) 204, слъiшаша 180, слъiшасте 469, слъiшавъ 16.208.303.354, слъiшавъше 158.209.225.258.305.321.350.361.365.496, слъiшавъша 324, слъiшавъ 15, слъiшати 177.181.195, послоушаеть 278.279. 280, послоушаите 257, послоушав'ше 11, соуслъiшати 395, глашаеть 879; ср. еще шю: шюю 318.436.482, дшю 253. Вм. ша встрѣчается шꙗ очень рѣдко: въскрѣшаите 116, послоушаеть 119, послоушають 89, слъiшати 139, слъiшаныꙗ 395.

Послѣ щ пишется а вм. ꙗ въ значеніи щꙗ: плеща 372, съкровища 164.200, сѣдалища 332, хра(ни)лища 373; градоуща 255. 407.468, градоущаго 19, сѣдаща 468, твораща 415, соуща 246, хотащаго 45, скврънащаꙗ 229, имоущаго 430, идоущама 510, идоущамъ 422; ѿвѣща 230.480, ѿвѣщавъ 22.145.166. 176.177.192.216.221.226.231.248.260.263.293.306.314. 318.337.339.341.351.364.393.394.429.435.447.448 452. 468.483.507, ѿвѣщавъше 340.469.485, ѿвѣщаща 166. 421, ѿвѣщаеть 437, ѿвѣщають 434.437, ѿвѣщавакши 467, ѿвѣщаваше 479, съвѣщавъ 309, съвѣщахъ 314, съвѣщаета 281; ѿпоущати 481, ѿпоущаемъ 54, ѿпоущають 95; въмѣщати 297, въмѣщаеть 227; въсхъщаеть 181, поглъщающе 383, очищаете 384, очищаите 116, хращаю 318, прѣщахоуть 325; ср. щю въ ощютиша 411, хощю 235, тащю 83 (таща 538), възвращю 169, и т. д. Очень рѣдко щꙗ: съкровищꙗ 58 и если вѣрно напечатано отъвѣштавъ 422.

е) Окончаніе -шета -шете, господствующее въ гал. евангеліи, конечно заимствовано изъ южнославянскаго подлинника, и для опредѣленія мѣста происхожденія памятника ничего не пред-

ставляетъ, если нельзя будетъ со временемъ доказать, что эти формы преимущественно сохранялись въ памятникахъ, написанныхъ на югѣ Россіи. Пока я укажу на существованіе такихъ же формъ въ извѣстномъ сборникѣ московскаго успенскаго собора, который основательно относятъ къ памятникамъ южнорусскимъ (ср. А. Поповъ, библіографическіе матеріалы I, стр. 6). Въ евгеніевскихъ отрывкахъ псалтыри и въ XIII словахъ Григорія Богослова также встрѣчаются формы на шете—по моему оба памятника тоже южнаго или югозападнаго происхожденія. Наконецъ окончаніе шета знаетъ и повѣсть временныхъ лѣтъ: оубивашета оугънимашета лавр. 170.19, примерзнашета 189.18.

ж) Важнѣе остановиться на приставкѣ -тъ для 3-го лица имперфекта. Хотя я не считаю ее по происхожденію народною чертою языка древнерусскаго,—образцы окончаній -шетъ, -хоутъ находились уже въ памятникахъ южнославянскихъ — все таки нельзя отрицать факта, что эти окончанія въ книжномъ языкѣ древней Россіи очень рано вошли въ употребленіе какъ нѣчто такое, чѣмъ многіе писцы повидимому очень дорожили. Поэтому можно надѣяться, что подробное изслѣдованіе памятниковъ опредѣлитъ историческій ходъ этихъ формъ. Въ гал. евангеліи, замѣчательно, приставка -тъ является исключительно только при 3-мъ лицѣ мн. числа, въ ед. числѣ нѣтъ ея. Да и въ мн. числѣ она почти исключительно присоединяется къ окончанію имперфекта -хоу въ томъ случаѣ, когда непосредственно за глаголомъ слѣдуетъ объектъ, въ видѣ мѣстоименія и (αὐτόν, eum). Приведу, чтобы это доказать, всѣ мною замѣченные примѣры: бьахоутъ и матѳ. 27.30. мрк. 15.19, іо. 19,3; вѣдахоутъ и мрк. 1.34, лук. 4.41; въпрашахоутъ и мрк. 7.5.17, 9.11.27, 10.2.10, 12.18, 13.3, лук. 3.10, 20.27, іо. 9.15; дръжахоутъ и лук. 4.42, имахоутъ и матѳ. 14.5, молахоутъ и матѳ. 8.31, 15.23, мрк. 6.56, 7.32, 8.22, лук. 7.4, іо. 4.31.40, 12.21; назiрахоутъ и мрк. 3.2, лук. 6.7; подражахоутъ и лук. 16.14, слъiшахоутъ i мрк. 6.55, стрѣжахоутъ и матѳ. 27.36, оугнѣтахоутъ i мрк. 5.24, лук. 8.42, хотахоутъ и іо. 16.19, хоулахоутъ и матѳ. 27.39, мрк, 15.29, цѣловахоутъ и мрк. 9.15.

Вмѣсто винительнаго ед. ч. и разъ стоитъ мн. число ꙗ: прикожахоута ꙗ лук. 4.40, разъ род. пад. ѥго: искахоута ѥго лук. 4.42, нѣсколько разъ дат. пад. ед. и мн. ч.: слоужахоута ѥмоу матѳ. 4.11 мрк. 1,13, 15.41, прѣѩмахоута ѥмоу мрк. 10,48, лук. 18.15. 39, — ѥи мрк. 14.5, — имъ матѳ. 20.31. Примѣръ лук. 1.59 нарицахоута именьмь не противорѣчитъ потому, что и здѣсь только случайно пропущенъ объектъ и или ѥ или ѥго, какъ это случилось въ выше приведенномъ примѣрѣ мрк. 8.22 молахоута (1). И такъ только два примѣра, гдѣ и отдѣлено отъ глагола частицею же и предлогомъ къ: лук. 23.35, подражахоута же и, и лук. 21.38 прихожахоута къ нѥмоу, отступаютъ отъ правила, опирающагося, какъ видно, на замѣчательное количество случаевъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ мы вправѣ видѣть тѣмъ болѣе сильное доказательство, что при другихъ условіяхъ, т. е. когда за глаголомъ не слѣдуетъ непосредственно и или ѥ, ѥмоу, ѥго, ѥи, ѩ, въ гал. евангеліи еще постоянно пишется простое оканчаніе -хоу безъ приставки -та, напр. лук. 23.32 ведахоу же и, іо. 20.9 вѣдахоу кънигъ, іо. 4.30, градахоу к нѥмоу, мрк. 9.30 идахоу сквозѣ, лук. 2.3 идахоу вьсі, лук. 6.1 ꙗдахоу истирающе, 15.16 ꙗдахоу свинья, мрк. 4.33 можахоу слъішати, іо. 12.39 можахоу вѣровати, лук. 22.64, біахоу по лицю, и т. д. Кто согласится со мною въ томъ, что это не случайное явленіе, тому не трудно будетъ пойти и далѣе и согласиться съ тѣмъ, что отъ окончанія -хоута и очень небольшой шагъ до -хоути и, извѣстной любимой формы иныхъ памятниковъ южнорусскихъ, напр. сборника моск. успенскаго собора въ русскихъ статьяхъ, какъ въ житіи Ѳеодосія: оукарахоути и, проважахоути и, любляхоути и, имахоути и, влачахоути и. Одинъ такой примѣръ есть даже и въ галицкомъ евангеліи: молахоути и матѳ. 14.36. Сравни статью А. Шахматова въ Archiv für sl. Phil. VII 73 и слѣд. Прибавимъ изъ торжественника XII вѣка, который при златоструѣ (памятникѣ не сѣверно-русскомъ) Импер. публ. библіотеки: заклинахоути и (Срезневскій свѣд. № 38). Въ галицк. евангеліи XIII в. указываютъ на формы молахоути и (нѣсколько разъ), въпрашахоути и, хотахоути и,

которыя вмѣстѣ съ другими повторяются въ поликарповомъ евангеліи 1307 года. Въ толстовскомъ сборникѣ XIII вѣка, заключающемъ въ себѣ 9 словъ Кирилла Туровскаго, попадаются не только примѣры, какъ въпрашахоуть и, не вѣровахоуть емоу, но и сърѣтахоути и 33 изд. Калайд. — а въ этомъ сборникѣ нѣтъ ничего указывающагося прямо на сѣверъ.

Если допустить, что формы на хоути-и составляютъ одинъ изъ признаковъ южныхъ или югозападныхъ памятниковъ древнерусской письменности, то галицкое евангеліе примыкаетъ къ нимъ своими формами на хоуть и, какъ первымъ шагомъ сдѣланнымъ по этому направленію, и я надѣюсь, что можно будетъ доказать, что приставка ть въ 3-мъ лицѣ множ. и потомъ ед. числа имперфекта разраслась на почвѣ русской, пересаженная сюда посредствомъ церковныхъ книгъ южнославянскихъ, сначала главнымъ образомъ по памятникамъ южнорусскимъ, но вскорѣ была занесена и на сѣверъ. Сочинитель слова о полку Игоревѣ понималъ уже эту «элеганцію» книжнаго языка и пользовался ею въ очень широкихъ размѣрахъ, какъ для множ., такъ и для единст. числа. Тоже самое можно сказать о составителѣ свода первоначальной русской лѣтописи, судя по лаврентіевскому списку, въ которомъ при многочисленныхъ имперфектахъ безъ приставки все таки попадаются не рѣдко и примѣры съ приставкою: възложахоуть и 13.8, звахоуть са 29.7, бахоуть 38.6, изимахоуть събазъівахоуть възбивахоуть имъ 43.17-18, мнахоуть и 64.22, оукланахоуть са 94.22, начьнахоуть 123.18, несахоуть и 141.12, смеѩхоуть са 170.7, бьахоуть са 222.20; имашеть же 70.5, терпашеть бо 80.17, творашеть бо 89.18, предаꙗшеть а помиловашеть ихъ избавашеть ихъ 94.20.22, хоташеть бо 127.14, блещашеть са 145.1, башеть бо 160.14, чташеть и 162.3, -ю 254.16, глаголашеть бо 175.22, 176.1, 190.20, приносашеть же 186.19, троудашеть са 187.2, спраташеть и 188.16 оучашеть а 205.13, дѣашеть 238.10, водашеть бо 274.8.

5) Переходъ изъ -мъ и въ -мъі и, который обыкновенно встрѣчается рядомъ съ только что изложеннымъ явленіемъ, въ

галицк. евангеліи можетъ быть засвидѣтельствованъ немногими примѣрами: сукимъі и матѳ. 21.38, оугѣемъі и матѳ. 28.14; кромѣ того іо. 9.40 читается кемъі. Если 1.427 вѣрно напечатано надъі многъіми матѳ. 25.21, то и въ этой мелочи не трудно ўсмотрѣть черту южнорусскую.

з) Къ приведеннымъ особенностямъ, которыя въ текстѣ галиц. евангелія указываютъ по всей вѣроятности на южныя или югозападныя области Россіи, прибавимъ еще отсутствіе смѣшенія ч съ ц съ одной и отсутствіе написанія ьрь, ъръ, ълъ съ другой стороны. Послѣднее конечно не столь многознаменательно по отношенію къ памятникамъ сѣвернымъ, потому что является, хотя рѣдко, и въ текстахъ южнорусскихъ, но все-таки можно кажется утверждать, что этотъ орѳографическій пріемъ раскинулся шире въ письменности сѣвернорусской чѣмъ южнорусской. Мнѣ по крайней мѣрѣ пришлось наблюдать не разъ въ параллельныхъ текстахъ, въ сѣверныхъ очень частое употребленіе формъ съ ьрь, ъръ, ълъ, въ южныхъ довольно рѣдкое или по крайней мѣрѣ не очень многочисленное. Примѣры, поясняющіе этотъ вопросъ, собраны мною изъ памятниковъ XI—XII вѣка и напечатаны въ издаваемомъ мною Архивѣ I. 368—376, только я теперь не утверждалъ бы, на основаніи ихъ, что въ этомъ отношеніи не было никакой разницы между сѣвернорусскими и южнорусскими памятниками. Въ галицкомъ евангеліи по изданію о. Амфилохія я замѣтилъ только два примѣра двойной полугласной: дълъжника лук. 7.41, пьрьстѣ лук. 11.20.

и) Какъ извѣстно, нынѣшнее южнорусское нарѣчіе предпочитаетъ сочетаніе *хр* (вм. *кр*) въ словахъ: *хрест*, *хрестити*, *хрестини*, *хрещений*, *хрещатий* или *хресчатий*, *хрестя*. Галицкое евангеліе тоже пишетъ постоянно хръстити, хръститель, хрьщаю, хрьщениє, но слово σταυρός переводитъ всегда кръстъ. Я провѣрялъ по моему словоуказателю къ маріинскому евангелію всѣ примѣры и не нашелъ ни одного отступленія отъ этого правила; напр. хрьщаю сѧ матѳ. 20.22, мрк. 1.38.39, хръститъ, хръстіхъ мрк. 1.8, хръстаще матѳ. 28.19, хрьщаашѧ матѳ. 3.15,

храцшаше ся лук. 7.29.30, храцшахоу ся мрк. 10.5, храцшаше іо. 3.22; разъ, если вѣрно напечатано, хръцшаю лук. 3.16, но тамъ же очевидная опечатка храстїть; — напротивъ: крастъ мрк. 10.21, 15.21, матѳ. 27.32, лук. 23.26, іо. 19.17, краста матѳ. 27.40, мрк. 15.30.32, крастѣ іо. 19.19.31. Миклошичъ приводитъ изъ вѣнскаго октоиха храстъ въ значеніи σταυρός, въ словарѣ Востокова изъ изборника 1076-го года отмѣченъ примѣръ храцшеноу. Формы съ хр въ древнерусской письменности не ограничены памятниками южнорусскими, но преобладаніе ихъ именно на югѣ мнѣ кажется довольно знаменательнымъ.

Вотъ все, что я могъ найти въ галицкомъ евангеліи въ подтвержденіе давно уже высказаннаго мнѣнія, что оно—памятникъ южнорусскій. Конечно, этого очень мало, но не надо забывать, что древнѣйшіе памятники русской письменности вообще не изобилуютъ отступленіями отъ книжнаго языка въ пользу народныхъ говоровъ. Было ли евангеліе дѣйствительно написано въ предѣлахъ галицкаго княжества, гдѣ въ то время княжилъ Володимерко, одинъ изъ болѣе замѣчательныхъ удѣльныхъ князей— мы не знаемъ на вѣрно, но судя по разнымъ припискамъ въ рукописи изъ болѣе поздняго времени, такое предположеніе становится нѣсколько вѣроятнымъ. Можно бы однакожъ имѣть въ виду и другія страны, напр. владимирско-волынскую область, но на это нѣтъ никакихъ указаній. Черты языка, подмѣченныя въ евангеліи, не мѣшаютъ остановиться на любой мѣстности, лежащей въ предѣлахъ южной и югозападной Россіи; жч говоритъ, можетъ быть, въ пользу нѣкотораго разстоянія отъ Кіева, не потому, что въ Кіевѣ въ XII вѣкѣ говорили нарѣчіемъ великорусскимъ— этого я на основаніи памятниковъ утверждать не смѣю — а потому, что кіевскіе труженики, передовые по познанію литературнаго языка, дорожившіе сохраненіемъ церковнаго языка въ неиспорченномъ видѣ, м. б. болѣе другихъ избѣгали всякія рѣзкія отступленія въ письменномъ употребленіи, хоть бы онѣ и сущест-

вовали въ окружавшей ихъ средѣ, въ жизни простонароднаго говора. Я не скрываю, что это своего рода гипотеза, при помощи которой я могу объяснить себѣ тотъ неоспоримый фактъ, что въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ, т. е. тѣхъ, которые мы теперь то съ большею то съ меньшею достовѣрностью относимъ къ югу, черты народной рѣчи выходятъ наружу гораздо умѣреннѣе, скромнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ, новгородскихъ; но вѣдь ихъ существованія все-таки ни одинъ добросовѣстный изслѣдователь русской старины отрицать не станетъ, поэтому въ наше время врядъ ли кому придетъ въ голову утверждать, что русскія нарѣчія и говоры развились только послѣ нашествія татарскаго. Что же касается мнѣнія, будто Кіевская область только послѣ татарскаго погрома заселена карпатскими или галицкими выходцами, я не вижу историческихъ свидѣтельствъ, которыя говорили бы въ пользу его. А. Соболевскій, съ дѣльнымъ изслѣдованіемъ котораго (Очерки изъ исторіи русскаго языка I) я познакомился только послѣ того, какъ этотъ мой разборъ галицкаго евангелія былъ написанъ и отданъ въ типографію, полагаетъ «что древній кіевскій говоръ былъ совершенно отличенъ отъ древняго галицко-волынскаго нарѣчія и принадлежалъ къ числу великорусскихъ говоровъ» (стр. 68). Но въ его хорошемъ разборѣ языка нѣкоторыхъ «галицко-волынскихъ» памятниковъ нѣтъ данныхъ для исключенія говора кіевскаго изъ той же области, т. е. изъ сплошной почвы южнорусскаго нарѣчія, распространявшагося уже тогда несомнѣнно до Днѣпра. Правда, онъ говоритъ, что «всѣ памятники XII—XV в., которые съ большею или меньшею достовѣрностью могутъ быть признаваемы за писанные въ Кіевѣ и которые вышли не изъ княжескихъ канцелярій, не имѣютъ въ своемъ правописаніи главной изъ особенностей, отмѣченныхъ нами въ Добриловомъ евангеліи и проч.—систематическаго употребленія ѣ вм. є.» Но вѣдь галицкое еванг. 1144 года тоже не знаетъ «систематическаго» употребленія ѣ вм. є, а оно все-таки памятникъ южнорусскій, даже по всей вѣроятности «галицко-волынскій». Съ другой стороны косвеннымъ образомъ можно до-

казать, что именно кіевскіе памятники XII—XIII в. знали то употребленіе ѣ вм. є, которому не безъ основанія придаетъ значеніе А. Соболевскій. Дѣло въ томъ, что рязанская кормчая 1284 года, какъ свидѣтельствуетъ послѣсловіе, списана съ экземпляра, полученнаго изъ Кіева, отъ тогдашняго митрополита Максима; а въ рязанской кормчей [1]) мы встрѣчаемъ: а) очень часто -ѣк

1) Въ рязанской кормчей нѣтъ единства языка. Это и понятно. Нѣсколькими годами раньше только что былъ полученъ митрополитомъ Кирилломъ II первый экземпляръ этой редакціи кормчей съ юга, изъ Болгаріи. Въ южнославянскомъ спискѣ находились, по болгарской редакціи, юсы, съ смѣшаннымъ ихъ употребленіемъ. Оттого и въ рязанскомъ спискѣ попадаются еще иногда юсы, напр. могѫ 272 d, или же неправильныя формы, объясняющіяся только при помощи подлинника какъ называемой среднеболгарской редакціи, напр. седмиꙗ оубо и шестиꙗ десѧтъ къ тремъ стомъ 6а, здѣсь въ болгарскомъ подлинникѣ стояло: седмиѧ. . . шестиѧ вм. правильнаго седмиѫ. . . шестиѫ; или единоꙗ 279 с. вм. единою (т. е. ѧ вм. ѫ), или вѣроуꙗ въ єдиного бг҃а 305а. вм. вѣроую (т. е. опять ꙗ вм. ѭ). Но и сербизмы попадаются въ рязанскомъ спискѣ—для южнославянскихъ памятниковъ второй половины XIII вѣка это не удивительно—они встрѣчаются особенно часто, начиная съ листа 317, въ послѣдней части рукописи, напр. веще двою на десете стопоу 317а, ѿ поварнице, ѿ похотьнице 317 b, и т. д. Наконецъ выше приводимые примѣры формъ южнорусскихъ не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что изъ Кіева въ Рязань былъ доставленъ не подлинный южнославянскій, болгаро-сербскій экземпляръ, а одинъ изъ списковъ, сдѣланныхъ съ него въ Кіевѣ. Прибавимъ еще два-три примѣра. Замѣчательное свидѣтельство южнорусскаго говора заключается въ трічи 41 b. 48 b. (вм. триждь), какъ извѣстно до сихъ поръ по малорусски говорится *трейчи*, а въ Кіевской губерніи даже *тричи*, ср. Труды этногр. экспед. въ зап. кр., югозап. отдѣлъ VII. 569. 570. 581. 584. Южнорусская черта высказывается также въ любимой перестановкѣ, примѣръ которой даетъ авлирнана 7 b, авлирианоу 7 с. (иловицкая кормчая на обоихъ мѣстахъ правильно: аврилиꙗна, аврилиꙗноу). Зная наклоность малорусскаго нарѣчія къ переходу *ф* въ *х*, можемъ указать на анфилофии вм. анфилохии 1 d.

В. В. Стасовъ, не зная подробностей о характерѣ языка типографскаго евангелія № 6, по однимъ соображеніямъ орнамента опредѣлилъ вѣрно его происхожденіе въ своемъ великолѣпномъ трудѣ, въ части еще не изданной, т. е. онъ отнесъ его къ памятникамъ южнорусскимъ, въ частности кіевскимъ. Анализъ языка этого памятника, сдѣланный А. Соболевскимъ, подтверждаетъ какъ нельзя лучше вѣрность опредѣленія нашего уважаемаго археолога. Но вотъ что замѣчательно. По моей просьбѣ В. В. Стасовъ взглянулъ и на рязанскую кормчую, не представляющую впрочемъ никакихъ орнаментовъ—и тотъ часъ подмѣтилъ въ начертаніяхъ нѣкоторыхъ заглавныхъ буквъ сходство стиля съ орнаментальными буквами вышеупомянутаго типографскаго евангелія. Стало быть, въ рязанской кормчей, хотя она очень просто

вм. ик, б) довольно часто мягкость шипящихъ въ такихъ примѣрахъ: мужа пришедшаго, перьваго мужа, скончанья, вѣнчавъ, нарицается, вѣльца, дѣцамъ, оньсица, ѡбрученица, възпрашаніа, вацьшамъ; в) ѣ вм. є въ такихъ случаяхъ: оучѣнья, ѡброучѣнье, ѿлучѣнье, приношѣнью, въпрошѣньемь, ѡбщѣнья, възвращѣнья, осужѣнье, сложѣние, свобожѣния, рожѣнье, прѣступлѣнья, безъ прикосновѣнья, вьдъхновѣниемь, дерзновѣнья, гонѣнья; или: оучитѣль (напр. 38 с. 39 a. 51 с.), оучитѣльскаа 16 b, степѣнь 305 d, зѣлья 37 b, зѣмнѣими 13 a, пѣчалию, запѣчатлѣша, вѣлми, бѣзвѣдно 329 b, ѡ бѣчьти (вм. бечьстии) 281 b; или понѣже 177 d, в нѣмаже 399 с; о нѣиже 177 с. 316 d; или: пѣвцемъ или четьцѣмъ, ѡконьцѣмь 318 a (дат. мн. чис.); г) ѣ вм. и: прѣходить (въ илов. корм. приходить) 307 с, нѣцѣи (вм. нѣции) 7 d; д) и вм. ѣ: свѣдитель 304 a (два раза) свѣдительство 304 c.d., свѣдительства 304 a (два раза), свѣдітельства 399 d, свѣдительствуеть 304 a. b., свѣдительствовати 304 с (два раза), ѿ тѣхъ же родитиль 306 a; е) такіе примѣры, какъ: разьвѣ 304 a, отииде 1 b, или: истерьгноути 277 b, истергоша 5 a, истергнуша ib. (но історъгнути 17 d), дерьзнеть 279 a, перьвое 273 b, верьховнему ib., жерътвоу 274 b, перъстомъ ib., долъженъ, волъхвъ 40 d, коръмити 279 c, бързду 278 d, и т. д. Откуду могли эти примѣры попасть въ рязанскую кормчую, если не изъ подлинника кіевскаго? а не напоминаютъ ли они какъ нельзя лучше именно то употребленіе ѣ вм. є, и нѣкоторыя другія особенности, о которыхъ много распространяется изслѣдованіе А. Соболевскаго, какъ о чертахъ «галицко-волынскихъ» говоровъ? И такъ — одно изъ двухъ: или извѣстное употребленіе ѣ вм. є, о которомъ у него рѣчь, не

(безъ орнаментовъ) сдѣланный списокъ съ кіевскаго экземпляра, все-таки проглядываетъ школа кіевская — интересное и на мой взглядъ очень важное доказательство, что типографское евангеліе № 6, памятникъ очень изящный, не должно быть непремѣнно «галицко-волынскаго» происхожденія, а можетъ быть, да по всей вѣроятности и есть — памятникъ кіевскій, писанный до 1240 года.

имѣетъ значенія примѣты говора (или говоровъ), или же надо будетъ туда же включить и Кіевъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, которое изъ этихъ двухъ мнѣній заслуживаетъ предпочтеніе.

Не забудемъ еще слѣдующаго обстоятельства: нынѣшнее украинское нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственно отросткомъ и пересадкомъ карпаторусскаго, какъ давно уже вѣрно замѣтилъ умный М. А. Максимовичъ, — благородное отношеніе котораго къ этому вопросу, исполненное любви къ своей родной странѣ и въ то же время искренняго уваженія къ общерусскому единству, можетъ и теперь еще быть поставлено въ примѣръ другимъ изслѣдователямъ.

IV.

А. О подложности отрывковъ глаголическихъ такъ-называемаго Реймскаго евангелія и о ключѣ къ глаголическому письму, статья напечатанная о. Амфилохіемъ въ „Дополненіи къ галичскому сличительному четвероевангелію", на стр. 145—178.

Б. Къ вопросу о славянской азбукѣ, статья проф. В. Миллера напечатанная въ Журналѣ минист. народ. просвѣщенія 1884, Мартъ, стр. 1—35.

В. Die albanesischen und slavischen Schriften von Dr. Leopold Geitler, mit 25 phototypischen Tafeln. Wien, Alfred Hölder, 1883. fol. X. 188.

А.

Въ числѣ прочихъ статей, вошедшихъ въ третій томъ труда о. Амфилохія, о которомъ была рѣчь въ предыдущей моей статьѣ, находится на стр. 145—178 нѣсколько палеографическихъ замѣтокъ его о глаголическомъ письмѣ. Все, что въ этой статьѣ говорится о подложности отрывковъ глаголическихъ реймскаго евангелія, я оставляю въ сторонѣ, считая лишнимъ доказывать, въ какое заблужденіе авторъ впалъ, принявъ за подлогъ самый обыкновенный текстъ глаголическаго памятника хорватской редакціи XIV вѣка. Но фактомъ, который иногда авторы ученыхъ

изслѣдованій предпочитаютъ тщательно скрывать, а о. Амфилохій сообщаетъ съ рѣдкою откровенностью, т. е. простосердечнымъ признаніемъ, что онъ заинтересовался глаголицею и познакомился съ нею только въ самое послѣднее время, я хочу воспользоваться, какъ любопытнымъ свидѣтельствомъ опытнаго палеографа о глаголическомъ письмѣ. Я припоминаю слѣдующій фактъ. Лѣтъ семь-восемь тому назадъ, когда меня увѣряли изъ Праги, что глаголическое письмо обнаруживаетъ много сходства съ эѳіопскимъ, я обратился къ бывшему товарищу по университету, извѣстному специалисту профессору Дильманну, объяснивъ ему значеніе каждой буквы, съ вопросомъ, находитъ ли онъ тутъ дѣйствительно какое ни будь сходство. Какъ можно было ожидать, отвѣтъ былъ такой: глаголическое письмо по его мнѣнію имѣетъ самое близкое отношеніе къ греческому минускульному алфавиту. Подобно тому вотъ и о. Амфилохій, не увлекающійся предвзятыми мыслями и предубѣжденіями, нерасположенный apriori ни въ пользу глаголицы ни противъ нея, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что начатаго изученія пришелъ къ слѣдующему мнѣнію: до 18-ти буквъ.. почти буквально похожи на греческія буквы IX в. и скорописнаго и уставнаго письма, только съ измѣненіемъ или въ постановкѣ буквы или въ прибавленіи угольниковъ или закругленій; пять буквъ заимствованы изъ еврейскаго языка, также имѣющія измѣненія незначительныя, но въ основѣ схожія; одна латинская: р, также немного измѣненная; прочія буквы, кромѣ ѥ, ꙗ, ѭ взяты самыми первыми просвѣтителями славянъ св. Карилломъ и Меѳодіемъ изъ азбуки ими составленной. Нѣкоторыя изъ нихъ замысловато измѣнены, но основа въ измѣненныхъ буквахъ такъ называемая кирилловская». (стр. 146).

Существеннымъ въ этомъ отзывѣ я считаю то, что и о. Амфилохій въ значительномъ большинствѣ глаголическихъ буквъ тотъ-часъ же узналъ греческое скорописное письмо. Какъ палеографъ онъ обратилъ вниманіе конечно и на характеръ заставокъ и заглавныхъ буквъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятни-

ковъ — и получилъ опять новое подтвержденіе, что эти памятники удивительно сходятся съ греческими рукописями IX вѣка. По его мнѣнію, высказанному даже слишкомъ опредѣленно, на основаніи особенностей письма и по сильному вліянію греческой письменности, изъ которой большею частью заимствованы и буквы и украшенія, аѳонское (т. е. маріинское) четверо-евангеліе надо бы отнести къ IX—X вѣку, а зографское не много позднѣе, лѣтъ на 5 или не болѣе 10-ти (стр. 172). Хотя я считаю съ своей стороны необходимымъ нѣсколько этой увѣренности поубавить и сказать, что зографское и маріинское евангеліе по всей вѣроятности не стоятъ столь близко ко времени жизни св. Кирилла, какъ полагаетъ о. Амфилохій (на стр. 174), но мнѣ внушаетъ искреннее уваженіе его готовность преклоняться передъ силою доказательствъ, заключающихся во внѣшнемъ (палеографическомъ) и внутреннемъ (грамматико-критическомъ) видѣ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ. Нельзя правда согласиться съ его мнѣніемъ, будто бы св. Кириллъ выдумалъ эту азбуку (глаголическую), «чтобы католики не преслѣдовали славянъ, исповѣдующихъ православную греческую вѣру, даже и за буквы кирилловскія» — не знаю, извѣстно ли о. Амфилохію, какому гоненію подвергалось славянское богослуженіе въ Далмаціи въ IX—X — XI вѣкахъ, несмотря на глаголическое письмо, которое нисколько не защищало его —, но безпристрастію его какъ изслѣдователя дѣлаетъ честь слѣдующее, въ высокой степени справедливое изреченіе: глаголица «та же кириллица, только измѣнена въ положеніи буквъ, округленіи, обращеніи нѣкоторыхъ линій въ угольники и заимствованіи буквъ греческихъ изъ скорописнаго письма». Конечно эти слова не такъ слѣдуетъ понимать, какъ будто бы св. Кириллъ составилъ кириллицу и глаголицу — при трудности задачи, которая слав. апостоламъ и безъ того предстояла, немыслимо, что бы одинъ и тотъ же человѣкъ лишнимъ образомъ усложнялъ свое предпріятіе и успѣхъ его такимъ усложненіемъ самъ подвергалъ сомнѣнію — но они любопытны въ другомъ отношеніи, они доказываютъ, что вѣрное палеографическое

чутье почтеннаго археолога сразу отыскало близкое родство обоихъ алфавитовъ въ ихъ греческомъ источникѣ.

Пять знаковъ глаголическаго письма о. Амфилохіи сопоставляетъ съ еврейскими, на что давно уже (лѣтъ тридцать тому назадъ) относительно к (ᵬ), ш (ш) и ц (ᵥ) указывалъ Шафарикъ. Въ самомъ дѣлѣ, если уже никакъ нельзя ограничиться однимъ источникомъ, положимъ греческимъ, то болѣе всего вѣроятнымъ становится предположеніе, что ученый византіецъ, философъ и богословъ, послѣ греческаго обратилъ свои взоры на еврейское письмо. Но я полагаю, что и о. Амфилохій охотно откажется отъ своего сопоставленія, если другимъ изслѣдователямъ удастся удовлетворительно объяснить его еврейскіе знаки, не прибѣгая за помощію къ евреямъ, а оставаясь въ предѣлахъ графики греческой. О такой попыткѣ, сдѣланной проф. Тэйлоромъ, Гейтлеромъ и наконецъ мною, рѣчь впереди.

Остается небольшое число знаковъ, которые по мнѣнію о. Амфилохія самимъ св. Кирилломъ изъ азбуки имъ составленной кирилловской заимствованы и переняты въ глаголическую, криптографическую, какъ онъ называетъ ее. Не думаю, что бы многіе съ этимъ мнѣніемъ согласились. Вопервыхъ въ глаголицѣ нѣтъ ничего криптографическяго, она только кажется вычурпымъ письмомъ намъ не привыкшимъ читать ее; тѣ которые писали цѣлыя рукописи глаголическимъ письмомъ, безъ сомнѣнія задавались цѣлью не скрывать содержаніе ихъ отъ кого бы то ни было, а напротивъ посредствомъ ихъ устроить славянское богослуженіе. Но если у св. Кирилла уже было свое письмо, кирилловское, какъ полагаетъ о. Амфилохій, то съ какой стати надо было ему придумывать еще вторую азбуку, хоть бы въ сущности ту же греческую, но дѣйствительно очень замысловато измѣненную? Сказать ли потому, что онъ зналъ и видѣлъ въ греческой письменности двоякій алфавитъ: литургическій уставъ и минускулы со скорописью? Но вѣдь глаголица не имѣетъ такого отношенія къ минускульному или курсивному греческому письму, какъ кириллица къ уставу. Въ послѣднемъ случаѣ весь запасъ греческихъ буквъ

остался безъ измѣненія, онъ только дополненъ нѣсколькими новыми знаками; въ первомъ же случаѣ только четыре буквы: ⱚ, ⰷ, ⰴ, ⱃ на первый взглядъ уже напоминаютъ греческіе минускулы, да и здѣсь къ каждому греческому почерку нужно что нибудь прибавить, что бы изъ него вышла соотвѣтствующая буква глаголическая. Кромѣ того въ греческихъ рукописяхъ, какъ извѣстно, господствовалъ палеографическій пріемъ, въ заглавіяхъ употреблять уставъ, хоть-бы онѣ и были писаны минускульнымъ или курсивнымъ письмомъ; въ глаголическихъ же памятникахъ мы видимъ не то, здѣсь и заглавія пишутся тѣмъ же почеркомъ. Наконецъ глаголическая графика не допускаетъ глаголицу назвать курсивомъ, несмотря на то, что она произошла изъ минускульнаго и курсивнаго почерка греческаго подлинника. Изобрѣтатель глаголицы очевидно имѣлъ намѣреніе составить не какое нибудь дополнительное письмо, какъ по видимому полагаетъ о. Амфилохій, а главное и единственное. Это доказываетъ уже характеръ глаголицы. Она произошла, правда, преимущественно изъ минускульныхъ и курсивныхъ типовъ греческаго алфавита, но составитель ея передѣлалъ эти типы въ стилѣ устава съ прямою литургическою цѣлью. Почему онъ въ своемъ предпріятіи не далъ предпочтенія литургическому унціальному письму грековъ, т. е. нашей нынѣшней кириллицѣ, этого мы не знаемъ, мы не можемъ заглядывать въ его душу, но на вѣрно смѣемъ утверждать, что составителю глаголицы не приходило въ голову въ то же время писать кириллицею: обѣ азбуки въ головѣ одного изобрѣтателя не совмѣстимы. Очень можетъ быть, что Константинъ философъ видѣлъ греческій курсивъ, т. е. обиходное греческое письмо, уже въ нѣкоторомъ употребленіи у славянъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться (братъ его былъ нѣкоторое время даже правителемъ какого то княжества «словенскаго»); а можетъ быть его творческому смыслу болѣе по вкусу было греч. курсивное письмо потому, что здѣсь, онъ удобнѣе могъ примѣнить и доказать свою находчивость. Кто знаетъ, въ какой тѣсной зависимости отъ греческаго унціальнаго почерка находится ки-

риллица, тотъ легко допуститъ и такую мысль, что ученому и высоко даровитому, если не сказать геніальному Константину, слишкомъ ничтожною показалась бы роль ограничиться однимъ только дополненіемъ греческаго алфавита для примѣненія его къ звукамъ славянскаго языка.

Б.

Независимо и ранѣе, чѣмъ появилось изслѣдованіе профессора Гейтлера, высказалъ свое мнѣніе по вопросу о славянской азбукѣ проф. Всеволодъ Миллеръ, оно напечатано въ только что изданной мартовской книжкѣ Журнала министерства народнаго просвѣщенія за текущій (1884-тый) годъ. Проф. Миллеръ самъ считаетъ свою статью бѣглыми замѣтками неспеціалиста. Какъ извѣстно, иногда именно неспеціалисты, но по характеру своихъ ученыхъ занятій достаточно подготовленные, вносятъ въ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ новые свѣжіе взгляды. Кромѣ того, они обыкновенно отличаются большимъ безпристрастьемъ въ обсужденіи аргументовъ, чѣмъ записные спеціалисты. Я могъ бы это доказать примѣрами, но nomina sunt odiosa. Предпочитаю указать на нѣкоторыя положенія въ статьѣ проф. Миллера, съ которыми несомнѣнно можно согласиться. Не буду обращать вниманіе на то, кѣмъ они были впервые высказаны; вѣдь не всегда тому принадлежитъ та или другая мысль, кѣмъ она впервые напечатана, потому что не всегда только тѣ знаютъ то или другое, которые печатаютъ. И такъ я указываю на вѣрный взглядъ автора, на стр. 5 — 6, о томъ, что значитъ изобрѣтать азбуку: «историческая аналогія показываетъ, что азбуки не складываются изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ, что онѣ слагаются обыкновенно не болѣе какъ изъ двухъ другихъ, при чемъ одна обыкновенно принадлежитъ народу вліяющему своею культурой и религіей на народъ, для котораго вводятся новыя письмена». Стоитъ прочесть и то, что говорится о трудности въ опредѣленіи

числа звуковъ въ языкѣ, для которыхъ предстоитъ придумать знаки, на стр. 25—26. Всев. Миллеръ не затрудняется высказать, что и онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ мнѣніе Шафарика, что Константинъ Философъ былъ изобрѣтатель глаголицы, кажется болѣе правдоподобнымъ, нежели противоположное, на стр. 24; только онъ полагаетъ, что Кириллъ «изобрѣлъ глаголицу, то—есть, придумалъ начертанія для славянскихъ звуковъ, но уже имѣлъ подъ руками образецъ, прототипъ будущей кириллицы, изъ котораго онъ заимствовалъ нѣкоторыя буквы, измѣнилъ ихъ въ деталяхъ, порядокъ буквъ и ихъ число». Послѣдняя оговорка стоитъ въ связи съ особымъ мнѣніемъ о «добавленныхъ» буквахъ. Дѣло въ томъ, что авторъ находитъ возможнымъ цѣлый рядъ знаковъ славянской азбуки производить изъ письма сассанидскаго, изъ алфавита рукописей авесты, а такъ какъ полагаемое сходство славянской азбуки съ сассанидской относится къ буквамъ кирилловскимъ, то онъ по неволѣ долженъ допустить первенство этихъ дополнительныхъ знаковъ въ кириллицѣ. Но въ какой кириллицѣ? Въ кириллицѣ славянъ-христіанъ, проживавшихъ въ городѣ Корсуни гораздо раньше оффиціальнаго принятія христіанства Владиміромъ (стр. 27)! Не знаю, найдутся ли многіе, которымъ эта смѣлая гипотеза о славянахъ-христіанахъ, проживавшихъ, скажемъ, въ восьмомъ и въ первой половинѣ девятаго столѣтія въ Корсуни, покажется хоть мало мальски вѣроятною; автору она нужна для того, что бы провести свою теорію о вліяніи сассанидскаго письма на кириллицу. Онъ говоритъ: «Здѣсь именно, въ Корсуни, гдѣ греческая культура сталкивалась съ восточною, хазарскою, могли выработаться письмена, смѣшанныя изъ греческихъ и восточныхъ (сассанидскихъ), которыя мы видимъ въ составѣ кириллицы». (стр. 27).

Прежде всего замѣтимъ, что сассанидское господство было уничтожено арабами уже въ половинѣ VII столѣтія, съ тѣхъ поръ и сассанидское письмо уступило арабскому, между тѣмъ какъ по здѣсь проповѣдываемому мнѣнію оно еще въ IX столѣтіи должно бы быть въ греческомъ городѣ Корсуни (Херсонѣ)

на столько распространено, что тамошніе славяне (сколько же ихъ тамъ могло быть?) изъ него брали буквы для пополненія греческаго алфавита! Право, сходство кириллицы съ сассанидскимъ письмомъ должно быть очень замѣчательное, если авторъ считаетъ возможнымъ съ поэтическою свободою обойти всѣ условія историческія въ угоду одному только сомнительнаго свойства свидѣтельству, извѣстному разсказу о русскомъ евангеліи и псалтыри. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ? Поражаетъ ли дѣйствительно сходство славянской азбуки съ сассанидскимъ письмомъ хоть бы въ нѣкоторыхъ буквахъ? Посмотримъ.

Проф. Миллеръ начинаетъ съ буквы ш. Онъ срисовалъ на табл. II съ сассинидскихъ монетъ одинъ типъ дѣйствительно довольно похожій на кирилловскую и глаголическую букву, но онъ пропустилъ прибавить, что этотъ типъ и на монетахъ не является исключительно, повидимому онъ даже менѣе обыкновененъ, чѣмъ прочіе уже совсѣмъ не похожіе на славянскую букву. Поэтому Исакъ Тэйлоръ во своемъ новѣйшемъ сочиненіи «The Alphabet» vol. II pag. 236 даже и не внесъ въ свою таблицу того знака для š, которымъ такъ дорожитъ авторъ.

Буквѣ щ соотвѣтствующій знакъ слишкомъ мало похожъ, на сассанидскихъ монетахъ его и нѣтъ, такъ что авторъ принужденъ для сравненія брать почеркъ изъ рукописей авесты 16-го вѣка, но и въ славянской азбукѣ онъ останавливается на позднѣйшемъ почеркѣ буквы. Все, что говорится о мнимомъ фонетическомъ различіи между шт и щ (на стр. 9—10) — лишено и малѣйшаго основанія, если рѣчь идетъ о церковнославянскомъ языкѣ, а вѣдь знакъ щ попалъ въ Россію съ юга. Другое дѣло, конечно, языкъ древнерусскій, въ немъ щ рано преобладало потому, что церковнослав. шт здѣсь произносилось не какъ št, а сообразно съ физіологич. характеромъ русскаго консонантизма, какъ šč'. Но въ древнѣйшихъ нерусскихъ памятникахъ сначала щ употреблялось, повидимому, только для сокращенія вм. шт (напр. въ концѣ строки), какъ и ȣ вм. оу. Возлѣ сокращенія щ, вскорѣ преобладавшаго, иногда писалось также ш҄т в томъ же

смыслѣ. Всѣ эти факты доказываютъ, что въ происхожденіи щ изъ ш нельзя солмѣваться — а этимъ отнята послѣдняя возможность производить щ изъ — алфавита авесты.

Наше ч во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ какъ извѣстно пишется съ чашечкою на вертикальномъ штрихѣ, между тѣмъ какъ восточная буква, на которую указываетъ авторъ, нѣсколько похожа на наше позднѣйшее ч только тогда, если дать ей оборотное направленіе. Впрочемъ и здѣсь авторъ пропустилъ замѣтить, что нарисованный на его таблицѣ почеркъ не единственный, и кажется даже не самый употребительный.

Относительно буквы ц соображенія автора обрываются на фактѣ, что приводимый имъ въ сравненіе знакъ авесты не обозначаетъ нашего ц, а наше дж, сербское ђ. Потому онъ и самъ допускаетъ возможность, здѣсь какъ и при ш восходить прямо къ еврейскому источнику.

Какъ видно, краеугольные камни теоріи о сассанидскомъ вліяніи на происхожденіе славянской письменности не на столько прочны, чтобы пріятно было, съ чувствомъ нѣкоторой надежности, на нихъ воздвигать цѣлую постройку. Въ самомъ дѣлѣ, уже буква ж, которую ожидали бы въ числѣ основныхъ сравненій, такъ мало поддается соображеніямъ автора, что онъ самъ отодвинулъ ее на задній планъ, опять съ оговоркою «что авестійская буква болѣе напоминаетъ наше курсивное *ж*, нежели уставное», т. е. сказать просто, между нашимъ ж и буквою авесты — на сассанидскихъ монетахъ—нѣтъ другого сходства, чѣмъ то, которое вообще можетъ быть между двумя знаками, состоящими изъ — нѣсколькихъ штриховъ!

Не лучше обставлено дѣло съ добавочными гласными. Много фантазіи нужно имѣть для того, чтобы производить кирилловское ъ изъ начертаній буквы о (этимологическаго а) въ авестѣ, но не менѣе, а еще гораздо болѣе для того, чтобы наше ѫ сопоставлять съ знакомъ передающимъ носовую гласную ą въ той же авестѣ. Въ послѣднемъ примѣрѣ авторъ не поскупился, онъ нарисовалъ изъ приводимыхъ у Гюбшманна 14-ти знаковъ почти

половину ихъ (6), предоставляя намъ выборъ, но увы мы со всѣми ими не въ состояніи ничего подѣлать. Наконецъ, чтобы наше ⱑ сблизить съ той буквою авесты, которая у Гюбшманна передается черезъ ẹ, надо было опять прибѣгнуть къ нашему курсивному, т. е. къ позднѣйшему начертанію буквы ѣ; но и при этомъ ничего не выходитъ. Какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ (ср. ниже въ разборѣ книги проф. Гейтера), основная часть нашихъ буквъ ⰺ, ⰰ, ⱑ несомнѣнно одна и таже; положимъ теперь, что всѣ онѣ или по крайней мѣрѣ ⰺ и ⱑ перешли къ намъ изъ сассанидскаго алфавита, не будемъ ли мы ожидать, что и въ мнимомъ первообразѣ нашихъ знаковъ существуетъ такое же основное родство между обѣими буквами авесты? Но достаточно взглянуть на таблицу проф. Миллера или еще лучше Гюбшманна, чтобы убѣдиться, что это не такъ: тамъ буквы o и ẹ ничего общаго не имѣютъ. Предположеніе, высказанное на стр. 13 о томъ, что наше позднѣйшее полууставное и курсивное ѣ (съ опущеннымъ внизъ лѣвымъ хвостикомъ) вышло изъ іотованнаго ѩ изборника 1073 года, можно извинить у автора тѣмъ, что онъ самъ не считаетъ себя компетентнымъ въ палеографіи. Это впрочемъ видно не изъ одного этого мѣста.

Профессоръ В. Миллеръ любитъ предлагать новыя теоріи, это не первая и надѣемся не послѣдняя, но по крайней мѣрѣ на этотъ разъ ему не удалось убѣдить насъ въ основательности его догадки. Впрочемъ я не отвергаю всего, что въ этой статьѣ высказано. По моему характеристика глаголицы, представленная авторомъ на стр. 4—5, заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ и остроумныхъ замѣчаній, которымъ я очень сочувствую. Проф. Миллеръ въ извѣстной степени правъ, когда говоритъ, что глаголица не имѣла успѣха потому, что была дѣломъ личнаго творчества. Да, она не была въ состояніи одолѣть напоръ съ одной стороны греческаго, съ другой латинскаго письма, ея судьба много напоминаетъ судьбу церкви, основанной тѣми же братьями въ центрѣ западнаго славянства, которая тоже пала жертвою вражды двухъ культурныхъ міровъ. Но кириллица восторже-

ствовала, по моему, не въ силу того, что это была азбука, сложившаяся исторически, а потому что она сумѣла ближе приноровиться къ господствовавшему культурному письму греческому. Не оказала ли ей въ этомъ глаголица все таки существенную услугу — вотъ въ чемъ вопросъ. Проф. Миллеръ и тѣ, кто съ нимъ вѣритъ въ происхожденіе глаголическихъ буквъ, ⱎ, ⰶ, ⱌ, ⱛ, ⱏ, ⱔ изъ кирилловскихъ ш, ж, ѵ, ц, ъ, ѧ, отвѣтятъ конечно, что глаголица не вліяла на кириллицу; я же считаю болѣе правдоподобнымъ противоположное мнѣніе, поэтому и утверждаю, что глаголица и до сихъ поръ частицею своего состава живетъ въ азбукѣ кирилловской. Но объ этомъ рѣчь въ слѣдующей статьѣ.

B.

Если ужъ зашла рѣчь о славянскихъ письменахъ и мнѣніяхъ по вопросу о происхожденіи глаголицы и кириллицы, высказанныхъ о. Амфилохіемъ и профессоромъ Всеволодомъ Миллеромъ, можетъ быть не будетъ лишнимъ обратить вниманіе на самый капитальный трудъ по этому вопросу явившійся въ новѣйшее время, на сочиненіе профессора Гейтлера, заглавіе котораго приведенное выше подъ буквою *B*. Я имѣю при этомъ въ виду довольно большое число русскихъ читателей, которымъ мало распространенные заграничные журналы остаются недоступными, какъ напр. Archiv für slavische Philologie, въ VII томѣ котораго помѣщенъ мой разборъ упомянутаго сочиненія. Этой статьей я намѣрѣнъ здѣсь воспользоваться, съ прибавками и измѣненіями, какія нашелъ необходимыми сдѣлать.

Послѣ нѣсколькихъ трудовъ по вопросу о глаголицѣ покойнаго Шафарика, послѣ статьи Миклошича, помѣщенной въ энциклопедіи Эрша и Грубера подъ словомъ «Glagolitisch», и послѣ отдѣльнаго сочиненія д-ра Фр. Рачкаго, разбиравшаго вопросъ о славянскомъ письмѣ въ книжкѣ, изданной въ 1861 году на хорватскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Slovjensko pismo» —

обширный трудъ проф. Гейтлера дѣлаетъ значительный шагъ впередъ, который не останется безслѣднымъ для вопроса, если даже окажется, что авторъ не достигъ вполнѣ той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Его сочиненіе является плодомъ продолжительныхъ очень усиленныхъ занятій надъ труднымъ вопросомъ и заслуживаетъ нашу искреннюю признательность за весьма многое въ немъ находящееся, какъ то за полноту собраннаго очень драгоцѣннаго матеріала, тщательную научную обработку его и обнаруживающуюся при этомъ несомнѣнную «палеографическую» талантливость автора. Этими качествами трудъ проф. Гейтлера внушаетъ къ себѣ заслуженное уваженіе, которое я высказываю ему тѣмъ охотнѣе, что разбирая подробно его теорію, по многимъ существеннымъ пунктамъ принужденъ возражать противъ его взглядовъ и объясненій.

1. Уже въ намѣреніи автора взяться за новое, обстоятельное и всестороннее разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи и взаимномъ соотношеніи славянскихъ алфавитовъ проглядываетъ чувство неудовлетворительности всѣми предшествовавшими попытками рѣшенія вопроса. Проф. Гейтлеръ не скрываетъ этого, на стр. 66 онъ говоритъ такъ: «часто подымаемый вопросъ, который изъ нихъ (т. е. обоихъ славянскихъ алфавитовъ) раньше существовалъ, не имѣетъ особеннаго значенія, потому что отвѣтъ на него повидимому не раскрылъ бы никакихъ новыхъ между ними соотношеній въ виду того, что *не предполагали возможности*, чтобы нынѣшнимъ редакціямъ алфавита предшествовали болѣе древнія, отношеніе которыхъ другъ къ другу должно быть разсматриваемо совершенно иначе, чѣмъ это можно дѣлать на основаніи дошедшаго до насъ матеріала знаковъ и теперешняго его распредѣленія». Эти слова показываютъ ясно, что авторъ этого сочиненія при своемъ изслѣдованіи становится на совершенно новую точку зрѣнія,—такую, о которой, по его собственному заявленію, *до сихъ поръ вовсе не думали*. Но вѣдь попытки всѣхъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и нашего автора, объяснить происхожденіе глаголическаго и кирилловскаго письма, сводятся въ сущности

къ отыскиванію ихъ первоисточниковъ въ чуждыхъ алфавитахъ. По этому спрашивается, въ чемъ же собственно заключается та новая точка зрѣнія, на которую заявляетъ притязаніе проф. Гейтлеръ? По его собственному признанію, въ гипотезѣ требующей еще подтвержденія, и выраженой имъ въ слѣдующихъ словахъ: «*Есть признаки*, что первыя начатки обоихъ алфавитовъ существовали независимо другъ отъ друга до второй половины IX вѣка. Столкновеніе и произшедшее вслѣдствіе обоюднаго заимствованія знаковъ сближеніе обоихъ алфавитовъ, которое я отношу въ Македонію ко времени Климента 886—916, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія возникновенія той орѳографіи, которою написаны древнѣйшіе славянскіе памятники». Такимъ образомъ проф. Гейтлеръ признаетъ, что вторая половина IX вѣка имѣла рѣшающее значеніе для этого вопроса; онъ не считаетъ необходимымъ подвергать сомнѣнію извѣстныя историческія свидѣтельства о дѣятельности Константина-Кирилла въ Моравіи и Панноніи, Климента въ Македоніи; онъ желаетъ только разобрать и критически оцѣнить эту дѣятельность на основаніи самого дѣла въ томъ видѣ, какъ оно стоитъ передъ нами. По его понятіямъ выходитъ такъ, что значеніе рѣшительнаго момента заключается не столько въ личной ихъ дѣятельности, которая только привела къ опредѣленному результату нѣчто уже ранѣе существовавшее, сколько въ предшествовавшемъ долгомъ употребленіи и практическомъ примѣненіи опредѣленныхъ алфавитовъ у славянъ, создавшемъ наконецъ такую силу обычая, что славянскіе первоучители и ихъ сотрудники должны были считаться съ ними, какъ съ данными факторами.

Такимъ взглядомъ на славянское письмо вызвано на стр. 99 положеніе, *выдаваемое за положительный фактъ*, «что въ славянскихъ алфавитахъ для каждаго малѣйшаго элемента, для каждой связки или украшенія нужно искать поводъ въ ближайшемъ источникѣ и что *ничего не изобрѣталось самостоятельно*». Я могъ бы въ духѣ автора назвать это положеніе его «палеографической» догмой, изъ которой сами собою выходятъ взгляды, подоб-

ные изложенному на стр. 72: «ничто собственно не принадлежитъ изобрѣтателямъ глаголическаго алфавита, кромѣ каллиграфической разработки заимствованій». Достоинство такихъ положеній конечно должно быть провѣрено; изъ хода доказательствъ должно выясниться, выдерживаютъ ли они критику. Но a priori можетъ быть допущено, что, если бы автору удалось на основаніи этихъ положеній объяснить происхожденіе обоихъ славянскихъ алфавитовъ, не вдаваясь при этомъ ни въ какія натяжки, не нарушая естественной связи въ отдѣльныхъ фактахъ, не внося недоказанныхъ положеній въ ходъ своей аргументаціи, то теорія его могла бы дѣйствительно предъявлять права на названіе вполнѣ доказанной истины. Посмотримъ, какіе пріемы употребляетъ авторъ для рѣшенія этой великолѣпной, но также и очень трудной задачи, что̀ представляетъ собою тотъ «палеографическій» путь, на который онъ первый (по его словамъ) вступилъ, въ сознательномъ противорѣчіи со своими предшественниками.

2. На 156 стр. мы читаемъ относительно обоихъ алфавитовъ слѣдующее положеніе: «прежде всего мы должны установить какъ фактъ, что мы имѣемъ передъ собою два въ основѣ совершенно различныхъ алфавита, которые расходятся и по мѣстности и по времени происхожденія». Съ этимъ положеніемъ, въ его общемъ смыслѣ, охотно согласятся всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть изслѣдователей славянской старины; къ сожалѣнію изъ него не вытекаютъ одни и тѣ же дальнѣйшіе выводы. По мнѣнію проф. Гейтлера, «кириллица есть греческій алфавитъ, дошедшій до насъ въ видѣ позднѣйшихъ литургическихъ унціаловъ X—XI столѣтій» (стр. 65),—совершенно вѣрно; и съ этимъ всѣ мы соглашаемся, коль скоро дѣло идетъ о кириллицѣ существующихъ на лицо древнѣйшихъ памятниковъ. Далѣе тамъ же говорится слѣдующее: «нѣкоторыя обстоятельства, повидимому, указываютъ на то, что для кириллицы нѣкогда употреблялось унціальное письмо, бывшее въ ходу до второй половины IX столѣтія». Это гипотеза, которая хотя не можетъ быть доказана, однако имѣетъ за себя, пожалуй, нѣкоторую вѣроят-

ность; съ извѣстными оговорками можно принять и ее. Авторъ допускаетъ, что этимъ греческимъ унціальнымъ письмомъ воспользовался извѣстный славянскій апостолъ Константинъ-Кириллъ при первомъ переводѣ св. писанія съ греческаго на древне-славянскій языкъ, т. е. онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые за Кирилломъ оставляютъ нынѣшнюю кириллицу (мы увидимъ сейчасъ съ какими ограниченіями). Это, какъ извѣстно, очень распространенный взглядъ, который однако въ новѣйшее время подвергается сомнѣнію со стороны замѣчательнѣйшихъ западнославянскихъ изслѣдователей, какъ Шафарикъ, Миклошичъ, Рачкій, и ихъ сомнѣніе раздѣляютъ въ новѣйшее время многіе изъ русскихъ ученыхъ. Послѣдняго взгляда проф. Гейтлеръ не удостоиваетъ никакимъ особеннымъ опроверженіемъ; хотя на стр. 158 онъ говоритъ: «очень слабы доказательства, которыя представляетъ Шафарикъ въ пользу мнѣнія, что Кириллъ писалъ глаголическимъ алфавитомъ», однако настоящаго опроверженія нѣтъ. Я охотно допускаю, что «палеографическія» доказательства, которыя Шафарикъ въ свое время выставлялъ въ пользу глаголицы, были очень слабы, но ни для него тогда, ни для насъ теперь одни они не имѣютъ рѣшающей силы. По моему совокупность многихъ соображеній и доказательствъ склонила Шафарика къ тому мнѣнію, что Кириллъ принесъ въ Моравію и Паннонію не кирилловскій, а глаголическій алфавитъ. Къ нимъ-то и должно было отнестись съ той же добросовѣстностью, которою именно при рѣшеніи этого вопроса отличался безсмертный изслѣдователь славянскихъ древностей. Это надо было исполнить тѣмъ болѣе, что между тѣмъ явились новые факты, которые при рѣшеніи этого вопроса сильно говорятъ въ пользу Шафарика.

Но я уклоняюсь въ сторону отъ точки зрѣнія автора, у котораго «палеографическія» данныя одни имѣютъ рѣшающую силу. Что же изъ нихъ слѣдуетъ? Для отвѣта на вопросъ, какимъ алфавитомъ писалъ Кириллъ, конечно рѣшительно ничего; но этимъ вопросомъ авторъ, по вышеприведенному признанію его, и самъ

не очень сильно дорожитъ. Для него гораздо важнѣе тѣ выводы, которые изъ палеографическихъ данныхъ получаются для опредѣленія характера кириллицы. Такъ какъ она, какъ упомянуто выше, по существу своему представляетъ греческое унціальное письмо, то легко представить себѣ, что первыя попытки выразить греческимъ алфавитомъ славянскіе звуки, представили много затрудненій и страдали большими пробѣлами; но наступила пора, когда эти пробѣлы должны были какимъ-нибудь образомъ быть восполнены. Въ силу извѣстныхъ историческихъ свидѣтельствъ до сихъ поръ считали Константина-Кирилла исполнителемъ этого дѣла; его почитали какъ изобрѣтателя или составителя новыхъ или вновь заимствованныхъ знаковъ для пополненія этихъ пробѣловъ. Но проф. Гейтлеръ въ этомъ случаѣ идетъ своей собственной дорогой; болѣе или менѣе засвидѣтельствованнымъ извѣстіямъ объ этомъ дѣлѣ онъ придаетъ меньшее значеніе, чѣмъ самому дѣлу и его палеографическому изслѣдованію, при чемъ онъ приходитъ къ слѣдующимъ «палеографическимъ» выводамъ: а) негреческія составныя части кириллицы представляютъ двойной «палеографическій» характеръ, одна часть ихъ какъ на источникъ указываетъ на греческій унціальный алфавитъ, другая же чрезъ посредство глаголицы на предполагаемый греко-римско-албанскій курсивъ; б) одни только изъ греческаго унціальнаго письма «перечеканенныя» буквы кириллицы были въ употребленіи до столкновенія кириллицы съ албано-глаголическимъ курсивомъ; в) полагаемое столкновеніе и обоюдное вліяніе состоялось при Климентѣ, въ Македоніи; слѣдовательно, г) Кириллъ самъ пользовался алфавитомъ, который былъ чисто греческимъ и не зналъ никакихъ албано-глаголическихъ заимствованій, т. е. по «палеографическимъ» выводамъ автора, Кириллъ въ употребляемомъ имъ алфавитѣ буквы ш, ѵ, ц, ѧ и ж или уже раньше нашелъ, или самъ въ первый разъ ввелъ (эта альтернатива остается неразрѣшенною), однако его алфавитъ обходился еще безъ буквъ ж, ю, ъ, ь, ꙑ, и можетъ быть безъ ѣ, такъ какъ кириллица не вошла еще въ тѣсное сношеніе съ албано-глаголическимъ курсивомъ Македоніи.

Представимъ себѣ съ полной ясностію, какъ несовершененъ долженъ былъ быть греко-славянскій алфавитъ, который обходился еще безъ буквъ, играющихъ въ кириллицѣ такую большую роль, какъ **ж**, **ъ**, **ъı**, **ь**, **ю** и можетъ быть даже **ѣ**; подумаемъ и о томъ, въ какомъ сильномъ противорѣчіи долженъ очутиться такой результатъ «палеографическаго» изслѣдованія съ историческимъ преданіемъ относительно дѣятельности Константина-Кирилла, которая отнюдь не отходитъ въ темныя времена Кадма, чтобы возможно было ее считать какъ нѣчто совершенно сказочное; прибавимъ наконецъ еще и самое главное, что въ имѣющихся на лицо древнѣйшихъ памятникахъ, которые написаны съ небольшимъ черезъ 100 лѣтъ послѣ дѣятельности Кирилла, нельзя найти для такой гипотезы ни малѣйшей опоры или оправданія. Въ виду такихъ обстоятельствъ какъ можно не заподозрить значенія школы, изслѣдованія или метода, которыя выносятъ на свѣтъ такіе результаты? какъ можно отказать себѣ въ желаніи нѣсколько ближе познакомиться съ палеографическимъ методомъ автора, заставившимъ его придти къ такимъ поразительнымъ результатамъ?

Проф. Гейтлеръ такъ рѣшительно ставитъ себѣ въ заслугу свой «палеографическій» методъ, что именно въ немъ и видитъ отличительный признакъ своего изслѣдованія сравнительно съ изслѣдованіями его предшественниковъ. Поэтому на стр. 66 онъ даже съ нѣкоторымъ упрекомъ говоритъ: «При (обыкновенной) постановкѣ этого вопроса (т. е. относительно обоихъ алфавитовъ) не уяснили себѣ того, что дѣло идетъ о происхожденіи славянскихъ знаковъ по отношенію къ мѣсту и времени, *что достижимо только палеографическимъ путемъ*». Я очень хорошо знаю, что А. Кирхгофъ съ особенной настойчивостью превозноситъ эти два момента въ своемъ классическомъ трудѣ о греческомъ алфавитѣ; но они ему послужили только средствомъ для достиженія яснаго взгляда на различныя запутанныя обстоятельства греческаго алфавита. Напротивъ, нашъ авторъ, который, какъ видно уже изъ его палеографической терминологіи, кое-что позаимство-

валъ изъ этого сочиненія, не вникнувши однако, какъ мнѣ кажется, въ духъ палеографическихъ изслѣдованій Кирхгофа, дѣлаетъ къ сожалѣнію изъ упомянутаго средства отнюдъ не то употребленіе, которое онъ могъ бы найти въ своемъ образцѣ. Вмѣсто того чтобы постараться уяснить себѣ происхожденіе славянскаго алфавита по отношенію къ мѣсту и времени при помощи тѣхъ моментовъ, которые слѣдуетъ искать и можно найти въ самыхъ памятникахъ, онъ вполнѣ произвольно устанавливаетъ мѣстное и временное различіе по своимъ собственнымъ, недоказаннымъ, чисто гипотетическимъ гаданіямъ. И это называется прекрасно звучащимъ терминомъ «палеографическимъ» методомъ.

3. Въ числѣ памятниковъ церковнославянской письменности есть два глаголическіе, принадлежность которыхъ въ ихъ теперешнемъ видѣ къ области нарѣчій чехо-мораво-словацкой группы не можетъ подлежать сомнѣнію; несомнѣнныя филологическія и палеографическія особенности ставятъ ихъ въ число древнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности; историческое преданіе о первой литературной дѣятельности на славянской почвѣ указываетъ именно на эту сѣверо-западную страну — все это такія данныя, которыя палеографъ изъ школы Кирхгофа нашелъ бы достойными величайшаго вниманія, но для нашего автора онѣ не существуютъ, да онѣ не могли, онѣ не должны были получить у него надлежащаго значенія, этому мѣшало одно основное затрудненіе, заключающееся для автора въ палеографическомъ характерѣ письма этихъ памятниковъ. Дѣло въ томъ, что упомянутые памятники — глаголическаго письма и, какъ таковые, употребляютъ уже въ своемъ алфавитѣ знаки ш, ѵ, ц, которые по палеографической теоріи автора могли быть заимствованы только изъ кириллицы, гдѣ соотвѣтствующіе знаки ш, ѵ, ц суть по его теоріи ни что иное, какъ «перечеканенныя» греческія буквы ω, Υ. Такимъ образомъ весь вопросъ сводится къ необходимости доказать, что ш, ѵ, ц непремѣнно перешли изъ кирилловскаго (греческаго унціальнаго) алфавита въ глаголическій, а не наоборотъ.

Это достигается «палеографическимъ» путемъ; съ увѣренностію, которая не оставляетъ ничего желать, предлагается поясненіе такого рода, что кирилловское Ш «перечеканено» изъ греческаго ω, кирилловское Y и Ц изъ греческаго Y. Если принять во вниманіе, что по собственнымъ словамъ автора, мы должны теперь, опираясь на такъ тщательно обработанную науку, какъ римская и греческая палеографія, совершенно иначе, чѣмъ прежде, относиться къ различнымъ двусмысленнымъ извѣстіямъ старины (стр. 161), то можно бы спросить: гдѣ найти въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области греческой или римской палеографіи что нибудь, хотя самымъ отдаленнымъ образомъ, похожее на это смѣлое и въ высшей степени невѣроятное производство кирилловскихъ буквъ, замѣтьте, согласныхъ ш, ʏ, ц изъ греческихъ гласныхъ ω, Y? Развѣ самъ авторъ не высказалъ относительно глаголическаго алфавита выше приведенную мысль, что сущность его состоитъ собственно въ дальнѣйшемъ каллиграфическомъ развитіи заимствованій? Развѣ онъ не говоритъ (стр. 67), что запутанныя обстоятельства славянскаго письма могутъ быть распутаны только чрезъ постоянное сопоставленіе историческаго развитія даннаго письма съ тѣмъ, изъ котораго оно заимствовано? Не заявляетъ-ли онъ (стр. 77), что никогда еще не образовались знаки такъ, что принималось въ разсчетъ несуществованіе того или другого звука въ языкѣ? Все это положенія вѣрныя, строгая выдержанность которыхъ прежде всего доставляетъ палеографическимъ изслѣдованіямъ настоящую привлекательность и истинное научное достоинство, такъ что при этомъ условіи дѣйствительно можетъ быть рѣчь о строгихъ палеографическихъ изслѣдованіяхъ. Какъ же можетъ авторъ, соглащающійся съ этими положеніями, такъ измѣнять самому себѣ, что не затрудняется непосредственно отождествлять кирилловскую согласную Ш съ греческою гласною ω, кирилловскую согласную Y и Ц съ греческою гласною Y?! Всѣмъ извѣстно, какъ строго относились греки къ точному соблюденію звукового значенія типовъ при заимствованіи ихъ изъ финикійскаго алфавита; даже H (финикійское Chet)

первоначально означало только придыханіе. Если отдѣльные греческіе алфавиты при введеніи XΨ расходятся и распадаются на двѣ большія, ясно различающіяся группы (это результатъ палеографическихъ изслѣдованій А. Кирхгофа), то это случилось въ то время, когда эти новые знаки едва вошли въ употребленіе и оно еще не было закрѣплено. Кто могъ бы найти въ этомъ опору для произвольнаго отождествленія Ш съ ω, Υ и Ц съ Υ? Въ этимологіи, какъ извѣстно, остерегаютъ отъ соблазна созвучіями; но и въ палеографіи, какъ мы замѣчаемъ у нашего автора, есть также соблазны сравненія по внѣшнему подобію, которыхъ не менѣе должно остерегаться. Странно, что авторъ съ пониманіемъ дѣла указываетъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія на прекрасныя основныя положенія палеографическаго изслѣдованія — для того чтобы нѣсколько страницъ далѣе не слѣдовать имъ. Мы не должны, говорится на стр. 131, принимать въ соображеніе никакого сходства, какъ бы велико оно ни было, если мы не можемъ отнести знакъ, послужившій образцомъ для той или другой буквы, въ опредѣленныя границы времени и къ опредѣленнымъ, предшествующими изслѣдованіями установленнымъ родамъ письма. Эта строгость методическаго изслѣдованія должна-ли быть соблюдаема только примѣнительно къ глаголицѣ? я думаю, что кирилловскій алфавитъ также не долженъ отъ нея уклоняться. И такъ если при образованіи алфавитовъ, какъ замѣчено у самого автора въ другомъ мѣстѣ, не практическія потребности, но вліяніе историческаго основанія имѣло рѣшающее значеніе (ср. 79 стр.), то можно спросить, на какомъ историческомъ основаніи греческое ω могло дать кирилловское Ш, греческое Υ кирилловское Υ—Ц? Или можетъ быть древнѣйшіе кирилловскіе памятники не знаютъ ни ω, ни Υ? Ни чуть не бывало. Самъ авторъ не рѣшается на такое доказательство, онъ довольствуется только несмѣлымъ предположеніемъ, что кирил. унціалъ **ω**, *кажется*, не былъ въ древнѣйшей кириллицѣ нераздѣльною составною частью алфавита. Конечно, то что въ одномъ мѣстѣ сочиненія только *кажется*, въ дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія не рѣдко употребляется

безъ этой оговорки уже какъ несомнѣнный результатъ для дальнѣйшихъ соображеній. Я могъ бы указать еще на «палеографическое» препятствіе, которое помимо внутренней невѣроятности мѣшаетъ отожествленію. Характеръ кирилловскаго алфавита — такъ называемые позднѣйшіе унціалы; но въ нихъ напрасно будемъ искать ближайшаго источника для Ш и Ѵ въ ω и Υ, такихъ ω и Υ, каковы буквы Ш и Ѵ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятниковъ, въ греческихъ унціальныхъ текстахъ VIII и IX стол. вообще не найдешь. По этому авторъ принужденъ прибѣгнуть къ заглавнымъ буквамъ христіанскихъ надписей, гдѣ дѣйствительно ш въ значеніи ω попадается, хотя довольно рѣдко, но вмѣсто Ѵ встрѣчается только Υ — разница конечно не столь существенная, чтобы нельзя было согласиться съ авторомъ, если бы только славянское Ѵ не выражало совсѣмъ другого звука, чѣмъ греческое Υ и если бы греческое Υ и безъ того уже не вошло въ славянскій, кирилловскій алфавитъ.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Сообразно съ ходомъ аргументаціи, которой авторъ слѣдуетъ въ этомъ сочиненіи, мы должны представить себѣ, что ш было сначала изъ греч. унціальнаго алфавита внесено въ кириллицу потомъ же перенесено изъ кирилловскаго въ глаголическій алфавитъ. Но не странно ли, что при этомъ переносѣ какъ разъ на этомъ знакѣ недостаетъ обычныхъ орнаментальныхъ примѣсей глаголицы? или развѣ трудно было передѣлать ш въ какой либо болѣе замысловатый типъ, если какъ обыкновенно полагаютъ изъ ѵ вышло вычурное ⱆ? Но даже если все это допустить, то спрашивается, если уже кто-нибудь по личному усмотрѣнію — такія, вѣдь, прихоти могутъ быть мыслимы только какъ проявленіе личнаго творчества — скажемъ хоть Константинъ-Кириллъ, для изображенія славянской буквы Ш прибѣгъ къ греческ. ω, а для изображенія Ѵ — Ц къ греческ. Υ, то почему же онъ не привелъ къ концу такъ легко (чтобы не сказать легкомысленно) начатое дѣло и не принялъ въ свой алфалитъ также и для Ж что нибудь въ родѣ греческаго Ψ? Если бы я умѣлъ самоувѣреннымъ тономъ автора говорить о вещахъ, отно-

сительно которыхъ ничего не извѣстно, то я сталъ бы утверждать, что ѱ въ самомъ дѣлѣ въ древнѣйшей кириллицѣ равнялось когда-то ж. Я могъ бы сослаться на нѣкоторыя соображенія въ сочиненіи автора, которыя очень напоминаютъ такую догадку. Почему же онъ воздержался отъ нея? А вотъ почему. Сообразно съ его палеографическими пріемами выходитъ, что ж какъ буква не угловатаго а нѣсколько заокругленнаго начертанія—въ особенности если принять въ соображеніе глаголическій типъ ея ж— не соотвѣтствуетъ греческому унціальному стилю, отъ того онъ и предоставляетъ ее другой области, т. е. по своей догадкѣ, албанскому курсиву, откуда онъ беретъ глаголицу; о томъ же, какъ писалъ Константинъ кириллицею, не имѣя *ж*, онъ не заботится, какое ему дѣло до этого! Его теорія внушила ему догадку, что глаголическія письмена до принятія кириловскаго ш имѣли другой албано-глаголическій знакъ для этого звука, который яко-бы продолжаетъ жить какъ составная часть одной глагол. буквы (глаголическаго м, которое я объясню ниже). Проф. Гейтлеръ знаетъ также и то, что кирилловское ѧ нѣкогда или исключительно, или по крайней мѣрѣ въ извѣстной кирилловской школѣ писцовъ, обозначало «ять» (ѣ); такихъ памятниковъ конечно нѣтъ, но онъ увлекаясь внѣшнимъ подобіемъ кирилловскаго ѧ съ глаголическимъ ѧ, утверждаетъ произвольно, что они были.

Въ докозательство того, какъ изъ совсѣмъ простыхъ вещей слагаются у автора соображенія, расчитанныя на впечатлѣніе, приведемъ слѣдующій примѣръ: Глаголическое ѡ, какъ извѣстно, значитъ 700, ѵ = 800, въ кириллицѣ же ѱ = 700, а ѡ = 800. Различіе произошло отъ того, что кирилловскій алфавитъ обозначаетъ числа по примѣру греческаго, т. е. ψ = 700 и ω = 800; но такъ какъ глаголическій алфавитъ первой буквы не употребляетъ, то въ этомъ алфавитѣ уже ѡ (ω) должно было получить численное значеніе 700; ближайшая единица сотенъ перешла на слѣдующую букву, такой оказалось, какъ я полагаю, сначала ш, и стоявшее рядомъ съ нимъ щ; когда же вм. щ вошло въ

употребленіе ⰼ, тогда ш осталось безъ ариѳметическаго примѣненія, по этому и было отодвинуто позади буквы ⰼ, вслѣдствіе чего оно изрѣдка значитъ 2000, ср. Rad jugosl. akademije, sv. XXIII стр. 22. Въ abecenarium bulgaricum ⰼ нѣтъ. Къ этимъ, какъ видно, очень естественнымъ различіямъ авторъ замѣчаетъ: «это не можетъ быть простой случайностью»! Конечно нѣтъ, оно имѣетъ свою опредѣленную, мною указанную причину, но отсюда еще нельзя выводить, будто глаголическое ⰼ и кирилловское ѡ были тожественны или произошли изъ одного общаго источника.

4. Если мы станемъ искать поводъ выше упомянутой странной «перечеканкѣ» греч. типа ω въ наше Ш и греч. Υ въ наше Υ, положенной проф. Гейтлеромъ въ основу всей его гипотетической постройки, то я не нахожу собственно никакихъ иныхъ руководящихъ мыслей кромѣ нѣкотораго внѣшняго сходства, которое онъ самъ въ другомъ мѣстѣ не особенно рекомендуетъ, а тѣмъ менѣе долженъ былъ принять какъ основной принципъ. Правда, тутъ присоединяется еще одинъ мотивъ, это совпаденіе въ стилѣ (почеркѣ, характерѣ письма), но это требованіе самъ авторъ не считаетъ непремѣннымъ. Если онъ, напр., на основаніи внѣшней формы, т. е. стиля, полагаетъ, что ш должно быть исключено изъ первоначальнаго глаголическаго алфавита, потому что оно угловато, т. е. унціальнаго характера («буква была свойственна первоначально только кирилловскимъ памятникамъ, такъ какъ только они почерпали изъ греческихъ капитальныхъ буквъ», стр. 114), то онъ долженъ былъ бы съ полной послѣдовательностью говорить также объ унціальномъ характерѣ глаголическихъ буквъ ⰰ, ⰵ, ⰺ, и можетъ быть даже ⰱ, ⱇ. Очевидно, только невозможность найти что-нибудь подходящее среди греческихъ унціаловъ, побудила его придумать для этихъ буквъ иной способъ объясненія. По моему же мнѣнію упомянутыя буквы остаются довольно громкимъ свидѣтельствомъ, что и ш вполнѣ удобно могло попасть въ глаголицу инымъ путемъ, и вовсе не должно было быть заимствовано именно изъ греческихъ надписей. Дѣйствительно непонятнымъ становится, почему глаголиче-

ское письмо, при существующей повидимому выдержанности стиля, позволило навязать себѣ въ добавокъ такой неуклюжій знакъ, какъ ш (безъ всякихъ украшеній), — въ особенности если оно, по мнѣнію профессора Гейтлера, раньше уже имѣло настоящее курсивное (албанское) š! Послѣднее, конечно, только комбинація автора. Но какъ онъ богатъ ими, новымъ доказательствомъ этого служитъ его разсужденіе о глаголической буквѣ +, гдѣ онъ не шутя требуетъ согласиться съ нимъ въ томъ, что постепенное видоизмѣненіе глаголической фигуры этой буквы стояло подъ вліяніемъ хода развитія греческаго — ψ (стр. 91)! Къ этому прибавлено общее замѣчаніе такого содержанія: Какъ мало матеріальныхъ сношеній между греческими минускулами и глаголицей относительно происхожденія знаковъ мы бы ни находили, внѣшнее вліяніе минускульной каллиграфіи на начертанія глаголическихъ буквъ — всеобщее (стр. 91). Это замѣчаніе, которое во второй части его и я считаю совершенно вѣрнымъ и меткимъ, повторяется въ сочиненіи автора такъ часто (ср. стр. 67[a], 75[b], 107[a], 109[b], 113[a]), что по неволѣ наводитъ на мысль, что греческіе минускулы все-таки нѣсколько безпокоили автора при его албанской гипотезѣ.

Кто отвергаетъ произвольное и совершенно неубѣдительное производство кирилловскаго Ш изъ ω, кирил. Ү, Џ изъ Y, для того нѣтъ надобности приводить въ непосредственную связь кирилловскій алфавитъ и проповѣдническую дѣятельность Константина-Кирилла въ Моравіи. Коль скоро мы не поддаемся вліянію палеографическихъ соображеній, не имѣющихъ подъ собою почвы, коль скоро мы не смотримъ на нихъ какъ на доказанныя истины, то при всѣхъ дальнѣйшихъ попыткахъ уяснить себѣ вопросъ о происхожденіи славянскаго письма, взоры наши должны быть прежде всего обращены туда, гдѣ въ самомъ дѣлѣ съ самого начала изслѣдованій можно было найти главный источникъ поученія — это имѣющіеся, частію въ новѣйшее время открытые, частію по крайней мѣрѣ впервые изданные древнѣйшіе памятники славянской письменности. Палеографическая сторона

вопроса — неизвѣстная величина, которую нужно еще найти и опредѣлить; авторъ старался опредѣлить этотъ x рядомъ другихъ xxx ... вмѣсто того, чтобы держаться той области, гдѣ у насъ есть нѣчто положительное, данное. Вмѣсто того, чтобы посредствомъ критическаго разбора древнѣйшихъ памятниковъ создать себѣ прочную филологическую основу для соображеній палеографическихъ, которыя должны первымъ подчиняться—такъ дѣлали до сихъ поръ всѣ палеографы-филологи,—авторъ обѣщаетъ намъ только потомъ когда нибудь, въ дополненіе къ своимъ палеографическимъ изслѣдованіямъ, представить нѣкоторыя филологическія доказательства; пока же онъ позволяетъ себѣ, для того чтобы осуществить свои палеографическіе идеалы, очень произвольно обращаться съ имѣющимися на лицо памятниками древней письменности; они для него ничто иное какъ сырой матерьялъ, изъ котораго онъ произвольно то тамъ, то тутъ беретъ по камню, чтобы употребить его для постройки своей палеографической гипотезы и вложить его по своему усмотрѣнію туда, гдѣ онъ это находитъ выгоднымъ для опредѣленной предвзятой цѣли. Такимъ образомъ, при нѣкоторомъ остроуміи, при нѣкоторой сообразительности и находчивости — а тѣмъ и другимъ владѣетъ авторъ въ высокой степени — можно все доказать, что только желательно; на долго-ли? — это, конечно, другой вопросъ.

5. Я приведу для этого нѣсколько доказательствъ. Мы владѣемъ въ настоящее время поистинѣ порядочнымъ числомъ очень древнихъ глаголическихъ памятниковъ цркслав. языка. Извѣстно ихъ согласіе въ передачѣ звука **о** посредствомъ знака **э**. Этотъ всѣмъ извѣстный знакъ, засвидѣтельствованный многими тысячами примѣровъ, не очень гармонируетъ съ гейтлеровской теоріей албанскаго происхожденія глаголицы; но вотъ на *единственной* надписи, находящейся на островѣ Кръкѣ (и принадлежащей, кажется къ XII стол.), встрѣчается одинъ разъ **о** рядомъ съ часто повторяющимся обычнымъ **э**. Этотъ единичный случай, который, конечно, какъ и многое другое, требуетъ внимательнаго спеціальнаго изслѣдованія, потому что съ особенной стороны характери-

зуетъ эту надпись, достаточенъ для истолковательнаго искусства автора, чтобы на немъ построить слѣдующія положенія: а) это башское (Baška, Башка, мѣстечко на островѣ Кьркѣ, Veglia, адріатическаго моря) о положительно должно присвоить древней болгарской глаголицѣ, б) это о навѣрное тожественно съ албанскимъ круглымъ о! — Мнѣ же кажется гораздо естественнѣе предположить, что рѣзчикъ рядомъ съ глаголическими буквами поставилъ латинскую. Вѣдь на островѣ Кьркѣ романскій элементъ тогда еще былъ очень силенъ, да очень можетъ быть и самъ рѣзчикъ принадлежалъ по народности не къ славянамъ.

Эта же самая надпись обнаруживаетъ возлѣ обыкновенной, правильно употребляемой формы ᵽ для буквы n также заглавное латинское ɴ. И этого совершенно одиночнаго примѣра достаточно автору, чтобы вывести изъ него слѣдующія заключенія: а) такъ какъ глаголическіе памятники обыкновенно пользуются для украшенія ихъ курсива большими заглавными буквами, то по образцу греческихъ минускульныхъ рукописей здѣсь заглавное ɴ употреблено въ смыслѣ маюскула къ обычному ᵽ для минускульной строки; но б) потомъ это заглавное ɴ исчезло изъ глаголицы и какъ инціальное уступило мѣсто другому n, которое глаголическіе памятники образовали изъ обыкновенной глагол. буквы посредствомъ простого увеличенія. Между тѣмъ всѣмъ занимающимся славянскою, въ частности глаголическою палеографіею, извѣстно, а) что различіе между прописными и строчными буквами именно въ древнѣйшихъ памятникахъ развито очень мало, можно сказать совсѣмъ не существуетъ; б) что ни въ одномъ древнѣйшемъ глаголическомъ памятникѣ, гдѣ въ надписяхъ и заглавіяхъ часто встрѣчаются прописныя буквы, — нигдѣ нельзя найти ни ɴ, ни какой бы ни было другой буквы, заимствованной изъ другого, чѣмъ глагол. почерка письма. Оба не давно самимъ проф. Гейтлеромъ изданные памятники синайскіе, обнаруживающіе нѣчто похожее на упомянутую надпись (т. е. нѣсколько греческихъ буквъ въ заглавіяхъ), никакъ не могутъ быть названы древнѣйшими. Такова фактическая сторона памятниковъ, и несмотря на

нее, у автора высказанъ цѣлый рядъ очень смѣлыхъ соображеній которыя не могутъ быть доказаны; они съ видимою натяжкою собраны только для поддержки гипотезы. Мнѣ не чувствующему въ себѣ способности увлекаться подобнаго рода гипотезами, хотѣлось бы знать вотъ что: если уже круглое о надписи башской по мнѣнію Гейтлера албанская буква, то не слѣдовало ли бы по меньшей мѣрѣ ожидать, что авторъ и выше упомянутое ɴ выдастъ за албанское. Къ сожалѣнію этого сдѣлать нельзя, потому что въ албанскомъ письмѣ нѣтъ такого ɴ. И такъ надо было взять его изъ греческаго языка, и о ужасъ! въ глаголическомъ письмѣ найти—греческій унціалъ. Куда же дѣлась строгая выдержанность стиля, которою такъ дорожитъ авторъ? Если бы кто нибудь смущался этой непослѣдовательностью, то я прошу его справиться въ § 119 сочиненія проф. Грейлера, тамъ онъ увидитъ что проф. Гейтлеръ всегда умѣетъ выйти изъ затрудненія посредствомъ какого либо новаго предположенія.

Въ той же самой надписи находится наконецъ также латинское м возлѣ глаголическаго ⰿ; конечно и здѣсь повторяются тѣ же пріемы объясненія, именно: м принимается за древнюю прописную букву, иніціалъ, а ⰿ за «новѣйшую» строчную, какъ бы петельками украшенный минускулъ. Замѣтьте, что между тѣмъ какъ здѣсь (стр. 108[b]), а также и въ другомъ мѣстѣ (стр. 105[a]), консервативный характеръ глаголическаго письма проявляется, по мнѣнію автора, въ такъ называемыхъ прописныхъ буквахъ, вышедшихъ потомъ изъ употребленія, на стр. 67 дѣло представляется какъ разъ наоборотъ: украшеніе орнаментальными крючками началось-де съ иніціаловъ, съ буквъ, находящихся внѣ текста или въ заглавіяхъ, а затѣмъ уже проникло въ самый текстъ! Кромѣ всѣхъ этихъ несообразностей можно бы еще напомнить, что одна болѣе древняя надпись, чѣмъ башская, тоже изъ Кърка, знаетъ только ⰿ. Впрочемъ я вовсе не придаю этому очевидному противорѣчію большой цѣны, потому что вообще не вѣрю, чтобы эти въ нѣкоторыхъ югозападныхъ памятникахъ разсѣянно повторяющіяся буквы имѣли столь важное значеніе.

Для профессора Гейтлера знакъ ı въ качествѣ гласнаго і, встрѣчающійся также совершенно единично въ двухъ-трехъ хорватскихъ *надписяхъ* (будь они даже изъ числа древнѣйшихъ), ничто иное, какъ албанское і. Онъ можетъ съ своими критическими пріемами согласовать пренебреженіе въ данномъ случаѣ совокупностію *письменныхъ* памятниковъ, между которыми есть многіе несомнѣнно значительно древнѣе, чѣмъ упомянутыя надписи, а тамъ, конечно, нѣтъ ни одного ı = і. Онъ можетъ не стѣсняяся, въ противорѣчіи со всѣми ими, дать преимущество и рѣшающее значеніе очень немногимъ, даже единичнымъ примѣрамъ встрѣчающимся на *каменныхъ* памятникахъ, которые кромѣ того представляютъ и другія особенности, такъ что на первыхъ порахъ лучше было бы разсматривать ихъ совершенно отдѣльно. Относительно упомянутаго ı обращу еще вниманіе на немаловажное обстоятельство, что тамъ, гдѣ встрѣчается ı=і, въ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ недостаетъ обычнаго глаголическаго ⴕ, откуда можно заключить, что, если уже ı не принимать за латинскую букву, то на надписяхъ оно могло замѣнять обыкновенное ⴕ. Иначе думаетъ проф. Гейтлеръ. Онъ отожествляетъ это совершенно одиночно встрѣчающееся эпиграфическое ı,—называя его, какъ сказано, албанскимъ,—съ тѣмъ ı, которое въ обыкновенной хорватской глаголицѣ XIII ст. и позднѣе изображаетъ единственный полугласный знакъ. Еслибъ я могъ съ этимъ мнѣніемъ согласиться, то я долженъ бы снова допустить своего рода «перечеканку», правда нѣсколько менѣе странную, чѣмъ та, о которой была выше рѣчь (ш = ω, ч = υ), т. е. долженъ бы допустить, что прежнее ı=і потомъ стало обозначать ь, т. е. ı = ь, По моему это очень невѣроятно, нигдѣ въ области славянской графики мы не замѣчаемъ ничего подобнаго, не говоря уже о слишкомъ слабо подкрѣпленномъ (только двумятремя примѣрами) употребленіи этого ı = і, что не внушаетъ довѣрія къ предположенію, будто это ı=і продолжало существовать въ глаголической письменности цѣлыя столѣтія до тѣхъ поръ, пока не получило новаго назначенія какъ ı = ь. Мнѣ

кажется болѣе вѣроятнымъ другой способъ объясненія хорватскаго ı = ь, т. е. я полагаю, что обыкновенное ı хорватской глаголицы не болѣе какъ палеографическое *упрощеніе* знака ·ꙋ, ·ꙋ, который могъ казаться слишкомъ сложнымъ начертаніемъ для звука, въ большинствѣ случаевъ не существовавшаго въ произношеніи. Можетъ быть тутъ принималъ нѣкоторые участіе и тотъ знакъ, который начиная уже съ очень древнихъ памятниковъ, замѣнялъ полугласныя буквы, т. е. знакъ ʾ. Внесеніемъ его въ строку легко было изъ него сдѣлать букву ı. Этотъ способъ объясненія конечно слишкомъ простъ для того, чтобы возбудить еффектъ, но за то онъ имѣетъ одно большое преимущество, что не перепутываетъ произвольно палеографическихъ фактовъ. Проф. Гейтлеръ, не останавливающійся ни передъ какой комбинаціей, если она поддерживаетъ его теорію, не затрудняется выставить и по этому поводу слѣдующее положеніе: «три древнѣйшихъ хорватскихъ надписи имѣютъ рядомъ съ албанскимъ ı *только еще* одно ⰸ. Въ XII—XIII ст. ⰶ и ⱇ *снова появляются*, особено въ качествѣ заглавныхъ (иниціальныхъ) буквъ». Кто знакомъ съ ходомъ глаголической графики по памятникамъ хорватской редакціи, тому не нужно подробно доказывать, сколько произвольнаго заключается въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ.

Еще одинъ примѣръ. Въ глаголическихъ памятникахъ, какъ извѣстно, встрѣчается безчисленное количество примѣровъ сочетанія ·ꙋⱇ (= кирил. ы), рѣдко въ сравненіи съ этимъ сочетаніе ·ꙋⰸ (= ън). Проф. Гейтлеру всего этого недостаточно; мало того что онъ въ кириллицѣ знакъ ı (напр. въ сочетаніи ы) считаетъ дѣломъ вліянія албано-глаголическаго, ему хочется еще доказать, что и глаголицѣ не было чуждо сочетаніе ·ꙋı. Какъ мы уже видѣли выше, онъ полагаетъ, что на башской надписи нашелъ «албанское» ı; гдѣ же взять глаголическо-албанское ы, т. е. ·ꙋı? А вотъ опять на одной надписи. Для этой цѣли онъ требуетъ отъ насъ очень немногаго, т. е. согласиться съ нимъ въ томъ, что буквы ⰵⱃⱅⱁⰲıⰱⱅ той надписи надо читать такъ, какъ требуетъ его теорія, именно ⰵⱃⱅⱁⰲı ⰱⱅ... Но это въ высшей степени не-

вѣроятно: во 1-хъ, если въ предшествующей строкѣ стоитъ глаголъ въ ед. числѣ ⰰⰱⰱⰰⱅ, то естественно предположить, что и въ ближайшей строкѣ рѣчь идетъ объ одномъ лицѣ, объ одномъ «ⱁⱂⰰⱅⰵ» (опатъ-abbas), стало быть вѣрнѣе сказать, что въ неяснаго смысла выраженіи ⱁⱂⰰⱅⰲⰻⰰⱅ первое слово заканчивается буквою ъ (ⰲ), т. е. опатъ, слѣдовательно ближайшее слово начинается съ ⰻ или, еще лучше, это союзъ et; во 2-хъ, окончаніе винит. и твор. падежей множ. числа на ъⰻ въ глаголическомъ хорватскомъ памятникѣ должно быть доказано болѣе достовѣрными примѣрами, прежде чѣмъ можно будетъ утверждать, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о глаголическомъ ⰲⰻ. «Единственное безцѣнное доказательство глаголическаго ⰲⰻ» стоитъ такимъ образомъ на черезъ-чуръ шаткой почвѣ, т. е. для меня оно пока вообще не существуетъ.

Я долженъ отказаться отъ приведенія дальнѣйшихъ примѣровъ, — они слишкомъ многочисленны; почти на каждой страницѣ можно бы остановиться на томъ или другомъ соображеніи или положеніи автора, требующемъ рѣшительныхъ возраженій.

6. Извѣстная палеографическая противоположность обоихъ славянскихъ алфавитовъ справедливо выставляется проф. Гейтлеромъ (стр. 156); только онъ въ своемъ требованіи строгости стиля заходитъ слишкомъ далеко, если букву одного алфавита, имѣющую формальное сходство съ буквой другого, прямо отожествляетъ съ этой послѣдней, не обращая вниманіе на звуковое значеніе Легко допустить, что глаголическое ⱋ тожественно съ кирилловскимъ щ, глаголическое ⰶ съ кирилловскимъ ж, глаголическое ⱓ съ кирилловскимъ ю; легко рѣшаемся вѣрить, что ⱏ и ѵ ⱌ и ц покоятся на одномъ основаніи, но все это потому, что это — тожественныя буквы не только по формѣ но и по *звуковому* значенію.

Болѣе сомнительнымъ становится дѣло, когда на основаніи одного только подобія формы (не одинаковости ея) дѣлается заключеніе, что глаголическое ⰰ тожественно съ кирилловскимъ ѧ или

ⰴ (ср. стр. 95). Какъ извѣстно, ⰴ въ значеніи кирилловскаго ѧ (ę) встрѣчается только въ одномъ памятникѣ (въ савиной книгѣ), который при этомъ употребляетъ и ⰴ (хотя рѣже). Этотъ памятникъ очень древній; онъ относится къ тому времени, когда еще начертаніе іотованныхъ гласныхъ въ кириллицѣ не установилось какъ прочное употребленіе, а было только общепринято знакомъ ѧ выражать носовое е, но есть-ли ѧ = ę или ѧ = ję, это оставалось нерѣшеннымъ, точно такъ какъ глаголическое ⰵ первоначально заключало въ себѣ и то и другое. Прежде чѣмъ установился принципъ выражать іотованныя гласныя посредствомъ приставки спереди ı — не можетъ быть никакаго сомнѣнія, что ꙗ, ѥ, ѩ ѭ появились позднѣе — старались помочь дѣлу видоизмѣненіями одного знака. Вслѣдствіе этого вотъ и существуютъ кирилловскіе памятники, гдѣ то ⰴ = ę и ѧ = ję, то на оборотъ ѧ = ę и ⰴ = ję. Къ этому времени колебанія относится также и савина книга, въ которой различіе старались установить такимъ образомъ, что обозначали знакомъ ѧ — ję, и знакомъ ⰴ — ę. При этомъ, очевидно, надо выходить изъ ⰴ, какъ основного знака, который уже не вполнѣ сходится по формѣ съ глаголическимъ ⰴ, а еще менѣе по звуковому значенію, такъ что это внѣшнее совпаденіе глаголическаго знака съ кирилловскимъ, встрѣчающееся кромѣ того только въ одномъ памятникѣ, чисто случайное. И такъ если принять съ проф. Гейтлеромъ, что первоначальная неполнота обоихъ славянскихъ алфавитовъ вызвала обоюдныя заимствованія (ср. стр. 151), то спрашивается: если глаголическому алфавиту недоставало знака для ê, почему онъ не позаимствовалъ ѣ изъ кириллицы? Нельзя сказать, что знакъ ⰴ блуждалъ туда и сюда, подобно острову Делосу еще не прикрѣпленному Аполлономъ. Вѣдь проф. Гейтлеръ самъ совѣтуетъ намъ строго придерживаться того взгляда, что передъ нами два коренныъ образомъ различныхъ алфавита, которые сначала были раздѣлены мѣстностью и временемъ. Какъ намъ выйти изъ этого затрудненія? Проф. Гейтлеръ видитъ трудность (ср. стр. 95), но онъ по обыкновенію помогаетъ себѣ двумя новыми гипотезами, не

заботясь о томъ, что ихъ и безъ того черезъ-чуръ много въ его изслѣдованіи: a) когда глаголическіе памятники искали знака для *ять*, кирилловскіе сами еще не имѣли своего ѣ; но b) а должно было тогда или исключительно или по крайней мѣрѣ въ одной какой нибудь кирилловской школѣ обозначать *ять*. Значитъ въ кириллицѣ сначала было а = ять (ѣ), этотъ знакъ переняли въ глаголицу, гдѣ онъ и остался, между тѣмъ какъ въ кириллицѣ онъ потомъ, не извѣстно по какой причинѣ, исчезъ. Вѣроятно ли все это, не говоря уже о томъ, что памятники не даютъ ни малѣйшаго права на такія произвольныя соображенія?

7. Теорію обоюдныхъ заимствованій славянскихъ алфавитовъ при нашихъ настоящихъ средствахъ я считаю невозможною или по меньшей мѣрѣ неприложимой въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это дѣлается въ разбираемомъ сочиненіи. Относительно заимствованія извѣстныхъ буквъ изъ одного алфавита въ другой, конечно всѣ изслѣдователи согласны, оно слишкомъ очевидно для того, чтобы можно было въ немъ сомнѣваться; однако взаимное или обоюдное заимствованіе, какъ оно принимается проф. Гейтлеромъ, по гипотетическимъ соображеніямъ котораго буквы ш, щ, џ, ѵ, ц, а должны были перейти изъ кириллицы въ глаголицу, ж, ѣ, ъ, ꙑ изъ глаголицы въ кириллицу, я считаю невозможнымъ. Если первоначально оба алфавита опирались уже на готовые роды письма, въ рамкахъ которыхъ они и оставались, (стр. 156), то дальнѣйшій процессъ ихъ приспособленія къ славянскому произношенію могъ идти или самостоятельно и независимо другъ отъ друга и мѣстностію и временемъ — въ такомъ случаѣ, конечно нельзя было бы ожидать никакой зависимости въ обозначеніи «негреческихъ» звуковъ между глаголицей и кириллицей; или же передѣлка иностранныхъ алфавитовъ происходила въ такое время и въ такой мѣстности, гдѣ состоялось уже тѣсное соприкосновеніе знаковъ, самостоятельно заимствованныхъ изъ двухъ различныхъ алфавитовъ — въ такомъ случаѣ надо было ожидать обоимъ алфавитамъ одно общее, развѣ только различнымъ образомъ стилизированное пополненіе. Противъ перваго случая

говоритъ то обстоятельство, что часть новыхъ буквъ очевидно тожественна; второй случай невозможенъ потому, что опять часть начертаній, выражающихъ «славянскіе» звуки, существенно расходится, т. е. соотвѣтствующіе знаки далѣе другъ отъ друга, чѣмъ это могло бы быть объяснено однимъ стилистическимъ различіемъ письма. Остается избрать какой нибудь средній путь; къ сожалѣнію ихъ возможно нѣсколько, что затрудняетъ рѣшеніе вопроса.

Путь, избранный проф. Гейтлеромъ, какъ уже упомянуто, ведетъ къ тому, будто каждый изъ двухъ алфавитовъ самостоятельно развилъ опредѣленное число новообразованій или дополнительныхъ начертаній въ предѣлахъ своего рода письма. Положимъ, что это такъ, странно только вотъ что: ни тотъ ни другой по теоріи автора не успѣлъ довести дѣло до конца, а остановился такъ сказать на полдороги. Такое предположеніе очень неестественно и фактами изъ области палеографіи не подтверждается. Едва ли бы и авторъ напалъ на такую мысль, если бы онъ не нуждался въ ней для проведенія своей теоріи. Для того же, чтобы опредѣлить, какое число типовъ развилось въ области того и другого письма, онъ исключительно подчиняется палеографическому стилю новыхъ знаковъ, не заботясь ни мало о томъ, не выйдетъ ли изъ этого нѣчто совсѣмъ несообразное. Какъ видно, онъ придерживается приблизительно такого пріема, какъ если бы кто на основаніи теперешняго сходства между латинскимъ C и греческимъ C, латинскимъ P и греческимъ P, захотѣлъ дѣлать палеографическія комбинаціи. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ тому, что устанавливаетъ два славянскихъ алфавита, имѣющіе приблизительно такой же видъ, какъ двѣ фигуры, изъ которыхъ одной недостаетъ рукъ, другой ногъ, т. е. кириллица помимо обычныхъ греческихъ унціальныхъ типовъ развила по его мнѣнію еще **б**, **ш**, **щ**, **ү**, **ц**, **ѧ**, **ж** и наконецъ **ѣ** изъ самой себя, т. е. изъ того же унціальнаго греческаго алфавита, но не дошла одновременно съ этимъ до установленія буквъ **ж**, **ю**, **ъ**, **ь**, **ъı**; глаголица какъ разъ владѣла по его гипотезѣ тѣмъ, чего недоставало другому алфавиту, именно типами **ж**, **ю**, **ъі**, **ъ**, **ь**; она получила этотъ

матеріалъ начертаній, по мнѣнію проф. Гейтлера, изъ албанскаго алфавита, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Но тотъ же алфавитъ могъ бы ей дать собственные знаки и для š, č, c, однакожъ по какому-то непонятному для насъ упрямству она ихъ не приняла а предпочла кирилло-греческіе. Какъ согласовать это отклоненіе одной части готоваго матеріала, въ которомъ все-таки нуждались, съ основнымъ положеніемъ, не разъ высказаннымъ проф. Гейтлеромъ, что глаголическій алфавитъ вполнѣ стоитъ на албанской почвѣ, даже ничего новаго не прибавляетъ, для меня это непостижимо.

Авторъ очевидно не признаетъ другой послѣдовательности, кромѣ той, которую внушаетъ ему его гипотеза, какъ бы въ частностяхъ ни противорѣчили факты. Въ угоду своей гипотезѣ онъ не сомнѣвается въ томъ (стр. 22), что «для объясненія глаголическихъ знаковъ албанское τσ не имѣетъ никакого значенія», хотя можетъ быть именно его албанская теорія должна была бы нѣсколько подробнѣе остановиться на этой буквѣ, отмѣченной уже Миклошичемъ. За то онъ въ угоду своей гипотезѣ рѣшается совершенно фантастично предполагать существованіе двухъ какихъ-то обломковъ алфавитовъ, которые были въ состояніи составить нѣчто цѣльное, удовлетворяющее обоихъ, только войдя въ тѣсное взаимодѣйствіе. Я хвалю эту палеографическую послѣдовательность въ томъ отношеніи, что она привела автора къ соображеніямъ уже совсѣмъ невозможнымъ, а этимъ ускоряется окончательный приговоръ надъ самой теоріей. Только что указанный примѣръ, т. е. возможность отожествлять глаголическое ⱌ съ албанскимъ знакомъ для τσ, на который уже обращалъ вниманіе проф. Миклошичъ, долженъ былъ такимъ образомъ пасть жертвою кирилловскаго ц. Пришлось ради него глаголическое ⱌ производить отъ греческаго ипсилона квадратнаго письма (стр. 122), потому что и кирилловское ц, по выше изложенной теоріи перечеканки греческихъ типовъ, производится отъ того же ипсилона, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ его (стр. 119). Но такъ какъ теорія не позволяетъ глаголическое ⱌ выводитъ непосредственно изъ греческаго квадратнаго письма,

то авторъ предлагаетъ намъ такую выходку: «*мы должны предположить* что-оно (т. е. глаголическое ѵ) было извѣстно древнѣйшей болгарской кириллицѣ». Легко сказать!

8. А. Кирхгофъ, столь же осторожный палеографъ, какъ и основательный филологъ, говоритъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи по исторіи греческаго алфавита, что ему противно желать пополнить пробѣлы знанія гипотетическими построеніями тамъ, гдѣ не исключена возможность ихъ восполненія новыми фактами. Я не хочу утверждать, что относительно вопроса о славянскомъ алфавитѣ въ близкомъ будущемъ предстоитъ открытіе такихъ фактовъ, которые разомъ могли бы разрѣшить всѣ сомнѣнія; но я утверждаю, что уже имѣющіеся на лицо факты достаточны для того, чтобы совершенно опровергнуть большую часть гипотезъ проф. Гейтлера. Въ самомъ концѣ своихъ разысканій онъ вкратцѣ упоминаетъ о глаголическихъ кіевскихъ и пражскихъ отрывкахъ, которые онъ причисляетъ къ памятникамъ, писаннымъ «болгарскими круглыми» и «болгарскими угловатыми маюскулами». Письмо пражскихъ отрывковъ справедливо обозначается какъ угловатые (не вполнѣ,—это скорѣе переходная ступень) маюскулы, которые стоятъ въ тѣсномъ историческомъ соотношеніи съ круглыми маюскулами кіевскихъ отрывковъ, къ которымъ они относятся какъ позднѣйшій отпрыскъ и естественное продолженіе. Если бы проф. Гейтлеръ, вмѣсто того, чтобы погрузиться въ море гипотезъ, послѣдовалъ палеографическому методу Кирхгофа, то онъ прежде всего постарался бы освѣтить происхожденіе и филологическое значеніе этихъ отрывковъ, палеографическій характеръ которыхъ онъ вѣрно опредѣляетъ. Если такого рода разсужденіе было бы написано сколько нибудь безпристрастно, то оно дало бы ему въ руки факты, которые имѣли бы рѣшающее значеніе для занимающаго насъ вопроса, по крайней мѣрѣ отъ части. Онъ обѣщалъ намъ, правда, такое изслѣдованіе въ ближайшемъ будущемъ, но главныя положенія его, приводимыя уже здѣсь, меня очень мало удовлетворяютъ. Проф. Гейтлеръ полагаетъ, что безукоризненный «староболгарскій» языкъ кіевскихъ листковъ, пра-

вильность въ употребленіи юсовъ, точное различіе между ъ и ь исключаетъ возможность приводить ихъ ради ц и з (вм. щ и жд) въ связь, въ какую бы ни было, съ сѣверною родиною и сѣверо-западно-славянскимъ нарѣчіемъ, и что это отрывки македонскіе. Но я не дожидаясь его филологическихъ доказательствъ осмѣливаюсь уже теперь утверждать, что правильность церковнославянскаго языка этихъ отрывковъ—сама по себѣ, а чехизмы (моравизмы или паннонизмы) опять сами по себѣ. Я никогда не отвергалъ мысли, что церковнославянскій языкъ въ Моравіи былъ по крайней мѣрѣ настолько элементомъ пришлымъ, насколько представителями его являлись солунскіе братья, Константинъ и Меѳодій, поэтому и не приходитъ мнѣ въ голову настаивать на томъ, что языкъ кіевскихъ отрывковъ есть настоящій живой языкъ Моравіи или сѣверной Панноніи X вѣка. Мнѣ достаточно того, что въ этихъ отрывкахъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются ясные слѣды ихъ исторической зависимости отъ настоящаго живого языка Моравіи (или Сѣверной Панноніи) IX и X вѣка; все равно, сказать ли, что настоящій, сохранившійся списокъ былъ писанъ на сѣверѣ, или что онъ переписанъ на югѣ (въ Македоніи, Далмаціи или на островахъ адріатическаго моря), но съ уцѣлѣвшими остатками его сѣвернаго подлинника. Въ томъ и другомъ случаѣ (мнѣ кажется правдоподобнѣе первый) одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ глаголической письменности указываетъ прямо на старую Моравію и Паннонію какъ область, въ которой господствовало глаголическое письмо, чему дальнѣйшее подтвержденіе заключается въ отрывкахъ пражскихъ. Кѣмъ могла быть занесена въ Моравію (Чехію и сѣверную Паннонію) глаголица въ столь раннее время, это вопросъ не требующій даже отвѣта. Ссылаясь на то, что мною сказано въ маріинскомъ евангеліи (на стр. 415 — 6) прибавлю еще относительно кіевскихъ отрывковъ слѣдующее: они замѣчательны для славянской палеографіи и тѣмъ, что хотя написаны въ маломъ форматѣ пергамента (въ VIII — IX ст. любили малый форматъ, въ родѣ теперешняго 8°, въ X тоже, только нѣсколько больше, Royal-Octav,—такимъ образомъ

нашъ отрывокъ примыкаетъ къ греческимъ пріемамъ IX—X в.), всетаки почеркъ письма остался—полукруглые маюскулы. Это обстоятельство довольно важно. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что памятникъ несмотря на малый форматъ сохранилъ характеръ письма въ древнѣйшемъ его видѣ, когда писцы еще опытомъ не привыкли видоизмѣнять почеркъ сообразно съ величиною рукописи, замѣтно различать заглавныя буквы отъ строчныхъ и т. д.

Фактами этого и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ глаголической письменности разрушается основная часть Гейтлеровской теоріи, т. е. его мнѣніе, что Константинъ-Кириллъ писалъ грекоунціальнымъ письмомъ, которому еще недоставало главныхъ обозначеній для нѣкоторыхъ славянскихъ звуковъ. По моему мнѣнію въ нашемъ случаѣ не филологическія изслѣдованія, опирающіяся на сохранившіеся, благодаря счастливой находкѣ преимущественно русскихъ путешественниковъ, древніе памятники, должны преклоняться передъ палеографической гипотезой или идти на привязи ея, а наоборотъ, палеографія должна вмѣнить себѣ въ обязанность выводить изъ даннаго ей филологическимъ путемъ и критически обработаннаго матеріала опредѣленныя точки опоры, которыхъ ни подъ какимъ условіемъ не должна она совершенно терять изъ виду. Изъ такого отношенія къ дѣлу получается рядъ важныхъ выводовъ, на которыхъ я не могу подробно останавливаться, довольствуясь тѣмъ, что снова сошлюсь на высказанное мною въ маріинскомъ евангеліи на стр. 474 — 476.

Изъ сказаннаго тамъ видно, что я вовсе не отрицаю большого значенія эпохи, послѣдовавшей непосредственно послѣ Кирилла и Меѳодія, когда славянская литургія стала распространяться по разнымъ странамъ балканскаго полуострова; только тщательное изученіе всѣхъ уцѣлѣвшихъ свидѣтельствъ изъ этой эпохи, древнѣйшихъ глаголическихъ и кирилловскихъ памятниковъ, приводитъ меня къ результату, который идетъ совершенно вразрѣзъ съ теоріею проф. Гейтлера. Въ кирилловскихъ памятникахъ, чѣмъ они древнѣе, тѣмъ рѣшительнѣе я замѣчаю наклонность въ выборѣ словъ, въ грамматикѣ и особенно въ ороографіи

подчиняться образцамъ глаголическимъ; я замѣчаю несравненно больше зависимости первыхъ отъ послѣднихъ, чѣмъ на оборотъ; послѣдніе слѣды этого отношенія простираются очень далеко и могутъ быть доказаны даже въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ, на что давно уже указано покойнымъ И. И. Срезневскимъ. Противоположное мнѣніе проф. Гейтлера, что «глаголическая орѳографія образовалась по образцу кирилловской», я причисляю къ многимъ произвольно выставленнымъ и недоказаннымъ положеніямъ, которыми такъ изобилуетъ его сочиненіе.

9. Такъ какъ я во всѣхъ отношеніяхъ даю предпочтеніе кирилловскому алфавиту передъ глаголическимъ, то я охотно остановился бы на убѣжденіи, что первый, а не послѣдній лежитъ въ основаніи самыхъ раннихъ литературныхъ произведеній у славянъ, если бы только можно было подтвердить его историко-критическими, филологическими и палеографическими доказательствами. По этому понятное дѣло, что я добросовѣстно изслѣдовалъ въ трудѣ проф. Гейтлера все, высказанное въ пользу этого послѣдняго взгляда. Къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что ничего не нашелъ, что могло бы поколебать мое убѣжденіе, сложившееся вслѣдствіе изученія, сравненія и взаимной оцѣнки древнѣйшихъ памятниковъ обоихъ алфавитовъ. Я вполнѣ признаю вѣсъ тѣхъ соображеній, которыя говорятъ за сильное процвѣтаніе глаголицы въ Македоніи — мои изданія зографскаго и маріинскаго евангелій ясно это показываютъ—только я не замѣчаю подобно проф. Гейтлеру никакой противоположности между этой эпохой и болѣе древней, предшествовавшей ей мораво-паннонской, а скорѣе естественное, послѣдовательное продолженіе первой второю.

Окончательный перевѣсъ кириллицы, побѣду ея надъ глаголицей, я приписываю блестящему вѣку Симеона, или опредѣляя мѣстность географически, восточной и южной Болгаріи, между тѣмъ какъ Македонія повидимому еще долгое время упорно держалась глаголицы. Зная изъ исторіи, что центръ дѣятельности Климента находился въ Македоніи, гдѣ судя по сохранившимся памятникамъ, и въ X вѣкѣ господствовала глаголица, я не могу никакъ

по примѣру Шафарика или Рачкаго Климента считать изобрѣтателемъ кириллицы. Нѣтъ. Климентъ писалъ безъ сомнѣнія тѣмъ же письмомъ, которымъ Кириллъ и Меѳодій, тѣмъ же которому онъ выучился еще на сѣверѣ, въ предѣлахъ Моравіи и Панноніи.

Далѣе и я считаю естественнымъ, что существовали тѣсныя сношенія между Македоніею, Босніею и Далмаціею, поэтому и высказано мною предположеніе, что для маріинскаго евангелія, которое въ его теперешнемъ видѣ должно быть боснійско-далматинскаго происхожденія, нужно предположить какой-нибудь болѣе древній, македонскій подлинникъ. Но для Истріи, для острововъ адріатическаго моря, напр. Кърка (Veglia), и для другихъ сѣверныхъ областей, которыя населены Хорватами и Словенцами, столь же естественно предположить давнишнее сношеніе, издавнюю связь съ Панноніей. Непрерывная цѣпь тянется, благодаря счастливымъ открытіямъ, еще дальше на сѣверъ и простирается, какъ это показываютъ кіевскіе и пражскіе отрывки, до сѣверной Панноніи и Чехо-Моравіи.

Вотъ факты, на которые опирается мое научное убѣжденіе. Отказаться отъ этого убѣжденія, основаннаго на имѣющихся на лицо памятникахъ, ради гипотетическихъ соображеній палеографическаго свойства, —это значило бы требовать отъ меня слишкомъ много. Иначе смотритъ на дѣло проф. Гейтлеръ. Для него на первомъ планѣ палеографическіе «факты», какъ онъ выражается, я же лучше назову ихъ палеографическими комбинаціями. Развѣ можно иначе какъ палеографической комбинаціею, чтобы не сказать натяжкою, назвать хоть бы слѣдующее разсужденіе о глаголической и кирилловской буквѣ ж — ж: начинается съ того, что въ глаголическомъ алфавитѣ ж имѣло нѣкогда другой видъ, т. е. такой, какой автору понадобился для того, чтобы изъ него вывести кирилловскую букву ж; самый переходъ, настоящее превращеніе, описывается слѣдующимъ образомъ: глаголица получила сначала знакъ изъ того алфавита, который послужилъ ей первообразомъ, но не что-нибудь готовое, въ родѣ теперешняго албанскаго *ж*, а несмотря на такъ часто повто-

ряемую авторомъ полную зависимость ея, она воспользовалась въ данномъ случаѣ албанскою буквою въ ея «первоначальной» формѣ; такимъ образомъ, заимствованная буква выходитъ албанскою и опять таки не албанскою. Но если даже и возстановить этотъ первоначальный типъ, то этимъ дѣло еще не кончено; нужно, чтобы пришла на помощь «нѣсколько иная группировка составныхъ частей» и кромѣ того «обыкновенное заокругленіе одной свободной части буквы» — тогда только наконецъ буква готова. Но между тѣмъ она теперь уже выходитъ круглой и перевитой, сообразно фигурѣ, начертанной у него на 103 стр.; надо новымъ видоизмѣненіямъ востановить сначала кирилловскій типъ ея, примѣненіемъ средства, которое рѣшительно идетъ вразрѣзъ съ теоріей Гейтлера, именно удаленіемъ одного округленія. Лично мнѣ очень пріятно видѣть, что и авторъ при всей своей палеографической требовательности не можетъ совсѣмъ обойтись безъ — палеографическаго упрощенія. Оно и мнѣ нужно для того, чтобы вывести кирилловское ѵ изъ глаголическаго ⰺ и кирилловское ж изъ глаголическаго ⰶ. Обѣ эти глаголическія буквы дѣйствительно такого рода, что можно нѣкоторое время колебаться, не послужили-ли для нихъ первообразомъ кирилловскіе знаки ѵ и ж. Жаль только, что сами кириловскіе ѵ и ж не поддаются удовлетворительному объясненію, хоть бы нѣсколько болѣе убѣдительному, чѣмъ то, которое предложено проф. Гейтлеромъ. Я знаю и хорошо понимаю, что большинство палеографовъ, сопоставляя ѵ съ ⰺ, ж съ ⰶ, даютъ предпочтеніе первымъ типамъ какъ болѣе простымъ. Это значило бы, что составитель глаголицы, кто бы онъ ни былъ, по моему мнѣнію Константинъ философъ, нашелъ эти знаки уже въ употребленіи при греческомъ унціальномъ письмѣ. Были ли это самородки? Откуду они взялись? Мало по малу, незамѣтно, они могли бы явиться въ кириллицу рядомъ съ прочими типами только изъ той культурной среды, которая ближайшимъ образомъ прикасалась славянъ, изъ письма греческаго. Но тамъ ихъ нѣтъ. Всякое же другое заимствованіе исключаетъ вѣроятность медленнаго историческаго процесса,

а требуетъ сознательнаго участія и почина личнаго. Если же скажемъ, что въ унціальномъ греч. алфавитѣ (=нашей кириллицѣ) дополнительные знаки (т. е. **ц**, **ѵ**, **ж**, **ш**) были уже въ употребленіи до Кирилла, въ такомъ случаѣ Константинъ, какъ составитель глаголическаго письма, является на сцену слишкомъ поздно, такъ какъ главное дѣло было уже сдѣлано другими, и вмѣсто похвалы, уваженія и удивленія, онъ заслуживалъ бы скорѣе порицаніе за то, что не довольствовался столь удачно придуманными средствами другихъ, а сталъ передѣлывать ихъ на свой ладъ, сплетать въ искуственныя усложненія.

Вотъ причины, побуждающія меня предполагать, что ранѣе появленія славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, хоть бы и записывали въ случаѣ надобности то или другое славянское слово греческими или латинскими буквами, о славянской графикѣ все-таки не думали, стало быть никакихъ особыхъ знаковъ, помимо обыкновенныхъ греческихъ и латинскихъ, не знали и не употребляли. Если это такъ, то становится возможнымъ допустить, что Константинъ-Кириллъ особое обозначеніе для славянскихъ звуковъ *ч*, *ж*, *ш*, *ц* привилъ прямо тому письму, которое легло въ основаніе его графики, т. е. по моему, глаголицѣ. Но тогда точкою отправленія въ палеографическихъ разсужденіяхъ надо считать типы глаголическіе ⱌ, ⰶ, ⱎ, ⱍ, и сказать, что эти знаки, хотя они, по крайней мѣрѣ отъ части, на видъ сложнѣе соотвѣтствующихъ имъ кирилловскихъ, все-таки подведены подъ обыкновенный стиль глаголическаго письма прямо изъ тѣхъ источниковъ, откуду они взяты, не нуждаясь въ посредничествѣ кирилловскомъ. Все это пріобрѣтетъ еще болѣе вѣроятности, если удастся показать, что составитель и для этихъ буквъ бралъ матеріалъ изъ той же области, которой принадлежатъ образцы для прочихъ знаковъ его письма. Кирилловскіе типы въ такомъ случаѣ являются упрощеніями глаголическихъ, насколько оно было возможно или необходимо для согласованія ихъ съ требованіями унціальнаго стиля. У **ш** нечего было отнимать, и это мнѣ кажется менѣе удивительнымъ, чѣмъ наоборотъ, почему изобрѣтатель глаголицы не изу-

красилъ букву по своему стилю, если онъ заимствовалъ ее изъ унціальнаго (кирилловскаго) ш? вѣдь изъ греч. ї онъ сумѣлъ сдѣлалъ ж, ҿ, изъ н — ѕ. Изъ ѱ, соблюдая внѣшнія очертанія типа, какъ разъ получается ѵ. Устраняя округлости, у буквы ѫ вышло бы х, но такой типъ существовалъ уже въ унціальномъ письмѣ, какъ особая буква х (= греч. χ); поэтомукакъ кажется для различія, къ х стали прибавлять отвѣсную черту. Древнѣйшій почеркъ кирилловскаго ц напоминаетъ нынѣшнее ч (только чашечка выходила угловатой), по всей вѣроятности головка этой буквы соотвѣтствовала круглости глаголической буквы ѵ.

Въ намѣченномъ здѣсь процессѣ я не вижу ничего невозможнаго или даже невѣроятнаго. Надо только припомнить себѣ, какъ въ греч. алфавитѣ появилось I послѣ Ϛ, Н послѣ Ξ, Θ послѣ ⊗, Σ S послѣ M.

10. До сихъ поръ я не касался главнаго пункта изслѣдованія проф. Гейтлера, его теоріи объ албанскомъ происхожденіи глаголицы. Я возражалъ противъ его объясненій въ частностяхъ и конечно затрогивалъ ее мимоходомъ, но сущность поставленной имъ теоріи могла бы оставаться непоколебимой и при моемъ представленіи о ходѣ развитія обоихъ славянскихъ алфавитовъ; такъ какъ я тѣмъ, что признаю за глаголицей первенство въ литературѣ, нисколько не предрѣшаю дальнѣйшаго вопроса относительно настоящаго ея происхожденія. Этотъ вопросъ относится къ области историко-сравнительной палеографіи. Проф. Гейтлеръ, какъ палеографъ, заслуживаетъ всякой похвалы, по скольку онъ сдѣлалъ для насъ доступнымъ въ своемъ сочиненіи чрезвычайно драгоцѣнный палеографическій матеріалъ и очень много потрудился для того, чтобы привести этотъ матеріалъ въ стройное расположеніе и освѣтить съ своей собственной точки зрѣнія. Его сочиненіе даже и тогда имѣло бы свою цѣну, еслибы онъ внимательнымъ палеографическимъ наблюденіемъ надъ каждымъ изъ обоихъ родовъ письма, только опредѣленнѣе выставилъ тѣ отношенія, которыя въ общихъ выраженіяхъ уже раньше высказы-

вались, какъ напр. тотъ фактъ, что въ основаніи кирилловскаго алфавита лежитъ позднѣйшій греческій (литургическій) унціалъ. Но онъ сдѣлалъ больше, онъ попытался относительно глаголическаго алфавита самъ построить совершенно новую гипотезу, которая должна была увлечь его въ глубокія изслѣдованія темныхъ палеографическихъ вопросовъ. Я долженъ предоставить тѣмъ ученымъ, которые спеціально занимаются албанскимъ языкомъ, полную оцѣнку представленныхъ тутъ гипотезъ и соображеній въ пользу объясненія албанскаго алфавита; можетъ быть, на нихъ произведетъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ на меня, главная точка зрѣнія автора — именно его предположеніе, что албанскій алфавитъ, какъ соединеніе римскаго и греческаго курсива VI—VIII ст., уже въ тотъ ранній періодъ среднихъ вѣковъ былъ такъ сильно развитъ, что македонскіе славяне въ IX вѣкѣ не могли сдѣлать ничего болѣе разумнаго, болѣе практическаго, какъ цѣликомъ принять тотъ же алфавитъ. Я, такимъ образомъ, предоставляю подробный разборъ мнѣнія проф. Гейтлера объ албанскомъ алфавитѣ ученымъ спеціалистамъ, самъ же ограничусь только замѣчаніемъ, что тѣ свидѣтельства, которыя изъ славянскихъ алфавитовъ приводятся въ подтвержденіе глубокой древности албанскаго письма, очень ненадежны и не заслуживаютъ вѣры. Къ нимъ причисляю я якобы имѣющееся въ глаголицѣ доказательство, что остроконечное ѵу албанскаго алфавита есть не позднѣйшее ν, но старинное изъ VIII ст., указанное Гардтгаузеномъ [1]). Стараніе вывести первую составную

1) Профессоръ Гейтлеръ придаетъ слишкомъ много значенія этому открытію Гардтгаузена, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ Гардтгаузенъ самъ. На сколько я знаю, это открытіе основано на почеркѣ листа, вшитаго въ порфиріевскую псалтырь 862-го года. Этотъ замѣчательный памятникъ теперь находится въ Импер. публ. библіотекѣ, гдѣ я имѣлъ возможность не разъ брать его въ руки. Я согласенъ съ проф. Гардтгаузеномъ въ томъ, что этотъ добавочный листъ, вшитый въ псалтырь, никакъ не позднѣе ея, т. е. во всякомъ случаѣ IX, если не VIII столѣтія. Но попадающееся въ немъ остроконечное ν все-таки значительно разнится отъ обыковеннаго позднѣйшаго начертанія этой буквы, оно продолговатѣе, часто опускается нѣсколько ниже строки

часть глаголическаго ⱔ изъ греко-албанскаго νj, принадлежитъ къ числу всего менѣе удачно придуманныхъ и въ высшей степени невѣроятныхъ попытокъ во всемъ богатомъ гипотезами сочиненіи. Я посвятилъ въ «Маріинскомъ евангеліи» глаголическимъ носовымъ знакамъ нѣсколько строкъ и согласно съ древними памятниками призналъ за знакомъ ⰵ̨ первоначальное значеніе ę и за знакомъ ⱘ = ǫ или ą. Первыя составныя части обѣихъ буквъ, именно ⰵ и ⱁ, выходятъ наружу слишкомъ ясно, чтобы можно было въ этомъ еще сомнѣваться, въ особенности послѣ того, какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ найдено подтвержденіе для ⰵ̨ = ę. Вторая часть этихъ знаковъ представляется намъ теперь какъ настоящее графическое изображеніе носового элемента, т. е. ⱖ было первоначально въ глаголической графикѣ тѣмъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ французскомъ языкѣ n въ словахъ fin, fond. Эта три раза повторяющаяся внутри глаголической графики функція второй части ⱖ, въ ⰵ̨, ⱘ, ⱔ, навела меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ на предположеніе, не было-ли, можетъ быть, ⱖ первоначально только видоизмѣненіемъ знака ⱀ? Округлость фигуры, въ сочетаніи ея съ ⰵ, ⱁ, могла быть обусловлена правилами стиля, желаніемъ возстановить симетрію между второю на право обращенною частью цѣлаго типа и первою, лѣвою частью. По этому я очень обрадовался, когда увидѣлъ подтвержденіе моего предположенія о ⱖ какъ n въ синайской псалтыри (у Гейтлера Psalterium, стр. XX), въ замѣчательномъ въ высшей степени написаніи слова ⱅⱖⰿⰵⰾⱆ. Примѣрамъ, числомъ шесть, я придаю тѣмъ большее значеніе, что въ памятникѣ ⱖ болѣе не встрѣчается. Если же это мое предположеніе вѣрно, то уже никакъ нельзя согласиться съ проф. Гейтлеромъ, который въ первой составной части буквы ⱔ видитъ албанское ν, потому что послѣдовательность требуетъ и въ ⱔ выраженіе носового элемента распространить только на вторую часть буквы, т. е. на ⱖ; но тогда нельзя ожидать по-

---

и почти всегда внизу торчитъ маленькій кончикъ лѣвой черты буквы. Поэтому проф. Гардтгаузенъ отзывается объ этой находкѣ гораздо осторожнѣе (ср. Griech. Palaeographie 186—7), чѣмъ проф. Гейтлеръ.

творенія его въ первой части, въ которой скорѣе должно заключаться что-нибудь вокальное, чего я не умѣю опредѣлить. Начертаніе этой части буквы совсѣмъ похоже на перевернутое ⱋ, т. е. ⱋ; желательно бы видѣть въ немъ выраженіе звука *іо* или *јо*. Хотя я не умѣю удовлетворительно объяснить происхожденіе буквы ⱖ, все-же не стѣсняюсь назвать неосновательнымъ увлеченіемъ относительно первой половины ея рисунка отзывъ автора, что эта буква «одно изъ прекраснѣйшихъ доказательствъ болѣе тысячелѣтней древности этихъ скромныхъ эльбассанскихъ знаковъ»! Тутъ есть еще одно очень неудобное для автора обстоятельство: мы не находимъ «албанскаго» ν въ глаголицѣ отдѣльно; но онъ старается устранить это оговоркою, что нынѣшнее глаголическое ⱃ, происходящее изъ курсивно-минускульнаго греческаго μ, обязано своимъ существованіемъ «возрастающему вліянію древнѣйшихъ греческихъ минускулъ». Авторъ забываетъ, сколько разъ онъ самъ назвалъ глаголицу не только совершенно несамостоятельнымъ, но и совсѣмъ неподвижнымъ, коснѣющимъ письмомъ.

Профессоръ Гейтлеръ проникся своею албанскою теоріею на столько, что и не замѣчаетъ возраженій поднимающихся на каждомъ шагу противъ нея, или же если и замѣчаетъ, такъ старается отдѣлаться отъ нихъ довольно странными предположеніями, въ родѣ слѣдующихъ: «такой-то знакъ былъ, но изчезъ впослѣдствіи», или: «такой-то знакъ долженъ былъ нѣкогда существовать, конечно безъ петелекъ, но онъ изчезъ изъ дошедшаго до насъ алфавита», или: «производный (глаголическій) алфавитъ, извѣстный намъ по несравненно болѣе древнимъ памятникамъ, сохраняетъ знакъ изчезнувшій уже изъ коренного (албанскаго)», или: «существовало нѣсколько редакцій эльбассанскаго алфавита, и при всемъ тѣсномъ родствѣ ихъ глаголица все таки уклоняется въ нѣкоторыхъ немногихъ (?) пунктахъ» или: «и этотъ знакъ долженъ былъ нѣкогда употребляться у албанцевъ; то обстоятельство, что дошедшій до насъ эльбассанскій алфавитъ не знаетъ его, обусловлено незначительнымъ (?) различіемъ, отдѣляющимъ его отъ той древней албанской школы письма, изъ которой вышла глаголица», или:

«перевернутое положеніе знака совершилось въ глаголицѣ, между тѣмъ какъ эльбассанскій алфавитъ сохраняетъ еще первоначальную его форму», или: «эльбассанскій алфавитъ не сохранилъ ни одной изъ первоначальныхъ формъ, но мы предполагаемъ, что эти глаголическіе знаки вновь доказываютъ, что онъ со времени выдѣленія глаголицы потерпѣлъ разнообразныя утраты», или: «можетъ быть, въ тѣхъ албанскихъ школахъ письма, изъ которыхъ вышла глаголица, гдѣ-нибудь употребляли настоящій знакъ—который былъ второй орѳографической редакціей албанскихъ знаковъ», или: «эти противорѣчія разрѣшаются только въ томъ случаѣ, если мы... у албанскаго и глаголическаго алфавита предположимъ много мѣстныхъ и по пріемамъ различающихся орѳографій,—мысль, которая намъ уже навязывалась много разъ» и т. д. Я составилъ этотъ небольшой сборникъ оговорокъ автора для того, чтобы въ настоящемъ свѣтѣ представить методъ палеографическаго изслѣдованія, котораго авторъ придерживается. Нѣтъ необходимости нарочно упоминать, что всѣ эти оговорки ни на чемъ не основаны; онѣ придуманы авторомъ съ цѣлью выпутаться изъ затрудненій, въ которыя поставила его эта теорія. Гдѣ недостаетъ требуемаго сходства въ формахъ, тамъ прибѣгается къ оговоркѣ, что буква, о которой идетъ рѣчь, утратилась или имѣла раньше другой видъ, другую звуковую функцію и т. п. Если бы этимъ по крайней мѣрѣ вполнѣ достигалась цѣль, то можно бы, пожалуй, утѣшаться извѣстнымъ выраженіемъ, что «цѣль оправдываетъ средства». Къ сожалѣнію, даже и при примѣненіи такихъ средствъ объясненіе глаголическаго алфавита изъ албанскаго не удается, остаются значительные, существенные пробѣлы.

11. Прослѣдимъ всѣ буквы въ ихъ обыкновенномъ порядкѣ и ихъ якобы зависимости отъ албанскаго алфавита. Я постараюсь вездѣ прибавить то объясненіе, которое, мною-ли теперь впервые или уже другими раньше предложенное, мнѣ кажется самымъ вѣроятнымъ.

ⰰ. Для глаголическаго ⰰ, знака, который во всѣхъ родахъ и

періодахъ глаголицы держится очень постоянно, совсѣмъ нѣтъ соотвѣтствующаго начертанія въ албанскомъ алфавитѣ (стр. 91). Всѣ попытки объяснить эту букву посредствомъ обыкновеннаго заимствованія, до сихъ поръ остаются неудовлетворительными, не исключая послѣдней, предложенной Гейтлеромъ, который въ глаголическомъ + желаетъ усмотрѣть римскокурсивное *a* VIII—IX вѣка, по рисунку нетолько довольно далеко отстоящее но и въ римской графикѣ рѣдко встрѣчающееся. Для того, чтобы наглядно показать, какъ писали *a* въ римскомъ курсивѣ VII — VIII стол., я привожу на таблицѣ III нѣсколько примѣровъ. Относительно же глаголическаго + мы пока можемъ только предполагать, что въ греч. курсивѣ мѣстнаго письма должно быть и въ IX вѣкѣ существовалъ знакъ, подобный глаголич. буквѣ, когда можно доказать его существованіе во II столѣтіи. Всев. Миллеръ высказываетъ догадку, не имѣлъ ли благочестивый составитель въ виду знакъ креста, встрѣчающійся въ греч. рукописяхъ дѣйствительно въ формѣ глаголическаго + очень часто (ср. напр. два примѣра на таблицѣ 17-й у Ваттенбаха Scripturae graecae Specimina, по рукописи IX столѣтія, у Амфилохія на таблицѣ первой по евангелію 835 года и т. д.)—догадка не лишена остроумія, но и только; я предпочитаю ожидать, не найдется ли въ греч. письменности подходящій почеркъ буквы *α* въ памятникахъ болѣе близкихъ ко времени и мѣсту дѣятельности слав. первоучителей, чѣмъ до сихъ поръ.

ⰱ. Албанскій алфавитъ не даетъ ничего для объясненія глаголическаго ⰱ, если только, какъ это очень естественно, искать первообраза глаголической буквы въ албанскомъ b. Только въ томъ случаѣ, еслибы въ албанскомъ алфавитѣ не было звука и буквы b, мы были бы вправѣ (съ точки зрѣнія автора) выводить глаголическую букву изъ другой звуковой комбинаціи; но коль скоро въ албанскомъ языкѣ звукъ b существуетъ (въ словахъ своихъ, незаимствованныхъ, ср. статью Густава Мейера въ Bezzenbergers Beiträge VIII. 189), было бы странно или по крайней мѣрѣ съ нашей стороны некритично полагать, что славяне

для своего звука *б* брали у албанцевъ не ту букву, которая у нихъ означала этотъ звукъ, а что нибудь другое. Да у нихъ и нѣтъ ничего другого подходящаго, знакъ албанскаго (эльбассанское) mb или албанскаго m не совпадаетъ. Если бы проф. Гейтлеру не мѣшала албанская теорія, онъ довольствовался бы просто греческимъ μ, какъ въ сущности у него и выходитъ (стр. 107, 110). Его заслугою остается, что онъ указалъ на греческое μ. Но какъ же славянинъ (лучше: образованный грекъ) могъ напасть на мысль для передачи славянскаго звука *б* пользоваться греческою буквою μ? Именно вслѣдствіе отсутствія въ греческомъ языкѣ звука *б* иначе, какъ послѣ μ: μπ и μβ давало mb, которое вѣроятно иногда уже въ простонародномъ произношеніи слышалось какъ простое *б*: ἐμβαίνω = (ε)μπαίνω = *бэно* (ср. K. Foy, Lautsystem der Griech. Vulgärspache 24). Поэтому мнѣ кажется, что глаголическое Ⰱ не есть простая передача греческаго (курсивно-минускульнаго) μ, а сокращенная комбинація курсивныхъ греческихъ μ и υ, т. е. третій штрихъ глагол. буквы я считаю намекомъ на υ. На таблицѣ I я привожу примѣры и простого минускульнаго μ и сочетанія μβ, μπ.

Ⱛ. Глаголическое Ⱛ, если выводить его изъ албанскаго алфавита, должно измѣнить свое положеніе, чему самъ Гейтлеръ не видитъ никакого достаточнаго основанія (стр. 131), между тѣмъ какъ объясненіе этого знака, какъ я его себѣ представляю, изъ обыкновеннаго греческаго минускульнаго υ, требуетъ только небольшой передѣлки стилистической, т. е. прибавки округлостей. И. Тейлоръ предпочитаетъ сравнивать Ⱛ съ греческимъ υ.

Ⰳ. Для полученія глаголическаго Ⰳ албанскій знакъ долженъ былъ бы подвергнуться измѣненіямъ, чтобы подойти къ глаголическому хоть бы на столько близко, на сколько близко стоитъ къ нему греческій минускулъ γ безъ всякаго измѣненія (стр. 124); поэтому конечно естественнѣе остановиться на греческомъ минускульномъ типѣ.

Ⰴ. Что Ⰴ очень близко подходитъ къ греческому минускулу, это допускаетъ и самъ авторъ на стр. 130, намъ этого и доста-

точно; но онъ находясь подъ вліяніемъ своей теоріи, непремѣнно хочетъ доказать, что албанское начертаніе буквы ꝺ осталось какъ элементъ въ одномъ глаголическомъ сложномъ знакѣ, о чемъ подробности см. ниже.

э. Глаголическое э можетъ быть сравниваемо съ албанскимъ только въ томъ случаѣ, если его отожествлять съ глухимъ е албанскаго алфавита, что было бы очень странно при существованіи яснаго е въ томъ же языкѣ (стр. 66). Глагол. э не принадлежитъ къ числу удобообъяснимыхъ знаковъ (вспомнимъ о +), мнѣ однакожъ кажется, что и оно вышло изъ минускульнаго греч. алфавита. Надо только внимательно вглядѣться въ разнообразныя начертанія послѣдней буквы въ курсивномъ δε, τε, въ слогахъ ελ, εν, εξ и т. д., чтобы замѣтить пріемъ греч. графики, писать по крайней мѣрѣ нижнюю половину этой буквы въ томъ направленіи, въ какомъ мы ее видимъ въ глагол. письмѣ; а гдѣ разъ была привычка курсивный почеркъ греч. буквы начинать съ начертанія круглости ɔ, тамъ составитель глаголицы сдѣлалъ только небольшое измѣненіе, заключавшееся въ томъ, что онъ вмѣсто крючка, прибавляемаго надъ строкою (курсивное ε довольно высокая буква) въ видѣ <, внесъ въ полукругъ ɔ два штриха. Такимъ способомъ я могу себѣ объяснить ту кажущуюся странность, что глагол. буква направлена не въ правую, а въ лѣвую сторону, въ чемъ, какъ извѣстно, прежде видѣли что-то чрезвычайно старинное. Проф. Гейтлеръ производитъ изъ римскаго е глаголическую букву є, но если бы є дѣйствительно стояло въ связи съ е, такъ мы не должны бы встрѣтить несогласіе между э и є, ожидали бы или э — є или є — є. Поэтому я даю предпочтеніе объясненію знака є, предложенному мною выше на стр. 146. Смотри на табл. I курсивное ε, δε, σε, τε (подъ ε), ϑε (подъ ϑϑ) и на таблицѣ III глагол. начертанія ѫ, ѫ.

ж. По мнѣнію автора ж должно быть албанское ši или šj; однакоже онъ не можетъ сказать намъ, вопервыхъ, почему въ этой буквѣ албанскій знакъ ꝭ не занимаетъ того же (т. е. своего нормальнаго) положенія, какъ въ глаголическомъ ж, въ которомъ

авторъ тоже видитъ составные элементы албанское d и š (о чемъ рѣчь ниже); вовторыхъ (что является еще болѣе важною и удивительною непослѣдовательностью), почему это ꙅ или ɤ дважды сохранилось какъ составная часть, между тѣмъ какъ оно отсутствуетъ, гдѣ бы мы его прежде всего ожидали, т. е. въ видѣ самостоятельной буквы для š (стр. 102—104). Если бы можно было допустить, что въ глаголическомъ алфавитѣ являются также элементы римскіе—ср. подъ буквою ⱃ, ⱐ,—то было бы естественно глагол. букву ⰶ сопоставлять съ лат. x, совпаденіе было бы полное, съ прибавкою конечно требуемыхъ стилемъ круглостей! Но въ древнѣйшихъ лат. грамотахъ я нахожу, что ж передается черезъ i, z, s, а не x (хотя въ первой печатной книгѣ Далмаціи ž уже выражается и буквою x), поэтому я поневолѣ отказываюсь отъ этой догадки. Въ такомъ случаѣ остается искать въ ⰶ монографическую комбинацію двухъ греческихъ курсивныхъ знаковъ, можетъ быть двухъ θ или ϑ (вѣдь θ послужило источникомъ глаголическаго ⰷ). Ис. Тэйлоръ предлагаетъ разложить ⰶ въ ϖ и σ, но ts не даетъ еще звука ž; кромѣ того передача ž черезъ zz вполнѣ соотвѣтствовала бы передачѣ š (ш) черезъ ss, о чемъ ниже. На таблицѣ I у меня представлено нѣсколько снимковъ, между которыми сочетаніе ϑε чрезвычайно близко напоминаетъ глаголическое ⰶ.

ⰷ. Для ⰷ авторъ самъ прямо ссылается на греческое θ, которое уже было указано Шафарикомъ (стр. 126); это объясненіе и мнѣ кажется вѣроятнымъ, въ особенности потому что, какъ сейчасъ увидимъ, греческой буквѣ ζ дано другое назначеніе. Удачно указано также проф. Гейтлеромъ на передачу греческаго ἔθνη черезъ *езни* у Іоанна экзарха болгарскаго. И. Тэйлоръ видитъ въ ⰷ соединеніи двухъ греч. буквъ, т. е. ϑσ, но едва ли это необходимо.

ⰸ. Въ албанскомъ алфавитѣ, на который опять и въ этомъ случаѣ указывается, для обозначенія звука, совпадающаго съ новогреческимъ δ (т. е. приблизительно съ англійскимъ th въ the, bathe), существуетъ знакъ, нѣсколько похожій на кирилловское ь, т. е. ɓ; но трудно согласиться съ авторомъ въ томъ, чтобы этотъ знакъ ɓ, производимый изъ римскаго курсива (оборотнаго d),

былъ прототипомъ глаголическаго Ⰷ. Мнѣ кажется, что даже и не нужно такъ далеко заходить. Обратимъ ли вниманіе на замѣчательный фактъ, что составитель глаголицы для выраженія славянскаго звука з не хотѣлъ остановиться на греческомъ ζ, несомнѣнно потому, что не находилъ между ними полнаго звукового соотвѣтствія, то a priori становится вѣроятнымъ, что онъ греческою буквою ζ воспользовался для другого славянскаго звука. По моему это и есть глаголическое Ⰷ. Начертаніе глаг. знака дѣйствительно напоминаетъ греческое курсивное ζ, если только прибавить нѣкоторыя стилистическія поправки. Головка соотвѣтствуетъ верхней части греческаго ζ, только она сдѣлана кругловатою, загнутый же хвостикъ нижней части греч. буквы передѣланъ въ треугольникъ, въ который головка воткнута. Образцомъ греческимъ могло послужить такое начертаніе буквы ζ, какое мы видимъ напр. въ подписяхъ константинопольскаго синода 680 года (ср. напр. у Ваттенбаха Scripturae graecae Specimina tab. XIII, въ строкѣ 4. 7), откуда оно внесено въ таблицу I, вмѣстѣ съ другими похожими рисунками этой буквы.

Ⰹ. Для Ⰹ и Ⰺ или Ⰻ авторъ и самъ по неволѣ отказывается отъ попытки вывести ихъ изъ албанскаго алфавита (стр. 80). Разумѣется, ему хочется спасти «албанское» ı для глаголицы по крайней мѣрѣ хорватскихъ надписей, на что я уже сдѣлалъ выше возраженія. По моему нельзя сомнѣваться въ томъ, что Ⰻ и Ⰺ лишь стилистическая передѣлка греческаго ϊ, гдѣ вмѣсто двухъ точекъ, сообразно глаголическому стилю, сдѣланы двѣ округлости. По всей вѣроятности и глагол. Ⰹ только стилист. передѣлка греческаго курсивнаго η, напоминающаго латинское h (смотри таблицу I); верхная черта преобразована въ треугольникъ, что бываетъ часто въ глаголицѣ, нижняя же часть буквы вм. n преобразована въ o. Искать въ Ⰹ римскаго курсивнаго *y* я не могу уже потому, что считаю глаголическій алфавитъ исключительно греческимъ, а не римскимъ; и дѣйствительно только предположивъ вліяніе греческой графики на складъ глаголическаго алфавита, мы поймемъ, откуда въ послѣднемъ явились два знака для i, одинъ

непосредственно за другимъ, даже безъ разстановки посредствомъ буквы ⱚ, которой сначала въ глагол. алфавитѣ не было.

ⰹ. Глаголическое ⰹ такъ сильно противится отожествленію съ албанскимъ знакомъ, что проф. Гейтлеръ принужденъ по своей привычкѣ прибѣгнуть къ гипотезѣ о многихъ к—знакахъ «сообразно съ разными школами письма», для того, чтобы можно было къ одному изъ нихъ, неизвѣстному или утраченному албанскому знаку, привязать глаголическій (стр. 123). Впрочемъ глаголическій почеркъ буквы ⰹ столь близокъ къ греческому курсивно-минускульному типу буквы, что и авторъ допускаетъ это по моему единственно возможное сопоставленіе.

ⰾ. Для того, чтобы возвести ⰾ къ албанскому знаку, нужно этотъ послѣдній прежде «значительно приблизить къ римскому курсиву», т. е. другими словами, албанское посредничество существуетъ и здѣсь только въ воображеніи автора. Я не вижу ни малѣйшей надобности за объясненіемъ глаголическаго ⰾ прибѣгать по примѣру Гейглера къ римскому курсиву (стр. 104—5); намъ вполнѣ достаточно греческаго минускульнаго почерка, съ примѣненіемъ извѣстнаго стилистическаго пріема, т. е. округлостей. Обыкновенный, Шафарикомъ въ печатный текстъ введенный рисунокъ этой буквы не представляетъ собою первоначальнаго вида; онъ сохранился въ заглавныхъ строкахъ отрывковъ графа Клоца, въ кіевскихъ отрывкахъ, въ зографскомъ евангеліи, и т. д. Оттуда видно, что верхняя часть глагол. буквы первоначально состояла изъ одного только штриха — это и есть верхняя половина минускульнаго λ; смотри снимки на таблицѣ II.

ⰿ. Глаголическое ⰿ имѣетъ съ албанскимъ такъ мало общаго, что авторъ самъ предпочитаетъ принять за точку отправленія греческій (курсивный) минускулъ (стр. 107—108). На таблицѣ II представлено нѣсколько снимковъ того греческаго μ, къ которому довольно близко подходитъ глаголическая буква. Замѣчательно, что и здѣсь, какъ при ζ, два различные рисунка той же греческой буквы послужили источникомъ двухъ различныхъ типовъ глаголическихъ: μ въ связи съ ι дало глагол. ⱜ, по

этому для глагол. ꙮ естественно было остановиться на второмъ греческомъ μ, томъ которое главнымъ образомъ было въ употребленіи въ старомъ курсивномъ письмѣ.

ⱀ. Для глаголическаго ⱀ точку опоры можно находить только въ греческомъ минускулѣ, съ этимъ согласенъ и авторъ (стр. 105); «албанское» ν онъ ищетъ, какъ я выше указалъ, (см. стр. 146—7) въ ⱓ, но неудачно.

ⱁ. Глаголическое ⱁ и албанское ο не согласуются другъ съ другомъ; выводить же изъ знака ⱉ, что нѣкогда въ глаголицѣ существовало ο, даже ȯ = u, для того только чтобы получить албанскій «первообразъ» — такая аргументація мнѣ кажется черезчуръ смѣлой (стр. 75—77). Гейтлеръ и здѣсь указываетъ на римскій курсивный почеркъ буквы *o* какъ источникъ глаголической, но по моему можно остаться при курсивѣ греческомъ. Какъ извѣстно, курсивное *o* обыкновенно небольшого объема; чтобы войти въ связь съ какой нибудь другою буквою, оно часто принимаетъ то съ той то съ другой стороны, иногда съ обѣихъ, маленькіе рожки, напр. въ словѣ λογος первое ο иногда въ связи съ λ и γ похоже на 8. Ср. снимки изображающіе такого рода *o* на таблицѣ II. Можетъ быть этотъ графическій пріемъ далъ поводъ удвоенію круглости въ глаголической буквѣ. Впрочемъ мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, что ⱁ вызвано прихотью стилистическою, т. е. и здѣсь хотѣлось примѣнить любимый элементъ украшенія, округлость. Какъ бы то ни было, но болѣе подходящаго знака нѣтъ и въ римскомъ курсивѣ; изъ послѣдняго нѣсколько примѣровъ представлено на таблицѣ III.

ⱂ. Для ⱂ уже въ «римскомъ ближайшемъ источникѣ» допускается «хотя немного и различная разновидность» того знака, изъ котораго произошелъ албанскій (стр. 132); другими словами, албанской буквы намъ совсѣмъ не надобно. Не могу рѣшиться, относительно этой буквы дать предпочтеніе почерку римскому и въ немъ видѣть источникъ типа глаголическаго. Вѣдь не надо забывать, что старое курсивно-минускульное ϖ (ср. у Гардтгаузена Gr. Palaeogr. Tafel 4.6) стояло еще на двухъ ножкахъ,

правая была немножечко вогнута, изъ которой очень удобно было сдѣлать округлость — и вотъ вамъ глаголическая буква; ср. снимокъ на таблицѣ II.

ь. Такъ какъ авторъ не въ состояніи объяснить глаголическое ь безъ оговорки, что оно измѣнило свое положеніе, т. е. опрокинуто головою внизъ, то конечно вполнѣ хорошо можно обойтись безъ албанскаго посредничества и довольствоваться греческимъ знакомъ (стр. 106). Какъ видно изъ снимковъ на таблицѣ II, греческое ρ любитъ отгибать нижнюю свою черту въ правую сторону, головка же его не всегда замкнута. Можетъ быть этихъ палеографическихъ пріемовъ достаточно для объясненія глагол. буквы и безъ нарочнаго опрокидыванія ея головою внизъ. Если же послѣднее нарочно сдѣлано, то причиною могло быть желаніе болѣе различить r отъ р, чѣмъ это на дѣлѣ оказывается напр. между греческимъ Р (ρ) и латинскимъ P (p).

ꙗ. Глаголическое ꙗ не соотвѣтствуетъ албанской буквѣ для этого звука; находится, правда, и въ албанскомъ алфавитѣ нѣсколько подобный знакъ ꙗ, но это не s a š. Никакъ не могу повѣрить, чтобы славяне тотъ же знакъ, который въ албанскомъ алфавитѣ обозначалъ š, заимствовали для своего звука s, пропустивъ безъ вниманія настоящее албанское s. Авторъ старается выйти изъ затрудненія съ помощію одного изъ своихъ обыкновенныхъ пріемовъ, онъ разсказываетъ о различныхъ мѣстныхъ орѳографическихъ привычкахъ. Такимъ образомъ намъ пришлось бы вѣрить, что а) глаголическое ꙗ = албанск. š, б) глагол. ж = алб. dš и в) глагол. ж = алб. š + j (въ послѣднемъ случаѣ фигура алб. буквы š уже не въ настоящемъ, а «первоначальномъ» видѣ), между тѣмъ какъ мы знаемъ, что въ албанскомъ языкѣ имѣется а) собственный, по какому-то капризу глаголицей не принятый во вниманіе знакъ s—, б) точно такъ же собственный, непонятно почему, незамѣченный знакъ ž —, и в) особый знакъ dš — или dž — (стр. 114—117). Если бы глаголица дѣйствительно находилась въ безсознательной зависимости отъ албанскаго письма, какъ постоянно утверждаетъ авторъ, то было бы даже немыслимо такое произвольное отно-

шеніе первой къ послѣдней, вслѣдствіе котораго она бы наличный запасъ начертаній своего первообраза то отвергала, то передѣлывала (напр. опрокидываніемъ знаковъ), то измѣняла въ значеніи. Поэтому я и здѣсь эльбасанское письмо оставляю въ сторонѣ. Что же касается до объясненія глагол. буквы ⰸ помимо албанскаго источника, то я не вижу никакого отношенія къ римскому курсивному *c*, на которое указываетъ проф. Гейтлеръ; напрасно онъ ссылается на одинъ примѣръ въ charta Ravennensis, нашему глаголическому типу тотъ не ближе всѣхъ прочихъ, напоминающихъ, какъ извѣстно, латинское r или v. Примѣненіемъ обыкновенныхъ стилистическихъ пріемовъ изъ латинскаго v мы получили бы пожалуй ⰺ, но никакъ не ⰸ, не говоря уже о томъ, что участіе римскаго элемента въ глаголицѣ — еще вопросъ. Дѣйствительно и для буквы ⰸ я предпочитаю остановиться на греческомъ минускульномъ курсивѣ. Дѣло въ томъ, что въ глаголическомъ ⰸ существенная, какъ я полагаю, часть буквы, верхняя круглость, вполнѣ совпадаетъ съ существенной частью минускульнаго греческаго σ; опущенный внизъ пирамидальный треугольникъ, на острый уголъ котораго опирается верхній кружокъ, можетъ сообразно съ другими стилистическими принадлежностями глаголическихъ буквъ (ср. ⰹ = ї) отражать какой нибудь маленькій штрихъ подлиннаго почерка. Въ курсивномъ почеркѣ греческой буквы σ дѣйствительно замѣчаемъ такого рода штрихъ, только онъ не внизу а на верху округлости, въ горизонтальномъ направленіи въ правую сторону, въ видѣ уса (ср. у Гардтгаузена Griech. Palaeographie Tafel 5, и на таблицѣ II). Представимъ себѣ, что этотъ штрихъ въ глаголическомъ стилѣ замѣненъ треугольникомъ, и мы получимъ букву ⰺ. Но этотъ знакъ существовалъ уже для передачи греческаго η, стало быть надо было дать ему другое положеніе, т. е. перевернуть его, что тѣмъ легче могло случиться, если и предшествующая буква подверглась такому же измѣненію. И такъ въ глаголическомъ ⰸ я вижу только оборотное курсивное σ греческаго алфавита, ср. снимокъ на табл. II.

ⰼ. Глаголическое ⰼ такъ далеко отъ албанскаго знака, что

авторъ принужденъ подъ дошедшей до насъ формой послѣдняго предполагать болѣе древнюю и искать ее, при чемъ онъ приходитъ къ такому результату: что различіе обоихъ знаковъ (алб. и глагол.) сглаживается въ общемъ источникѣ, въ римскомъ курсивѣ, — другими словами, до глаголическаго знака можно опять дойти безъ албанскаго посредничества (стр. 112 — 113).

Другое дѣло, можно ли глагол. ⱎ объяснить изъ греч. курсива, или же необходимо съ Гейтлеромъ прибѣгнуть къ римскому курсиву? Я не вижу послѣдней надобности, потому что тотъ же знакъ, на который онъ ссылается въ римскомъ курсивѣ, можно найти и въ греческомъ минускульномъ курсивѣ, только — тотъ и другой нужно порядочно передѣлать или дополнить, чтобы получить глаголическое ⱎ. Эта буква представляетъ какъ будто опущенныя по сторонамъ ушки безъ средняго отвѣснаго штриха, Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что въ кіевскихъ отрывкахъ буква ⱎ пишется такъ, что исполняетъ только верхнюю половину строки. т. е. она равняется половинѣ обыкновенной вышины буквъ, какъ будто намекая на то, что во второй половинѣ чего-то недостаетъ. Для наглядной передачи соразмѣрія я въ снимкѣ на табл. II къ буквѣ ⱎ прибавилъ изъ того же памятника букву ⱓ.

ⱔ. Глаголическое ⱔ на столько разнится отъ албанскаго, что авторъ принужденъ сначала искать другой «албанскій» знакъ! Я предоставляю ему и его критическимъ пріемамъ изъ сравненія ⱓ съ ю заключать, что «древнѣйшая глаголица по примѣру своего первоисточника раздѣляла о отъ и только діакратическимъ знакомъ» — для обыкновеннаго глаголическаго ⱔ въ концѣ концовъ все таки и ему надо было допустить, что оно развилось «по образцу греческаго ου» (стр. 89). Глаголическое ⱑ я произвожу изъ греч. ȣ.

ь. Глаголическое ь можно только въ томъ случаѣ подвести подъ албанскій знакъ, если звуковое значеніе соотвѣтствующаго албанскаго знака прежде будетъ исправлено (стр. 125); впрочемъ, албанскій алфавитъ имѣетъ три знака, которые судя по нынѣшнему звуковому значенію, болѣе близки къ славянскому ch, и если ужь принимать посредничество албанскаго алфавита,

естественнѣе было-бы ожидать, что будетъ выбранъ одинъ изъ нихъ. Признаться, и я затрудняюсь производить обыкновенное глаголическое ⰹ изъ греческаго χ, оно мнѣ слишкомъ мало напоминаетъ эту букву, а очень ясно указываетъ на глаголическое ⱈ, къ которому оно подходитъ гораздо ближе, чѣмъ напр. къ латинскому h, о которомъ и я прежде думалъ, сходясь въ этомъ съ изслѣдованіемъ проф. Гейтлера. Спрашивается, не предположить ли намъ въ самомъ дѣлѣ, что глаголическое ⰹ составлено по образцу глаголическаго же ⱈ? Это вовсе не такъ невѣроятно, какъ на первый взглядъ кажется. Проф. Гейтлеръ первый обратилъ вниманіе на особый почеркъ глаголической буквы, передѣланный изъ греческаго χ, прибавкою любимой округлости въ центръ буквы (см. снимокъ на табл. II). Можетъ быть сначала этотъ знакъ и былъ исключительно въ употребленіи; но на сѣверѣ, гдѣ глаголица была въ употребленіи въ первую эпоху своего существованія, въ предѣлахъ старой Моравіи и Панноніи, по мѣстностямъ несомнѣнно уже тогда слышно было произношеніе g какъ h. Это обстоятельство могло вызвать сближеніе между почерками ⱈ и ⰹ, параллельно съ фонетическою близостію между h и ch, т. е. желаніе упростить тотъ первоначальный очень неуклюжій глагол. рисунокъ для буквы х, могло писцамъ напомнить букву ⱈ и по образцу ея они внесли въ глагол. алфавитъ ⰹ. Такимъ образомъ мы пріобрѣтаемъ въ существованіи буквы ⰹ своего рода свидѣтельство о паннонизмѣ глаголицы.

ⱉ. Относительно глаголическаго ⱉ самъ проф. Гейтлеръ говоритъ, что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ (?) знаковъ, которыя въ глаголицѣ не албанскаго происхожденія (стр. 78). По моему глаголическое ⱉ основывается исключительно на греческомъ минускулѣ, въ которомъ оно попадается въ формѣ двухъ кружковъ, соединенныхъ на подобіе очковъ съ короткой отвѣсной чертой, опускающейся съ точки ихъ соединенія (можно найти очень много примѣровъ такого почерка буквы ω, напр., въ одной греческой рукописи X ст., принадлежащей Имп. публ. библіотекѣ). Глаголица подражала начертанію этой буквы

такимъ образомъ, что она вмѣсто двухъ греческихъ о воспользовалась двумя глаголическими э, обращенными лицевой стороной другъ къ другу, намекъ же на отвѣсную черту подлинника остался и здѣсь. Такимъ образомъ фактами опровергается мнѣніе проф. Гейтлера, будто глаголица по необходимости стала употреблять omikron какъ omega.

ѵ. Какъ сказано выше, проф. Гейтлеръ находитъ первый источникъ глаголической буквы ѵ въ греческомъ ипсилонѣ υ капитальнаго письма (стр. 121), противъ чего я возстаю по той причинѣ, что это черезъ чуръ некритическій и антипалеографическій методъ объясненія. Я удивляюсь даже, какъ авторъ при своемъ остроуміи имъ удовольствовался. Вѣдь по его изложенію выходитъ, что изъ греч. ипсилона развились не менѣе какъ—три различныя слав. буквы: глаголическое ѵ, кирилловское ʏ и глаголическое ѹ! Едва-ли это вѣроятно. Конечно легче возражать, чѣмъ самому предполагать что-нибудь лучшее. Скажу однакожъ, какому объясненію я даю предпочтеніе. Глаголическое ѵ уже съ перваго взгляда производитъ впечатлѣніе довольно простого рисунка, въ особенности при такомъ сложномъ, замысловатомъ стилѣ, въ какомъ составлена глаголица. Поэтому мнѣ не вѣрится, чтобы въ ѵ заключалась какая нибудь монографическая комбинація знаковъ, какъ полагалъ И. Тэйлоръ, анализировавшій ѵ какъ сочетаніе буквъ στ; да στ и τσ—разница большая. Албанское изображеніе звука ts (т. е. нашего *ц*), несмотря на кажущуюся близость (см. выше на стр. 136), я тоже оставляю въ сторонѣ уже потому, что въ немъ отражается позднѣйшее выходящее изъ строки минускульное τ греческаго письма, которое съ глаголицею хронологически несовмѣстимо. По моему и здѣсь не надо выходить изъ предѣловъ греческаго курсива. Какъ извѣстно, въ греч. курсивномъ почеркѣ, маюскульномъ и минускульномъ, существуетъ двоякое начертаніе буквы ζ, одно ближе къ унціальному Z, другое къ настоящему курсивному *З*. Я упомянулъ выше (на стр. 152—3), что составителю глаголицы для означенія славянскаго звука z не понравился знакъ греческаго звука ζ, что онъ только для dz (глаг. ⰷ) употребилъ одну

изъ обѣихъ греч. буквъ, именно ту, которая подходитъ къ курсивному *З*. Но звукъ *дз* не очень далеко отстоитъ отъ звука *ц*, ср. въ новогреческомъ языкѣ смѣшеніи σσ съ τζ = δζ (K. Foy Lautsystem der griech. Vulgärsprache 58) и въ среднеболгарскомъ *ц* вм. ѕ или ꙁ (ср. Маріинское ев. стр. 420). Поэтому, полагаю, не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, если я скажу, что составитель глаголицы для звука *ц* употребилъ второе греческое ζ, т. е. знакъ подходящій къ унціальному Z. Въ числѣ начертаній этой буквы (напр. у Ваттенбаха Anleitung zur griech Palaeographie, Scripturae graecae specimina tab. XX. 1 и т. д.) попадаются нерѣдко такія, гдѣ достаточно изъ верхней черты сдѣлать небольшую стилистическую поправку во вкусѣ глагол. графики, а хвостикъ, опускающійся внизъ, поднять въ строку, чтобы сразу получить глаголическое ⱌ. Мнѣ кажется, что это самый простой и естественный способъ объясненія глаголическаго ⱌ.

ш ⱎ ⱋ. По теоріи проф. Гейтлера глаголическія буквы ш, ⱎ вышли изъ греческихъ вокаловъ, обѣ конечно посредствомъ заимствованія изъ кирилловскаго алфавита. Отвергая это антипалеографическое объясненіе, я все-таки отдаю справедливость его послѣдовательности, высказавшейся въ томъ, что онъ не выходитъ изъ-за предѣловъ греко-римскаго алфавита, его не соблазняютъ ни еврейскіе шинъ и цаде, ни сассанидскіе или какіе нибудь другіе восточные рисунки. Въ этомъ онъ сошелся съ И. Тэйлоромъ. Мнѣ кажется, что можно идти еще далѣе, т. е. исключая даже графику римскую, остановиться на одной греческой письменности, какъ той культурной средѣ, которая вліяла на происхожденіе глаголицы. По этому и въ глаголическомъ ш я вижу, соглашаясь съ И. Тэилоромъ, не что другое, какъ монографическое начертаніе двухъ курсивныхъ σ въ видѣ обыкновенной лигатуры, встрѣчающейся въ греч. минускульныхъ рукописяхъ очень часто. Обыкновенное начертаніе этой лигатуры имѣетъ, правда, нѣсколько другой видъ (см. приложенную таблицу II), но мнѣ пришлось не разъ встрѣчать и такое начертаніе σσ (напр. въ рукописи Импер. публ. библіотеки № LIII въ словѣ Ἰέσσαι, ср. Wattenbach

et Velsen Tab. XXXII), которое, поставленное въ стилистическія условія глаголицы (унціальнаго характера выпрямка каждой отдѣльной буквы), такъ и выходитъ ш. Эта возможность объясненія (даже очень удачнаго) глаголической буквы ш изъ греческаго курсива въ моихъ глазахъ становится самымъ важнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что ш изъ глаголической азбуки попало въ кирилловскую, а не на оборотъ, потому что въ кириллицу ш не могло бы попасть изъ греч. курсива, это стояло бы вопреки рѣзко развитому унціальному характеру кириллицы. Кто подчиняясь этимъ доказательствамъ готовъ уступить глаголицѣ первенство для буквы ш, тотъ конечно легко согласится и для ч предоставить первенство глаголическому почерку.

Въ глаголическихъ ⱋ и ⱋ я вижу, тоже въ согласіи съ И. Тэйлоромъ, монограммы буквъ т ш и ш т, только каждый разъ въ другомъ порядкѣ ⱋ = τ ш, а ⱋ = шτ. Въ начертаніи буквы ⱋ верхній изъ обоихъ поперечныхъ штриховъ вмѣстѣ съ опущеннымъ внизъ хвостикомъ представляетъ первую составную часть монограмма, т. е. греческое τ, прочія контуры буквы, въ видѣ ⊔, изображаютъ ш, средняя черта котораго могла быть пропущена потому, что часть ея изображена уже отвѣсною чертою буквы τ. Такимъ образомъ τ и ш какъ будто бы вцѣпились одно въ другое, τ сидитъ въ ш; та и другая буква въ лигатурѣ пожертвовала несущественною частью своего обыкновеннаго почерка, ш удовольствовалось фигурою ⊔, ϖ простымъ τ или ъ. Что же касается буквы ⱋ, которой сначала вѣроятно и не было (вм. ⱋ для выраженія числа 800 могли удобно употреблять ш), она представляетъ собою не что другое, какъ лигатуру ш/ϖ, только и здѣсь вм. ϖ достаточно было τ или фигуры υ.

ⰵ. Глаголическое ⰵ должно по мнѣнію проф. Гейтлера основываться на одномъ албанскомъ знакѣ, который вышелъ изъ латинскаго курсивнаго *u* (стр. 13, 84); это тѣмъ болѣе сомнительно, что и кирилловское ь по его объясненію должно бы имѣть тотъ же источникъ. Предложу другое объясненіе. Древнѣйшіе памятники глаголическаго и кирилловскаго письма, какъ извѣ-

стно, не рѣдко уже замѣняютъ ъ гласною о, несомнѣнно потому, что таково было произношеніе этого глухого звука; при сле замѣтномъ измѣненіи онъ уже переходилъ въ обыкновенное о. Поэтому вѣрнѣе всего искать близость и родство между обѣими буквами также въ начертаніи. Дѣйствительно въ кіевскихъ и пражскихъ отрывкахъ ⱏ разнится отъ э только петлею, прибавленною по серединѣ буквы въ лѣвую сторону. Для второго глухого знака (ⱐ) мы конечно не ожидали бы начертанія, связывающаго и его съ э; по пріемамъ, соблюдаемыхъ при ⱏ, мы надѣялись бы найти въ ⱐ видоизмѣненіе буквы э или ꙋ, т. е. э или ꙋ съ такою же петлею, какую мы видимъ при э для ⱏ. Но вышло иначе, т. е. основное начертаніе для глухого ⱐ (ь) оставлено то же самое какъ и для ⱏ (ъ), вся разница сосредоточена на добавочномъ элементѣ графики, т. е. вмѣсто петли явился горизонтальный штрихъ съ маленькою головкою въ концѣ, въ родѣ шапки у гвоздика. Спрашивается: если ⱏ стоитъ въ связи съ э, отчего не осталось это начертаніе какъ въ выше упомянутыхъ отрывкахъ, такъ во всѣхъ прочихъ глаголическихъ памятникахъ? отчего въ обыкновенномъ почеркѣ основною фигурою является не э, а ꙋ? На этотъ вопросъ я пока могу представить слѣдующую догадку: можетъ быть сначала разница между ⱏ и ⱐ не ограничивалась однимъ добавочнымъ элементомъ, а шла глубже, т. е. можетъ быть для ъ основаніемъ послужила буква э, а для ь буква ꙋ, потомъ же въ однихъ памятникахъ преобладалъ для обѣихъ глухихъ гласныхъ почеркъ въ основѣ напоминающій э, въ другихъ же почеркъ похожій на ꙋ.

ⱋ. Я соглашаюсь съ проф. Гейтлеромъ въ томъ, что почеркъ этой буквы представляетъ лигатуру, но составными частями ея я не считаю албанскихъ элементовъ, а глаголическія буквы ⱋ и э, та и другая въ сокращенномъ, чуть ли не въ греческомъ видѣ, т. е. отъ первой буквы взята только существенная часть ея, отброшены лишнія округлости, представляющія греческое двоеточіе, осталось ᴛ, къ этому прибавлено о, значитъ вм. полнаго э, существенная часть буквы о — обѣ эти части соединены горизонтальною чертою

(какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ глаголической графики). Проф. Гейтлеръ считаетъ съ своей точки зрѣнія соединяющимъ звеномъ среднiй, наклонный штрихъ, но противъ такимъ образомъ поясняемаго его значенія говоритъ 1° то обстоятельство, что именно этотъ штрихъ иногда протягивается внизъ подъ строку (припомнимъ себѣ низко опускающійся почеркъ буквы ⱇ въ ассем. евангеліи), и 2° тотъ фактъ, что среднiй, наклонный штрихъ этой буквы, въ древнѣйшемъ почеркѣ ея, вовсе не соприкасается съ слѣдующей частію, т. е. между ⱅ и о замѣчается маленькое свободное пространство. Сравни образцы буквы по снимкамъ на табл. III.

ⰵ. Остается глагол. буква для ѣ, которой я не умѣю объяснить. Приводить ее въ связь съ греческимъ унціальнымъ Α или Α — это еще не значитъ осмыслить ее. Мнѣ хотѣлось бы скорѣе и въ этомъ загадочномъ треугольникѣ найти монографическое начертаніе какого нибудь сочетанія двухъ знаковъ, напр. еа, но — non liquet.

12. Этотъ бѣглый обзоръ, въ которомъ я всегда обращалъ вниманіе на аргументацію автора, ясно показываетъ, сколь мало удовлетворительный результатъ даетъ предположеніе объ албанскомъ посредничествѣ. Мы могли замѣтить, что находящіяся на лицо буквы обоихъ алфавитовъ не гармонируютъ другъ съ другомъ, (о полной зависимости и говорить нечего), иныя же совершенно отсутствуютъ. Для желающаго видѣть алфавитъ албанскій въ настоящемъ видѣ по рукописямъ, въ послѣдней строкѣ таблицы III снята большая часть албанскихъ буквъ со снимковъ, приложенныхъ къ сочиненію проф. Гейтлера.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Глаголическій алфавитъ не знаетъ ни ξ, ни ψ; авторъ, постоянно разсказывающій о полной зависимости глаголическаго алфавита отъ албанскаго, глаголической орографіи отъ кирилловской, долженъ былъ обратить болѣе вниманія на то великое затрудненіе, которое представляютъ ему на его пути эти двѣ буквы. Если глаголица все заимствовала отъ албанскаго алфавита, то почему не взяла она также албанское

ξ и ψ? Конечно, чтобы выйти изъ затрудненія, авторъ принимаетъ албанское ψ за новообразованіе, а ξ устраняетъ тѣмъ, что утверждаетъ, что глаголица вышла изъ орѳографической школы, не имѣвшей для ξ никакого знака; но то и другое — голословныя предположенія, ни на чемъ не основанныя. Если же глаголица составлена, какъ насъ увѣряютъ, по образцу готовой уже кириллицы, то какъ могла она пренебречь числовымъ значеніемъ кирилловскихъ буквъ и смотрѣть на это совершенно самостоятельно, ни по-кирилловски, ни по-албански? Если порядокъ буквъ глаголическаго алфавита до соприкосновенія его съ кирилловскимъ былъ другой, т. е. по мнѣнію автора албанскій, то хотѣлось бы узнать, какое разумное основаніе могло удержать глаголицу, когда она стала вводить у себя греко-кирилловскій порядокъ буквъ, отъ того, чтобы не принять также и числовое ихъ значеніе? Ясно, что затрудненія накопляются со всѣхъ сторонъ, и албанская гипотеза ни малѣйшимъ образомъ не облегчаетъ дѣла, между тѣмъ какъ попытка, оставаться исключительно въ предѣлахъ греческаго курсивно-минускульнаго письма, судя по выше изложенному, даетъ очень удовлетворительные результаты. Не на словахъ а на дѣлѣ попытка эта, примѣнить греческіе минускулы къ глаголицѣ, впервые была сдѣлана, какъ извѣстно, И. Тэйлоромъ въ моемъ журналѣ; я постарался здѣсь исправить и дополнить ее, придать ей больше доказательности. Конечно не мое дѣло судить о томъ, на сколько это мнѣ удалось, но если сравнить тѣ средства, къ которымъ я прибѣгаю для достиженія цѣли, съ тѣми, которыя пустилъ въ ходъ проф. Гейтлеръ для проведенія своей гипотезы, то я не стѣсняюсь высказать твердое убѣжденіе, что перевѣсъ на моей сторонѣ.

---

13. Въ продолженіи этого критическаго очерка я не разъ отзывался о сочиненіи проф. Гейтлера съ большимъ уваженіемъ, которое оно вполнѣ заслуживаетъ; я продолжаю съ тѣмъ же уваженіемъ разбирать вопросъ, что могло заставить его остановиться

на албанской теоріи? Вникнувъ въ аргументацію самого сочиненія, мы найдемъ что мотивами были:

а. *Географическая точка зрѣнія.* Древнѣйшая глаголица, если не обращать вниманія на немногіе, въ моихъ глазахъ всетаки имѣющіе величайшее значеніе, памятники, указываетъ преимущественно на Македонію; по этому и является мысль, что въ этой именно землѣ или по крайней мѣрѣ въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ, нужно искать первыхъ поводовъ къ появленію глагол. алфавита. Эта мысль, естественная сама по себѣ, получаетъ еще нѣкоторую поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что оба славянскихъ апостола происходятъ изъ Солуни, слѣдовательно, могли знать кое-что изъ мѣстной жизни славянъ западной Македоніи, стало быть и о письменности, если таковая дѣйствительно существовала. Проф. Гейтлеръ однакожъ возстаетъ противъ авторства Кирилла, по отношенію къ глаголицѣ. Онъ допускаетъ только, что глаголица «прозябала» самымъ незначительнымъ образомъ въ «наиболѣе внутреннихъ областяхъ западной Македоніи», одинаково употребляемая какъ албанцами, такъ и славянами, но что геніальный Константинъ-Кириллъ вовсе и неподозрѣвалъ о существованіи ея. Когда же Климентъ и его товарищи, послѣ извѣстнаго разгрома въ Панноніи, спаслись бѣгствомъ въ Болгарію и Македонію—(исключительно-ли только туда?)—тогда только глаголицѣ пришлось, по мнѣнію Гейтлера, праздновать свое собственное рожденіе. Вѣроятно-ли это? Неужели славянская литургія, въ которой не такъ легко было отдѣлить форму отъ содержанія,— а мы знаемъ изъ «цивилизованнаго» XIX столѣтія, какое «религіозное» значеніе придается буквамъ — дѣйствительно имѣла въ себѣ такъ мало силы, такъ мало внѣшняго авторитета, что въ Македоніи передъ глазами учениковъ, даже при ихъ содѣйствіи, можно было устранить существенную ея часть, т. е. первоучителями завѣщанную азбуку? Не говоря уже о томъ, что послѣ того, какъ уже существовала по мнѣнію проф. Гейтлера кириллица, дѣйствительно трудно понять введеніе новаго письма, сильно уступающаго ему въ простотѣ формъ и конечно въ распростра-

ненности. Не должна-ли была эта новая затѣя придти въ столкновеніе съ настоящимъ дѣломъ, совершеннымъ уже Кирилломъ? Я не могу себѣ представить, какимъ образомъ этотъ второй, не поддерживаемый никакимъ авторитетомъ, алфавитъ, который по мнѣнію нашего автора долгое время прозябалъ незамѣчаемый и не обращалъ на себя никакого вниманія, теперь сразу, существеннымъ образомъ переработанный (можно сказать, до неузнаваемости), могъ вступить въ положительную борьбу съ дѣломъ Кирилла, которое пользовалось громкой славой? какъ ему удалось распространиться не только по всей Македоніи, но проникнуть и въ гораздо болѣе отдаленныя области: въ Далмацію, Боснію, Хорватію, Истрію, на острова Адріатическаго моря, даже еще сѣвернѣе въ предѣлы древней Моравіи! Если для распространенія его по Македоніи существовали мѣстныя условія (по мнѣнію автора, предшествовавшее употребленіе албанскаго алфавита), то совершенно не доставало ихъ для другихъ упомянутыхъ странъ.

Совершенно иначе представится дѣло, если начать съ глаголическаго алфавита, если допустить, что онъ, а не нынѣшній кирилловскій, перешелъ изъ Моравіи и Панноніи на югъ, и, какъ я имѣю право утверждать на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ, особенно кіевскихъ и пражскихъ отрывковъ,—въ готовой формѣ, снабженный уже всѣми знаками. Въ такомъ случаѣ мы понимаемъ, что онъ продолжалъ здѣсь свою жизнь и нашелъ безпрепятственное распространеніе по всему юго-западу.—Но на востокѣ совершался какъ разъ въ это время важный актъ въ духовной жизни болгаръ. Гречески образованный царь Симеонъ наслѣдовалъ престолъ послѣ отца; воспитанный въ Константинополѣ, находившійся въ перепискѣ съ константинопольскими учеными, какъ Птоломей наполнявшій свой дворецъ книгами—онъ могъ своимъ авторитетомъ дать иное направленіе и славянской письменности. Онъ и его приближенные, сочувствовавшіе его взглядамъ и вкусамъ, многочисленные сотрудники, поддерживавшіе его стремленія пересадить на болгарскую почву разныя произведенія визан-

тійской духовной и ученой литературы—всѣ они могли чувствовать, что замысловатый глаголическій почеркъ является значительной помѣхою ихъ планамъ, потому что черезъ-чуръ сложный графическій характеръ слишкомъ далеко отступаетъ отъ обыкновеннаго греческаго письма; въ особенности же они могли воображать себѣ, что глаголица также мало соотвѣтствуетъ большимъ литургическимъ кодексамъ, какъ и въ греческомъ письмѣ минускулы вмѣсто литургическихъ унціаловъ. А такъ какъ теперь впервые внѣшнія обстоятельства начали благопріятствовать славянской литургіи—вѣдь въ Моравіи и Панноніи она была еле-еле терпима—, то понятное дѣло, теперь только впервые можно было обратить вниманіе на болѣе богатую, торжественную обстановку богослуженія, теперь только могли являться раскошные литургическіе кодексы. Для нихъ-то по крайней мѣрѣ считалось необходимымъ вмѣсто глаголическаго алфавита, стоявшаго наравнѣ съ греческимъ минускульнымъ, ввести почеркъ письма, который соотвѣтствовалъ бы греческому литургическому унціальному. Это и есть наша нынѣшняя кириллица, которая сначала вѣроятно находилась въ такомъ же отношеніи къ глаголицѣ, какъ въ греческой письменности какой нибудь унціальный кодексъ къ курсивно-минускульному, пока вскорѣ кириллица практичностью своею и главнымъ образомъ своею тѣсною зависимостью отъ греческаго письма (всѣмъ грамотнымъ тогдашняго времени хорошо знакомаго) взяла верхъ для всѣхъ рукописей безъ различія. Гдѣ и въ какое время могъ произойти этотъ поворотъ? Мнѣ кажется, что для этого явленія нѣтъ другого болѣе благопріятнаго мѣста и времени, какъ Болгарія симеоновской эпохи.

Исторія не передала намъ имени человѣка или людей, которые непосредственно въ этомъ дѣлѣ участвовали. Они совершили, конечно, полезное, но въ сущности вовсе не трудное дѣло. Взяты были обыкновенные унціалы IX вѣка, и не достающія буквы, поскольку ихъ нельзя было получить посредствомъ легкаго видоизмѣненія того же алфавита, дополнены изъ глаголицы, только типы, заимствованные изъ глаголицы, упрощены были снятіемъ

орнаментальныхъ придѣлокъ и передѣланы въ стилѣ греческихъ унціаловъ. Скажемъ нѣсколько словъ и о нихъ.

ѕ буква греческаго происхожденія, ее можно найти еще въ рукописяхъ IX вѣка, рядомъ съ ѕ, на таблицѣ III снятъ образецъ этой буквы изъ порфиріевской псалтыри 862 года. Итакъ достаточно было воспользоваться этимъ совмѣстнымъ существованіемъ двухъ почерковъ одной и той же греческой буквы для особенной цѣли.

ѧ, ѫ. Для этихъ знаковъ по чему-то не хотѣли положить въ основаніе готовыя глаголическія буквы; потому ли, что въ болгарскомъ языкѣ уже тогда не существовало носового произношенія, не знаю,—словомъ, предпочли сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ одномъ гласномъ знакѣ; избрали для этого, какъ кажется, главную а, можетъ быть просто потому, что для обозначенія вокаловъ естественно было остановиться на одномъ изъ существовавшихъ уже знаковъ для нихъ, а знакъ а былъ первый на очереди. Болгарское произношеніе вокала ѫ конечно уже тогда было очень близко къ а, такъ что уже эта близость могла указывать на а; но я не смѣю придавать этому обстоятельству большое значеніе, потому что къ а ближе подходитъ начертаніе буквы ѧ, чѣмъ буквы ѫ, а произношеніе буквы ѧ уже никакъ не напоминало а. Можно, конечно, думать и о глаголическомъ ⰰ, только я не умѣю себѣ объяснить, какъ произошла въ такомъ случаѣ перемѣна звукового значенія буквъ глаголической и кирилловской.

ь, ъ, ѣ. Эти буквы имѣютъ между собою много общаго; они обнаруживаютъ тѣсную связь не по звуковому качеству, а по формальному составу, т. е. правдоподобно предположить, что они обязаны своимъ существованіемъ соображенію одного лица, сосредоточившаго свое вниманіе на нихъ такъ сказать однимъ моментомъ мысли. Я не могу сочувствовать сопоставленію кирилловскаго ѣ съ греческимъ минускильнымъ знакомъ буквы є, это объясненіе, предлагаемое проф. Гейтлеромъ, мало вѣроятно уже потому, что кириллица не брала образцовъ съ минускульнаго алфавита. Точно также я долженъ назвать довольно смѣлымъ объясненіе

кирилловскихъ буквъ ъ, ь прямо изъ того глаголическаго влѣво наклоненнаго значка, которой встрѣчается на башской надписи, только въ двухъ послѣднихъ строкахъ, всего четыре раза (въ значеніи ъ, ь, ы, о).

Намъ, вѣроятно, никогда не удастся разрѣшить всѣ загадки, которыя представляетъ происхожденіе славянскаго алфавита — такъ можетъ быть и въ трехъ упомянутыхъ знакахъ обнаружился только произволъ перваго составителя; можетъ быть онъ, поставивъ ѧ и ж въ связь съ первой буквой алфавита, съ а, для остальныхъ гласныхъ звуковъ, которые еще нужно было закрѣпить, совершенно произвольно избралъ тотчасъ же слѣдующую букву б или в за модель, для того чтобы на ея основаніи или пьедесталѣ ь совершить различныя видоизмѣненія, и такимъ образомъ составилъ изъ этого ъ, ь, ѣ. Обѣ буквы ъ и ь я не прочь бы сопостовить съ глаголическими в и в, т. е. считать ихъ такой же передѣлкою изъ глаголическаго в, в, какъ ѵ изъ ѵ. Но какъ объяснить ѣ?

Знаки ж, ѵ, ц, щ съ моей точки зрѣнія могли бы быть передѣланные глаголическіе.

6. *Палеографическая точка зрѣнія.* При попыткѣ объяснить глаголическую букву м, о которой рѣчь будетъ ниже, и которая должна бы состоять изъ албанской комбинаціи d + š, авторъ говоритъ такимъ образомъ: «ясно, что такая комбинація вполнѣ соотвѣтствуетъ духу албанскаго письма и языка и не могла выйти изъ славянской головы»; точно также при объясненіи глаголическаго ь сказано: «ни одинъ языкъ не можетъ объяснить употребленія *т* какъ *b* такъ естественно, какъ албанскій. Хотя бы мы и были въ состояніи вывести глаголицу прямо изъ греческаго и римскаго матерьяла, но къ славянамъ она могла придти только при албанскомъ посредствѣ». Въ этихъ словахъ отзывается принципъ, которымъ, если бы онъ былъ вѣренъ, весь вопросъ, естественно, съ самаго начала былъ бы поставленъ въ очень узкую и опредѣленную рамку. Но да будетъ намъ позволено спросить, почему принципъ выражать славянское Ь или какой-нибудь

шипящій звукъ и т. п. посредствомъ комбинаціи, монографической связи двухъ знаковъ, *не* могъ выйти изъ славянской, или еще лучше греческой головы? Гдѣ же доказательства того, что на это средство смѣютъ заявлять притязаніе исключительно албанцы? Глубокая древность албанскаго алфавита остается еще открытымъ вопросомъ; палеографическій характеръ его не подкрѣпляетъ предположенія, что онъ древняго происхожденія. На сколько можно вѣрить «полной зависимости глаголицы отъ ея первоисточника» — въ этомъ мы имѣли случай уже убѣдиться; авторъ самъ принужденъ сознаться, что она *«изрѣдка»* все-таки составляла «самостоятельныя начертанія и новыя сочетанія». Слово «изрѣдка», впрочемъ случайно вырвалось у автора (стр. 111), въ другихъ случаяхъ онъ разсуждаетъ гораздо рѣшительнѣе и высказываетъ положенія въ родѣ тѣхъ, которыя я приводилъ выше, чтобы возражать противъ нихъ.

Какъ уже мною замѣчено, предположеніе, допущенное авторомъ только по отношенію къ албанскому алфавиту, было раньше его примѣнено Исаакомъ Тэйлоромъ къ глаголическимъ письменамъ. Конечно, въ статьѣ Тэйлора эта идея изложена нѣсколько бѣгло, но я не вижу принципіальныхъ препятствій примѣненію ея къ греческому курсиву для обозначенія славянскихъ звуковъ. Какъ извѣстно, греческое курсивно-минускульное письмо именно тѣмъ и отличается отъ унціальнаго, что легко связываетъ буквы въ монографическія начертанія. Спрашивается, почему только какой нибудь албанецъ могъ воспользоваться этой способностью греческаго курсива для передачи своихъ, греческому языку непривычныхъ звуковъ посредствомъ лигатуръ, а грекъ знающій по славянски, или наоборотъ славянинъ знающій по гречески, не могъ этого сдѣлать? Неужели греки научились только отъ албанцевъ передачѣ латинскаго b посредствомъ звуковой комбинаціи μβ и μπ? Если нѣтъ, то отъ составителя славянскаго алфавита естественно ожидать, что онъ до передачи славянскаго ⰱ = лит. b посредствомъ комбинаціи знаковъ μβ додумался и безъ албанскаго посредничества.

Здѣсь я хочу коснуться объясненія знака ⰼ, которое проф. Гейтлеръ прямо признаетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ своей теоріи (стр. 111). Онъ полагаетъ, что глаголическое ⰼ не что другое, какъ связь, лигатура, двухъ албанскихъ буквъ ʌ = d и ⱎ = š. Эта попытка объясненія подкупаетъ только на первый взглядъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи возникаютъ противъ ея вѣрности сильныя сомнѣнія. Прежде всего и самое главное — звуковое значеніе знака ⰼ никогда не было dš или dž, а ђ, т. е. очень нѣжно смягченное g, или лучше d, такъ какъ артикуляція согласной g вслѣдствіе смягченія придвигается къ переднему нёбу, т. е. къ d; потомъ, какъ извѣстно, употребленіе глаголической буквы ⰼ и въ древнѣйшихъ памятникахъ и еще позднѣе, было сильно ограничено: оно употреблялось исключительно въ иностранныхъ словахъ. По этому нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности, чтобы этотъ знакъ вышелъ изъ сочетанія dž. Я предложу другое объясненіе, которое считаю болѣе естественнымъ уже потому, что оно вполнѣ совпадаетъ съ фактическимъ употребленіемъ этого знака, т. е. я утверждаю, что ⰼ стоитъ въ связи какъ въ звуковомъ отношеніи съ греческимъ γ (передъ ε—ι—гласными), такъ въ графическомъ съ лигатурою минускульнаго письма γι. «Полная тожественность» глаголической буквы съ матерьяломъ албанскаго алфавита только тогда была бы нѣсколько правдоподобна, если бы глаголическій алфавитъ самостоятельно употреблялъ ʌ какъ d и ⱎ какъ š, чего, какъ извѣстно, нѣтъ. Или если бы предлагаемый «албанскій» знакъ по крайней мѣрѣ въ албанскомъ письмѣ существовалъ, но и тамъ его нѣтъ. Проф. Гейтлеръ предполагаетъ только, что онъ принадлежалъ одной «бывшей, но исчезнувшей школѣ письма»! Какъ просто и естественно, въ сравненіи съ такими гипотезами, видѣть въ глаголическомъ ⰼ не что другое, какъ соединеніе греческаго γ со слѣдующимъ за нимъ ι, ⰼ = γι, въ томъ видѣ, въ какомъ обыкновенно связываются обѣ эти буквы въ минускульныхъ рукописяхъ IX и слѣд. ст.! Выдающаяся верхушка есть греческое ι, которое именно въ рукописяхъ этого времени выдвигается надъ

строкой въ соединеніи съ γ, только къ верхнему концу этой верхушки присоединяется обычное въ глаголическомъ стилѣ закругленіе. Въ передней части глаголической буквы не трудно найти греческое γ (ср. примѣры у Montfaucona 271, у Саввы на табл. 6, Wattenbach Schrifttafeln Nr. 9, 28, 29, 30; Wattenbach et Velsen Tab. III и IV, Палеографическое описаніе Амфилохія I, таб. V, XI, XII, XVI, XVII, The palaeographical Society табл. Nr. 107, saec. 8-vo, Nr. 129, saec. 10-mo и т. д).

Проф. Гейтлеръ, кажется, напалъ на теорію о албанскомъ посредничествѣ еще благодаря и тому, что въ глаголическомъ письмѣ находитъ римскій курсивъ. На это были указанія уже со стороны другихъ ученыхъ, напр. Louis Leger (Cyrille et Method, Paris 1868, стр. 222—223).—Дѣйствительно немудрено было сопоставлять, напр., ⱑ съ латинскимъ v, и т. д. Я ни малѣйшимъ образомъ не хочу умалить этимъ заслугу нашего автора; вскользь брошенная мысль никогда не можетъ сдѣлать излишнимъ систематически изложеннаго и проведеннаго объясненія. Но далеко-ли можно уйти съ римскимъ курсивомъ? Какіе знаки глаголическаго алфавита указываютъ непремѣнно на римскій курсивъ? Такихъ вовсе нѣтъ. По изслѣдованію профессора Гейтлера, римскаго происхожденія: ⰰ, ⱑ, ⰵ, ⰶ, ⰸ, ⱃ, ⰼ, ⰵ, ⰳ, ⰴ, ⱉ, ⱐ. При всѣхъ этихъ знакахъ я старался въ предыдущемъ изложеніи доказать возможность объясненія изъ греческаго курсивно-минускульнаго письма, въ чемъ отчасти сознается и самъ авторъ; ср. его оговорки при ⰸ (стр. 81), при ⱑ (стр. 131), при ⱃ (стр. 123), при ⰵ (стр. 75), при ⱉ (стр. 113), даже при ⰰ (стр. 91).

Даже такія буквы, какъ ⰳ и ⱐ, которыя на первый взглядъ очень сильно напоминаютъ латинскіе типы, по моему могутъ быть безъ натяжекъ объяснены изъ среды того алфавита, который, какъ мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, всецѣло легъ въ основаніе нашей глаголицы. Да хоть бы и сдѣлать ту уступку, что обѣ упомянутыя буквы римскаго происхожденія, едва ли онѣ достаточны для того, чтобы на нихъ основывать такъ часто

повторяемое положеніе, что глаголическій алфавитъ при посредствѣ албанскаго «главнымъ образомъ» бралъ римскій матеріалъ (стр. 123). Аргументація автора подрываетъ обѣ части его теоріи: какъ для того, чтобы получить возможность ссылаться на албанскій алфавитъ, онъ долженъ предполагать много школъ писцовъ, различныя потери въ знакахъ или измѣненія въ формѣ и въ звуковомъ значеніи,—такъ для того, чтобы сильнѣе выдвинуть римскій курсивъ, онъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе говорить о возрастающемъ на него вліяніи греческихъ минускуловъ, о подчиненіи римской глаголицы греческимъ пріемамъ письма, о постепенномъ исчезновеніи ненужныхъ курсивныхъ разновидностей у албанцевъ, о многознаменательныхъ измѣненіяхъ, придавшихъ многимъ латинскимъ буквамъ греческій видъ, благодаря почеркамъ албанскихъ и глаголическихъ писцовъ, и т. д. Все это варьяціи на одну и туже тему, которыя, можетъ быть, пріятно читаются, но рѣшительно не могутъ прикрыть своей внутренней безсодержательности. Хотя авторъ не унываетъ, невозможное сдѣлать возможнымъ, дуализмъ глаголическаго алфавита при его албанской теоріи остается въ полной силѣ; остается, говоря словами автора, «тѣсное соприкосновеніе и взаимное проникновеніе латинскихъ и греческихъ элементовъ».

Мое объясненіе устраняетъ необходимость такого дуализма; еще очень недавно (въ отзывѣ напечатанномъ въ моемъ журналѣ VII стр. 444—479) и я былъ склоненъ думать, что мы дѣйствительно не обойдемся безъ участія римскаго элемента, теперь я отказываюсь отъ прежняго сомнѣнія и колебанія и прямо заявляю, что глаголица—письмо исключительно греческое, курсивно-минускульное, безъ участія какихъ бы ни было восточныхъ, и въ то же время римскихъ элементовъ.

в. Названіе буквъ. Я не думаю, что сдѣлаю ошибку, если наименованію буквъ въ смыслѣ автора придамъ большое значеніе. Онъ разсуждаетъ о славянскомъ названіи буквъ слѣдующимъ образомъ: «наше преданіе о славянскомъ названіи буквъ есть образецъ безпорядочности и неудобства, для чего напрасно

искали бы что-нибудь сходное въ палеографіи (?). Славянскія слова возлѣ завѣдомо неславянскихъ, неграмматическія формы которыхъ даже позднѣйшая традиція не устраняетъ (имена, косвенные падежи, повелит. накл., частицы) и на ряду съ ними названія какъ *ша* и *ща*, которыя вовсе не нарицательнаго характера, все такъ пестро переплелось между собою, что съ отчаянія хотѣли выяснять ихъ изъ названія рунъ. Весь этотъ неорганическій составъ служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ полной зависимости отъ совершенно чуждыхъ образцовъ, а также ихъ совершенно естественнаго тихаго перехода къ писцамъ-славянамъ, при чемъ напрашивавшаяся почти сама собою славизація то удавалась, то не удавалась, иногда даже совсѣмъ оказывалась невозможною» (стр. 172). Приговоръ, нечего говорить, очень строгій и только тогда справедливый, если названія въ другихъ алфавитахъ сложились лучше, чего я не могъ бы утверждать ни о греческомъ по отношенію къ финикійскому, ни о латинскомъ по отношенію къ греческому. Непослѣдовательности вѣдь встрѣчаются въ греческомъ названіи буквъ такъ же, какъ и въ латинскомъ, при чемъ мы не имѣемъ права сказать, что у грековъ исключительно въ этомъ виноваты финикійцы, а у римлянъ греки. Проф. Гейтлеръ, который и здѣсь опять заводитъ рѣчь о полной зависимости македонскихъ славянъ отъ албанцевъ, объявляетъ названія *ша ща* заимствованіями изъ албанскаго алфавита единственно на томъ основаніи, что они идутъ вразрѣзъ съ нарицательнымъ принципомъ славянскихъ названій, замѣчаемымъ въ большинствѣ примѣровъ, — какъ будто всѣ наименованія непремѣнно должны быть выводимы изъ какихъ либо нарицательныхъ именъ.

Но несравненно смѣлѣе дальнѣйшій шагъ, который онъ дѣлаетъ. По его мнѣнію названія, въ родѣ буки, вѣдѣ, глаголъ, добро и т. д. только на видъ славянскія, а въ сущности и здѣсь подъ народно-этимологической славизаціей скрывается настоящее — албанское слово! Наше азъ есть албанское as «non», наше буки алб. bukẹ хлѣбъ, наше вѣдѣ алб. vjetẹ годъ, наше

людіе алб. lulea труба (ср. сербск. lula), наше мыслите алб. meselete выдумки, басни, наше земля алб. θemeli и т. д. Все это для автора ясно какъ день, несмотря на то что эти мнимыя «древнѣйшія» албанскія наименованія всѣ (за исключеніемъ одного as, которое однакоже означаетъ лигатуру ας) имъ самимъ впервые выдуманы, т. е. это сдѣлано такъ: въ албанскомъ словарѣ подысканы разныя слова, нѣсколько напоминающія славянскія названія буквъ и тѣ провозглашены настоящими а славянскія только кажущимися названіями! Иногда, конечно, нельзя было подыскать одинаково звучащаго албанскаго слова, въ такомъ случаѣ о происхожденіи славянскаго названія просто умалчивается, такъ напр. слова глаголь, добро, живѣте, зѣло, слово, остались безъ указанія ихъ «албанскихъ» источниковъ. Благодаря такому пріему авторъ не затрудняется объяснить непонятныя выраженія фрътъ=алб. forte сильный, хѣръ = алб. ghjere широкій и укъ = алб. uk волкъ! — Чтобы считать такого рода объясненія не простою шуткою, надо бы прежде убѣдить насъ, во 1-хъ что алфавитъ албанскій дѣйствительно старъ, даже старше глаголическаго, и во 2-хъ что въ немъ были точно тѣ названія буквъ, которыя проф. Гейтлеръ собралъ, порывшись по албанскимъ словарямъ. Пока же это не сдѣлано, до тѣхъ поръ эту затѣю проф. Гейтлера нельзя и считать серьёзною. Вѣдь съ такимъ же правомъ я могъ бы утверждать, что фрътъ или фортъ, у Бандури φερωτ, стоитъ въ связи съ греч. φόρτος тяжесть, бремя (это названіе можно бы даже предпочесть безцвѣтному «сильный»), что хѣръ съ греческаго χείρ рука (названіе буквы пишется также хыръ, хиръ: chyr, hir), и укъ съ οὐκ не. И такъ пока не будутъ доказаны для албанскаго алфавита по крайней мѣрѣ столь же древнія названія буквъ, какъ они установлены для глаголическаго въ Abecenarium bulgaricum и въ греческомъ анонимѣ у Бандури (ср. Archiv IV, 310--311), до тѣхъ поръ сознаніе настоящихъ интересовъ научнаго изслѣдованія совѣтуетъ намъ такихъ вопросовъ не затрогивать.

14. Скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, какъ повліяла

албанская теорія автора на оцѣнку собраннаго имъ великолѣпнаго палеографическаго матеріала.

Коль скоро «албанская» теорія въ глазахъ автора получила первенствующее значеніе, то ея логикѣ должны были подчиниться всѣ древнѣйшіе глаголическіе и кирилловскіе памятники. Послѣ того не удивительно, если палеографическая оцѣнка отдѣльныхъ явленій этихъ памятниковъ выходитъ изъ предѣловъ, намѣченныхъ безпристрастнымъ изслѣдованіемъ, если самые памятники поставлены въ ложное положеніе. Я нахожу въ сочиненіи проф. Гейтлера то недоказанныя, то прямо невѣрныя предположенія, которыхъ послѣднюю причину должно искать въ самой теоріи. Укажемъ на нѣкоторыя.

На основаніи теоріи должно было отдать преимущество однажды перечеркнутому глаголическому э передъ дважды перечеркнутымъ, несмотря на то, что памятники говорятъ противное и стоятъ за обратный порядокъ.

Поискъ за албанскими элементами въ глаголическомъ алфавитѣ привелъ автора къ цѣлой теоріи о іотаціи въ славянскихъ алфавитахъ, которая построена собственно говоря — на одной мною впервые замѣченной кавычкѣ, пападающейся нѣсколько разъ при буквѣ є въ зографскомъ и маріинскомъ евангеліяхъ. Мое объясненіе того, какой смыслъ могла бы представлять эта кавычка, авторъ называетъ неправильнымъ; я ставлю букву є снабженную упомянутой кавычкою въ связь съ кирилловскимъ ѫ древне-болгарскихъ памятниковъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это ѫ не на своемъ мѣстѣ, а замѣняетъ обыкновенное и ожидаемое ꙑ. Что мое объясненіе вѣрно, это доказываютъ нѣкоторые новые примѣры и свидѣтельства изъ маріинскаго евангелія, собранныя на стр. 417 моего изданія. Для того же, чтобы въ упомянутой кавычкѣ усмотрѣть съ Гейтлеромъ древнѣйшій способъ графической передачи іотованнаго є, желательно, что бы это є съ кавычкою являлось не исключительно только въ одной точно опредѣленной формѣ, т. е. въ причастіи наст. врем, гдѣ именно іотованнаго є не нужно. Я полагаю, что уже эта тѣсно ограни-

ченная область употребленія буквы є съ кавычкою должна была внушить автору осторожность;—но такъ какъ у него теорія стоитъ выше всего[1]), то она заставляетъ его въ этомъ знакѣ видѣть «сверхкомплектный остатокъ древнѣйшаго времени».

Излагая свои соображенія о глаголическомъ ⱉ (ω), авторъ отчасти былъ введенъ въ заблужденіе литографическимъ изданіемъ евангелія отъ Луки маріинскаго кодекса (стр. 78—79), которое отнюдь нельзя назвать точнымъ; я прошу обратить вниманіе на замѣчаніе на стр. 422 моего изданія маріинскаго евангелія.

Бросающаяся въ глаза подстрочная длина буквы ⱋ въ ассемановомъ евангеліи авторомъ принимается за единственный остатокъ первоначальнаго правильнаго начертанія. Такъ какъ я вообще не могу принять закругленіе, доведенное до крайности въ почеркѣ письма ассеманова евангелія, за первоначальную исходную точку глаголическаго письма, то я и удлиненіе отвѣсной черты у этой буквы не считаю первоначальнымъ, а вызваннымъ сильнымъ развитіемъ округлостей, которыя такъ сполна заняли обыкновенную высоту строки, что для отвѣсной черты не оставалось никакого другого мѣста, какъ въ продолженіи подъ строкой.

Гипотеза автора о томъ, что сначала ь былъ единственный знакъ для передачи обѣихъ полугласныхъ, противорѣчитъ какъ находящимся въ древнѣйшихъ памятникахъ фактамъ, такъ и идеѣ о происхожденіи славянскаго алфавита. Конечно, если отнести установленіе обоихъ знаковъ для полугласныхъ къ столь позднему времени, какъ это повидимому авторъ дѣлаетъ, указывая на Македонію временъ Климента, то надо отдать ему справедливость, когда онъ находитъ страннымъ, что различіе между ъ и ь проведено въ томъ языкѣ, который скорѣе «склонялся къ тому,

1) Мнимый примѣръ этого знака, въ за ния маріинскаго евангелія, который авторъ, какъ думаетъ, открылъ въ снимкѣ Срезневскаго, есть ничто иное, какъ нѣсколько грубо выведенное є. Я внимательно разсматривалъ это мѣсто въ оригиналѣ и на дѣлѣ не нашелъ тамъ ничего болѣе какъ є.

чтобы допустить совпаденіе двухъ и безъ того сходныхъ звуковъ въ одномъ». Но мы видимъ какъ разъ противоположное: именно древнѣйшіе памятники глаголической письменности, напр. кіевскіе отрывки, зографское евангеліе, Glagolita Clozianus, соблюдаютъ различіе довольно строго, что указываетъ на такую область языка, гдѣ имѣлось больше чутья для такихъ тонкостей, чѣмъ въ области Болгаріи и Македоніи, или также Босніи, Далмаціи и Хорватіи. Это различіе, какъ извѣстно, и теперь еще развито въ восточныхъ и сѣверо-западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ совершенно иныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ южно-славянскихъ; а такъ какъ мы теперь уже не удивляемся живучести различныхъ физіологическихъ чертъ въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, то естественно предположить, что точнымъ различіемъ между ъ и ь (ⰿ и ⰿ) отличались именно памятники древнѣйшей панноославянской школы, и что позднѣйшихъ южнославянскихъ переписчиковъ стоило много усилій поддерживать эту фонетическую тонкость. Авторъ слѣдитъ съ похвальнымъ усердіемъ за проявленіемъ отдѣльныхъ случаевъ его «первоначальнаго» ь, но если онъ указываетъ также на одно мѣсто въ маріинскомъ евангеліи (стр. 84), то я долженъ лишить его этого удовольствія и сослаться на стр. 262 моего изданія.

Я уже говорилъ о большой невѣроятности, заключающейся въ томъ, чтобы читать на одной изъ надписей острова Кърка ⰻ как ы; авторъ придаетъ единственному и въ высшей степени проблематическому примѣру такъ много значенія, что въ силу его не затрудняется обыкновенной круглой глаголицѣ присвоить «утерявшійся» знакъ ⰻ! Онъ говоритъ: «на этотъ разъ авторитетъ древнѣйшей болгарской глаголицы, имѣющей обыкновенно рѣшающій голосъ, долженъ уступить болѣе древнимъ свидѣтельствамъ, такъ какъ и она уже утратила этотъ знакъ». Эти «болѣе древнія» свидѣтельства суть: a) албанскій знакъ, который существуетъ только въ воображеніи автора; b) примѣръ на надписи остр. Кърка, который, какъ я выше сказалъ, должно читать не опатъı, но опатъ ı, такимъ образомъ и этотъ примѣръ, строго говоря, не существуетъ;

c) кирилловское ъı, относительно котораго надо бы прежде доказать, что оно существовало до глаголической комбинаціи ·вт·. Но авторъ съ такой же увѣренностью изъ одного ложнаго умозаключенія выводитъ еще и другое: «такъ какъ болгарская глаголица покинула употребленіе ı, то оно исчезло и въ соединеніи ·вı»·.

На стр. 95 придается нѣкоторое значеніе особому начертанію ѣ въ словахъ Григорія богослова. Я провѣрилъ всѣ проф. Будиловичемъ приведенныя мѣста и могу установить тотъ фактъ, что во всѣхъ до одного первоначально было написано а (слѣды первоначальнаго кирилловскаго а очень ясны 87[c], 159[d], 196[d], 357[a]), но писецъ замѣтилъ ошибку и, сдѣлавъ лѣвую первоначально тонко выведенную часть а толстой, для того, чтобы получить чрезъ это основаніе для ѣ, онъ провелъ на верхнемъ концѣ буквы обыкновенную у ѣ поперечную черту. Такъ и 46[c] написано было вьса, а должно было стоять вьсѣ: писецъ замѣтилъ ошибку и протянулъ на вершинѣ буквы а обыкновенную поперечную черту. Изъ этого видно, что «особыя» начертанія буквы ѣ въ словахъ Григорія для палеографіи не имѣютъ ни малѣйшаго значенія.

Авторъ нѣсколько разъ говоритъ о знакѣ ·ѧ (стр. 94, 97), онъ желалъ бы отнести его къ времени какъ можно болѣе раннему, несмотря на то, что памятники рѣшительно говорятъ противъ этого. «Что могло побудить писцовъ XII—XIII вѣка къ изобрѣтенію новаго знака для носового звука, послѣ того какъ предшествовавшій долгій періодъ усиленнаго орѳографическаго развитія оставилъ имъ въ наслѣдство даже нѣсколько пригодныхъ знаковъ для носовыхъ звуковъ»? Вопросъ совершенно вѣрный и основательный, если бы дѣло шло дѣйствительно объ изобрѣтеніи новаго знака. Но я долженъ рѣшительно это отвергнуть. Не новый знакъ явился, но модификація обыкновеннаго ж, обусловленная измѣненнымъ почеркомъ кирилловскаго письма XIV вѣка. Давно уже извѣстно, что въ кирилловскомъ письмѣ XIII—XIV—XV ст. поперечныя черты у отдѣльныхъ буквъ какъ и различныя узло-

выя точки изъ середины строки (подъ строкой я разумѣю здѣсь обыкновенный уровень буквъ) подвинулись къ верхнему концу буквъ. Этотъ графическій пріемъ почерковъ XIII—XIV в. отразился на многихъ буквахъ, напр. на н, н, ж, к, между ними также на ж и ѫ. Послѣднія двѣ буквы вслѣдствіе подвинутыхъ вверхъ поперечныхъ чертъ или точекъ сошлись столь близко, что читатель иногда поставленъ въ затруднительное положеніе, считать ли начертаніе буквою ѫ или буквою ж. Такимъ образомъ возлѣ ж съ ясной петлеобразной головкой вслѣдствіе возвышенія узловой точки развился другой, снабженный узелкомъ на самомъ концѣ, на головкѣ, знакъ ѫ, который съ тѣхъ поръ былъ употребляемъ рядомъ съ ж. Такимъ образомъ словамъ: «распространенное употребленіе ѫ съ XIV ст. есть ничто иное, какъ возвращеніе къ жизни уже полузабытаго знака», противорѣчатъ факты въ существующихъ памятникахъ. Существованіемъ двухъ знаковъ въ памятникахъ такъ называемой среднеболгарской редакціи воспользовалась графика румынская для обозначенія двухъ различныхъ звуковъ своего языка.

Невѣрное представленіе о томъ, что глаголическая ороографія шла на привязи кирилловской, ставитъ изслѣдователя въ величайшія затрудненія, когда должно объяснить развитіе іотаціи въ кирилловскихъ памятникахъ, напр. употребленіе ѣ вмѣсто ꙗ. Справедливо, конечно, замѣчаетъ авторъ, что ꙗ, ѥ, ѩ, ѭ въ кириллицѣ новообразованія; еще до сихъ поръ сохранились иные очень древніе памятники, или вовсе не употребляющіе этихъ знаковъ, или же употребляющіе нѣкоторые изъ нихъ, но очень рѣдко, между тѣмъ какъ ю является вездѣ, даже тамъ, гдѣ иначе нѣтъ никакого іотованнаго вокала, напр. въ замѣчательномъ отрывкѣ Ундольскаго. Такъ какъ мы ни одного глаголическаго памятника (рѣчь здѣсь идетъ о древнѣйшихъ) не встрѣчаемъ безъ ⰵ, то должно бы и въ кирилловскихъ вездѣ находиться ѭ. Упомянутый отрывокъ Ундольскаго, кажется, противорѣчитъ этому, но заслуживаетъ полнаго вниманія то обстоятельство, что въ хиландарскомъ отрывкѣ, въ савиной книгѣ и т. д., гдѣ ѥ употребляется

только изрѣдка, ꙗ также не очень часто, ѩ попадается уже довольно правильно. Поэтому, идя по слѣдамъ памятниковъ, можно кажется возлѣ ю отмѣтить ѩ какъ первый шагъ къ дальнѣйшему развитію іотаціи; этотъ знакъ во всякомъ случаѣ уже существовалъ въ то время, когда ꙗ еще не употреблялось. Послѣ ю, ѩ, явилось сначала ѭ, потомъ ѥ, и наконецъ уже ꙗ, вмѣсто котораго прежде употреблялось то ѧ (при ѫ), то ѫ (при ѧ).

Какъ иначе объяснить это постепенное появленіе іотованныхъ гласныхъ, если не предположеніемъ, что кирилловскіе памятники мало по малу освобождались отъ глаголической орѳографіи, которая точно такъ же вовсе не имѣла ꙗ, ѥ, и сначала ѭ не различала отъ ѫ. Только допуская вліяніе пріемовъ глаголической орѳографіи на развитіе кирилловскаго правописанія становится понятнымъ, почему еще и позднѣйшая западно-сербская графика (боснійско-герцоговинская по теперешнему наименованію этихъ земель), такъ отрицательно относилась къ іотаціи; она находилась, какъ въ прежнее время македонская, подъ сильнымъ вліяніемъ пріемовъ глаголической орѳографіи.

Согласимся ли напротивъ съ проф. Гейтлеромъ въ томъ, что уже въ самомъ началѣ глаголической письменности возлѣ ⰵ = ę существовало особое начертаніе для ję (извѣстное ⰵ съ кавычкою), и прибавимъ къ этому, согласно съ его мнѣніемъ, что глаголическая графика подражала образцамъ кирилловской,—то спрашивается, какимъ образомъ мы объяснимъ отсутствіе даже малѣйшей попытки выразить глаголическою графикою кирилловское ѥ, ꙗ? почему не видно въ глаголическихъ памятникахъ этого времени ни малѣйшаго стремленія передать на своемъ письмѣ то, что въ кирилл. памятникахъ столь просто и удобно передавалось черезъ ꙗ, ѥ, если дѣйствительно существовала такая зависимость глаголическаго правописанія отъ кирилловскаго? Нѣтъ, вы ея никогда и не докажете. Въ глаголицѣ сдѣланъ только одинъ шагъ для расширенія іотаціи за предѣлы ю, ѩ (т. е. глаголическихъ ⱓ—ⱗ): это случилось тогда, когда установили ⱗ въ значеніи ję, сокращеніе же его, т. е. вторую половину этого знака, ⰵ какъ ę.

Періодъ колебанія между є и ѥ замѣтенъ еще въ такихъ памятникахъ, какъ кіевскіе отрывки, пражскіе отрывки, отчасти даже зографское и маріинское евангеліе; онъ отражается на кирилловскомъ колеблющемся употребленіи ѧ и ѫ, которое естественно предшествовало появленію знака ѩ.

Съ признательностью принимаемъ новый вкладъ автора въ наши познанія, заключающійся въ томъ, что онъ сообщилъ нѣсколько драгоцѣнныхъ подробностей объ употребленіи нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ буквъ, какъ т, м, v, ɴ въ качествѣ заглавныхъ въ глаголическихъ памятникахъ. Но съ одной стороны онъ слишкомъ увлекается древностью памятниковъ, гдѣ это встрѣчается (эти памятники навѣрное не изъ древнѣйшихъ, напр. не ранѣе какъ изъ самого конца XI и начала XII вѣка), съ другой стороны онъ придаетъ слишкомъ много значенія единичнымъ примѣрамъ, когда на основаніи ихъ дѣлаетъ такой выводъ, что когда-то въ древнѣйшей глаголической графикѣ въ качествѣ заглавныхъ буквъ вездѣ были въ употребленіи греческіе или римскіе унціалы (т. е. безъ петлеобразныхъ украшеній). Для того, чтобы придать нѣкоторую вѣроятность этому взгляду, надо бы открыть больше слѣдовъ упомянутаго употребленія, между тѣмъ, какъ извѣстно, въ такихъ замѣчательныхъ, объемистыхъ и древнихъ памятникахъ, какъ зографское, маріинское, ассеманово евангеліе, ни одного примѣра нѣтъ.

Возвращаясь еще разъ къ буквѣ ѩ, я долженъ сказать, что если авторъ даетъ предпочтеніе, въ смыслѣ первенства, начертанію этой буквы, встрѣчающемуся въ ассеман. евангеліи, передъ всѣми остальными, то это чисто субъективный взглядъ его, основанный не на какихъ либо палеографическихъ соображеніяхъ, а на его теоріи. Онъ дѣлаетъ это, очевидно, съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, чтобы тѣмъ легче получить «албанскую» составную часть, между тѣмъ какъ въ пользу моего объясненія говоритъ согласіе всѣхъ остальныхъ рукописей, не исключая и ассеманова евангелія.

Наконецъ, стоя подъ вліяніемъ своей теоріи, авторъ въ объ-

ясненіи индивидуальныхъ чертъ отдѣльныхъ буквъ иногда идетъ рѣшительно слишкомъ далеко. Нигдѣ это не поразило меня такъ какъ при кирилловский буквѣ ћ = глагол. ⰿ. Здѣсь онъ идетъ такъ далеко, что не стѣсняется выводить различныя видоизмѣненія одной и той же буквы ћ то изъ ᴦ, то изъ ц, то изъ греческ. Υ. Буква ћ несомнѣнно боснійская, слѣдовательно типъ ея, заключающійся въ древнѣйшихъ боснійскихъ грамотахъ, слѣдуетъ положить въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ развѣтвленій. Я держусь того мнѣнія, которое, вѣроятно, высказали уже и другіе, что боснійское ћ или ⰼ есть не болѣе, какъ новообразованіе по образцу глаголическаго ⰿ.

Заключеніе.

Рѣшившись на критическій разборъ послѣдняго обширно изложеннаго сочиненія о происхожденіи славянскихъ письменъ, я по неволѣ долженъ былъ подчиниться ходу доказательствъ его и слѣдить за его порядкомъ изложенія. Для читателя, не вполнѣ знакомаго со всѣми подробностями даннаго вопроса, это выходитъ нѣсколько неудобно; онъ предпочелъ бы узнать личный взглядъ автора безъ примѣси критики и полемики. Но дѣло въ томъ, что рѣшеніе этого, какъ и многихъ другихъ вопросовъ, только мало по малу идетъ впередъ и приближается къ окончательной развязкѣ не безъ извѣстной доли участія и тѣхъ, всѣхъ выводовъ которыхъ критика не принимаетъ. Не обращать вниманія можно только на то, что въ изслѣдованіе даннаго вопроса не внесло ничего новаго, а о серьёзномъ трудѣ проф. Гейтлера никакъ нельзя этого сказать. Да и автору, посвятившему много усилій рѣшенію поставленной себѣ задачи, конечно желательно, чтобы не обходили труда его молчаніемъ, чтобы понимающіе его стремленіе и интерессующіеся имъ, высказали, на сколько считаютъ возможнымъ раздѣлять его взгляды, гдѣ же ихъ согласіе прекращается и по какимъ причинамъ. Вотъ почему я, вызванный бѣглыми замѣчаніями о. Амфилохія и проф. Всев. Миллера, вошелъ въ подроб-

ный разборъ сочиненія проф. Гейтлера, при этомъ же конечно не остановился только на отрицательной сторонѣ, но прибавилъ и мои положительныя объясненія, большая часть которыхъ у меня сложилась уже давно (ср. Archiv für slav. Philologie IV. 315—6).

Изъ самого разбора видно, что я прежде всего отдаю полную справедливость попыткѣ автора объяснить происхожденіе обоихъ славянскихъ письменъ безъ непосредственнаго вліянія на нихъ восточныхъ алфавитовъ. Я отвергаю вмѣстѣ съ Гейтлеромъ и И. Тэйлоромъ участіе въ глаголицѣ или кириллицѣ какихъ бы ни было письменъ еврейскихъ, эѳіопскихъ или сассанидскихъ, и т. д. Но я отступаю отъ мнѣнія Гейтлера въ томъ, что не нахожу въ глаголическомъ письмѣ вообще никакихъ другихъ элементовъ кромѣ греческаго курсивно-минускульнаго письма. Мнѣ не кажется нужнымъ прибѣгать за объясненіемъ нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ къ письму латинскому (римскому курсиву), какъ это дѣлаетъ проф. Гейтлеръ; по этому не нуждаюсь и въ посредничествѣ албанскомъ. Устраняя всякое участіе латинскаго курсива и албанскаго алфавита, въ основномъ взглядѣ на происхожденіе глаголицы я схожусь съ И. Тэйлоромъ, т. е. съ его мнѣніемъ, высказаннымъ въ моемъ журналѣ (Archiv V. 191 и слѣд.) и повтореннымъ въ его сочиненіи The Alphabet an account of the Origin and Development of Letters, by Isaac Taylor, Vol. II. p. 195 — 207. Однакожъ я отступаю отъ него въ разныхъ частностяхъ, какъ напр.

по Тэйлору	по моему
Ⱎ = греч. β	Ⱎ = μβ
Ⱍ = τσ	Ⱍ = ϑϑ
Ⰼ = δι или τι	Ⰼ = γι
Ⱌ = τσ, собств. στ	Ⱌ = греч. z
Ⰺ = ει	Ⰺ = η
Ⰹ = η	Ⰹ = ϊ
Ⱆ = υο	Ⱆ = Ⰹο

по Тэйлору	по моему
·8 = οȣ, οει	·8 = э съ знакомъ ⊢
·8 = εει	·8 = ȣ съ знакомъ ⊢
·є = εν	·є = ꝑ
эє = εεν	эє = эꝑ
эє = οεν	эє = эꝑ

Я признаю основательность требованія, впервые проводимаго въ изслѣдованіи проф. Гейтлера, не выходить въ нашихъ объясненіяхъ изъ рамки того письма, которое разъ нами положено въ основаніе палеографическихъ соображеній. Но я стараюсь быть въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе, чѣмъ авторъ албанской теоріи. Я устраняю изъ глаголицы всякое вліяніе греческаго унціальнаго письма, на сколько оно разнится отъ курсивно-минускульнаго. По этому я не считаю ш занесеннымъ прямо въ кириллицу, гдѣ оно изъ греческаго унціальнаго письма не объяснимо, а въ глаголицу, потому что на нее указываетъ греческое минускульное σσ; или же ⱋ не произвожу изъ ϒ, гдѣ оно опять не объяснимо изъ греч. унціала, а наоборотъ начинаю объясненіе съ глаголицы, потому что на нее указываетъ греческое минускульное τσσ. Не смѣю и не хочу скрывать, что пока еще не поддается для меня удовлетворительному объясненію ѧ.

Я соглашаюсь съ авторомъ и въ томъ, что глаголица и кириллица не вошли въ употребленіе въ то же время, ни въ той же мѣстности, хотя въ нихъ видна зависимость другъ отъ друга. Но въ дальнѣйшемъ мы уже сильно расходимся.

Онъ полагаетъ, что сначала, т. е. послѣ принятія христіанства, у славянъ жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Болгаріи и далѣе на югъ, было въ употребленіи греческое унціальное письмо, у славянъ же жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Македоніи, въ сосѣдствѣ съ албанцами, — албанское письмо, т. е. зародышъ глаголицы.

Я же убѣжденъ, что нынѣшняго албанскаго письма тогда еще вовсе и не было, и что всѣ славяне балканскаго полуострова,

въ предѣлахъ господства византійской образованности и греческой культуры—безъ различія употребляли греческое унціальное и курсивное письмо для передачи славянскихъ словъ, поскольку имъ приходилось писать (вообще несомнѣнно не часто, развѣ подписать иногда свое имя, записать какое нибудь славянское названіе мѣстности и т. д.).

Проф. Гейтлеръ, не обращая вниманія на то, что Кириллъ и Меѳодій происхожденіемъ были изъ Македоніи, стало быть по его теоріи должны бы знать албанское письмо, полагаетъ, что Константинъ философъ, слѣдуя общему примѣру, писалъ греческимъ унціальнымъ письмомъ «безъ устроенія», чтобы употребить слово черноризца Храбра, т. е. онъ полагаетъ, что Константинъ философъ писалъ славянскій переводъ евангелія греческими унціальными буквами, нынѣшнею кириллицею, въ которой кромѣ обыкновенныхъ греческихъ буквъ существовали еще только є, ш = ω, ү и ц = υ, ѧ и ѫ, но въ его азбукѣ не было ж, не было ъ, ь, ъı, ѣ. Какъ онъ передавалъ славянскіе звуки, обозначаемые обыкновенно этими знаками, у Гейтлера не сказано.

Я же утверждаю, что такой взглядъ на дѣло Константина философа уроняетъ значеніе его, обрисованное довольно наглядно въ отзывахъ его современниковъ. Переносить центръ тяжести изъ предѣловъ Моравіи и Панноніи въ Македонію, съ дѣятельности Константина и брата его Меѳодія на Климента, значитъ отвергать безъ нужды многочисленныя свидѣтельства историческія и не признавать данныхъ заключающихся въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности. На основаніи послѣднихъ, согласно съ историческими свидѣтельствами, мы имѣемъ полное право утверждать, что заслуга Константина философа именно въ томъ и заключалась, что онъ бывшему до тѣхъ поръ шаткому и неопредѣленному употрѣбленію греческихъ буквъ для славянскихъ звуковъ поставилъ предѣлъ, то что до тѣхъ поръ употреблялось безъ устроенія, онъ привелъ въ стройную систему. Кой-какіе пріемы или привычки орѳографическія могли существовать уже раньше, напр. могъ существовать обычай переда-

вать нашъ *ш* черезъ σσ, нашъ *ч* черезъ τσσ, нынѣшній *ъ* чересъ *о*; но безъ значительнаго личнаго участія въ этомъ дѣлѣ Константина философа не обошлось. Онъ не былъ только регистраторомъ, а настоящимъ реформаторомъ греческаго письма въ пользу славянской рѣчи, ему обязано славянское письмо не только полнотою въ графической передачѣ всѣхъ звуковъ, но и составленіемъ особаго почерка, т. е. послѣдовательно проведеннаго стиля, имѣвшаго, какъ мы сейчасъ скажемъ, роковыя послѣдствія для его письма.

Какія письмена вышли изъ этой дѣятельности Константина философа? Общее употребленіе письма кирилловскаго втеченіе многихъ столѣтій у громаднаго большинства славянскихъ народовъ указываетъ конечно прежде всего на кириллицу. Научное изслѣдованіе нашего столѣтія на этомъ не останавливается. Критическій разборъ древнѣйшихъ памятниковъ и палеографическій характеръ обоихъ письменъ свидѣтельствуютъ, что при нынѣшнихъ источникахъ нашихъ свѣдѣній весь вопросъ проще и удачнѣе разрѣшается, если считать древнѣе глаголицу. Она— такое же греческое письмо, какъ и кириллица, только почеркъ ея вышелъ сложнѣе отчасти отъ того, что она образовалась на курсивноминускульномъ греческомъ письмѣ, отчасти же отъ большой послѣдовательности стилистической, въ которой и высказалась значительная личная дѣятельность Константина философа.

Не желаю здѣсь повторять того, что изложено выше на стр. 148—164, но спрошу только, не проще ли производить глаголическое ш изъ удвоеннаго курсивноминускульнаго σσ, чѣмъ кирилловское ш изъ греческаго ω? не проще ли полагать, что тотъ кто для нашего ш выбралъ удвоенное ss, и для нашего ж остановился на удвоенномъ zz, чѣмъ искать для ж или ж объясненія въ какой-то несуществующей буквѣ албанской? не проще ли глаголическое ч производить изъ тш (т. е. τσσ), чѣмъ кирилловское ч изъ греческаго υ? не естественно ли полагать, что для глухого звука ъ вниманіе реформатора остановилось на установленномъ уже знакѣ для о съ прибавкою какого нибудь діакритическаго значка,

а этому соображенію поддается именно глаголическое ⰵ, петличка котораго напоминаетъ греческій spiritus asper девятаго вѣка.

Но строго проведенная правильность стилистическая удалила это первое славянское письмо слишкомъ далеко отъ его греческаго прототипа. Узкій союзъ Болгаріи съ Византіею начиная съ конца IX-го вѣка, полная духовная и культурная зависимость первой отъ послѣдней, не могли не возбудить желанія болѣе сблизиться съ Византіею и въ письмѣ. Это и сдѣлано вскорѣ послѣ введенія христіанства и славянскаго богослуженія въ Болгаріи. Кѣмъ и когда,—это пока неизвѣстно, по моимъ соображеніямъ въ царствованіе Симеона, его сподвижниками. Но сдѣлано это такъ, что прежнее письмо не было тотъ часъ же заброшено; его считали своимъ, относились къ нему безъ вражды и безъ подозрѣнія. Доказательствомъ служатъ многія очень древнія кирилловскія приписки въ древнѣйшихъ глаголическихъ рукописяхъ, которыхъ не было бы, если бы не читали глаголическихъ рукописей и тѣ, кто въ свою очередь болѣе привыкъ писать буквами кирилловскими. Окончательная побѣда кириллицы совершилась съ принятіемъ христіанства русскими славянами. Близкія сношенія кіевскихъ князей съ Константинополемъ заставили бы послѣднихъ дать предпочтеніе кириллицѣ какъ письму, въ которомъ яснѣе проглядываетъ характеръ греческій, и тогда, если бы вопросъ, которыя изъ обоихъ письменъ получатъ перевѣсъ, не былъ уже въ Болгаріи рѣшенъ въ пользу кириллицы. «Аще ли кто речеть ꙗко нѣсть оустроилъ добрѣ, понеже сѧ постраꙗѭть и еще, отвѣтъ речемъ симъ: оудобѣе есть послѣжде потворити, неже пръвое сътворити» говоритъ черноризецъ Храбръ и этими словами защищаетъ Константина философа энергичнѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать я, если бы кому пришло въ голову въ моей аргументаціи видѣть неуваженіе къ памяти нашего великаго просвѣтителя.

ДЛЯ ПОЯСНЕНІЯ ПРИЛАГАЕМЫХЪ ТАБЛИЦЪ.

Въ первомъ столбцѣ таблицы I и II собраны мною снимки изъ различныхъ греческихъ рукописей курсивнаго и минускульнаго письма VIII—X стол. Для этой цѣли я воспользовался вопервыхъ матеріаломъ, доступнымъ въ такихъ пособіяхъ, какъ палеографія Монфокона, Exempla codicum graecorum ed. Wattenbach et von Velsen, Scripturae graecae specimina ed. Wattenbach, въ особенности же великолѣпныя таблицы лондонскаго Palaeographical Society (двѣнадцать выпусковъ); вовторыхъ богатымъ собраніемъ греческихъ рукописей Импер. публичной библіотеки, въ числѣ которыхъ я обращалъ особое вниманіе на замѣчательное порфиріевское евангеліе 835 года и на великолѣпное золотомъ писанное минускульное евангеліе X вѣка № 51. Я бралъ добросовѣстно не только такія буквы, которыя мнѣ могли показаться близко подходящими и подтверждающими высказанныя въ статьѣ соображенія, но и тѣ, которыя безъ всякой задней мысли найдены въ моихъ источникахъ какъ вѣрное отраженіе обыкновеннаго почерка тѣхъ рукописей. Цѣль моя не была, какъ и не должна была быть, преувеличивать или прикрашивать. Все что этотъ первый столбецъ изображаетъ собою, передаетъ вѣрно инвентарь моихъ источниковъ, и за исключеніемъ трехъ-четырехъ случаевъ, гдѣ надо были буквы уменьшить, въ подлинной величинѣ.

Во второмъ столбцѣ таблицы I II и III представлены снимки глаголическаго письма по отрывкамъ кіевскимъ, по зографскому и маріинскому евангеліямъ (изъ этихъ трехъ памятниковъ я могъ брать матеріалъ по подлинникамъ), по ассеманову евангелію и клоцову сборнику (изъ двухъ послѣднихъ по таблицамъ приложеннымъ къ сочиненію проф. Гейтлера). Я старался вѣрно передать всѣ мелочи почерка каждой буквы, но общее начертаніе исполнено менѣе крупными штрихами, чѣмъ они выходятъ наружу въ подлинникѣ. Это сдѣлано для того, чтобы въ контурахъ уравнить глаголическія буквы греческимъ.

Въ третьемъ столбцѣ изображенъ почеркъ кирилловскаго письма по двумъ замѣчательнымъ памятникамъ, принадлежащимъ несомнѣнно къ древнѣйшимъ остаткамъ этой письменности: по сборнику супрасльскому и отрывку житія Кондрата. Буква ѣ заимствована изъ грамоты Кулина бана, находящейся въ библіотекѣ Импер. академіи наукъ.

Въ четвертомъ столбцѣ представленъ почеркъ греческаго унціальнаго письма IX—X-го вѣка, преимущественно по снимкамъ изъ греческой рукописи 967 года, такъ называемаго хоривскаго евангелія синайскаго монастыря (изъ альбома синайскихъ видовъ и древностей проф. Кондакова, тибл. 79—81) и отчасти по порфиріевской псалтыри 862 года.

На третьей таблицѣ послѣ сравнительнаго алфавита греко-славянскаго, прибавлены двѣ строки латинскаго курсива съ цѣлью показать, что онъ несравненно далѣе отстоитъ отъ глаголицы, чѣмъ греческое курсивное и минускульное письмо. Эти строки сняты съ таблицы 2-ой и 28-ой лондонскаго Palaeographical society: Papyrus Ravenna a. D. 572, съ таблицы 68-ой того же изданія: S. Avitus 6 cent., съ таблицы 119-ой: Thierry of France 679—680, и изъ Monumenta graphica medii aevi съ текстовъ VIII столѣтія (табл. I. 5, IV. 3). Въ этихъ двухъ строкахъ размѣръ письма подлинника отчасти надо было нѣсколько уменьшить.

Въ самомъ концѣ третьей таблицы осталось еще столько свободнаго простору, чтобы изъ снимковъ, приложенныхъ къ сочиненію проф. Гейтлера, вынуть часть буквъ алфавита албанскаго.

	Греческія курсивныя и минускульныя буквы VIII–IX–X стол.	Глаголическія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X–XI стол.	Кирилловскія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X–XI стол.	Греческія унціальныя буквы IX–X стол.
α			А А А А ІА ІА	А А
μ μρ χμπε συμβολ			Б Б Б	Б Б Б Б
β			В В В	В
γ γο ογ μεγα			Г Г Г	Г
δ δα δια δο			Д Д	Д
ε δε τε			Є Є Є Є Є ІЄ ІЄ	Є Є
ϑε			Ж Ж Ж Ж	
ϑ ϑο			Ѳ Ѳ	Ѳ
ζ			Ꙁ Ꙁ Ꙁ Ꙁ	Ꙁ
ʒ			Ч Ч Ч Ч	
ι			І І	І
η ης			Н Н Н	Н

Лит. К. де Кастеллан В. О. 11 лин. №22. С.П.Б.

	Греческія курсивныя и минускульныя буквы VIII—IX—X стол.	Глаголическія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X—XI стол.	Кирилловскія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X—XI стол.	Греческія унціальныя буквы IX—X стол.
γ			ћ	
κ			К К К	К
λ			Л Л Л	Λ Λ
μ			М М М М М	М
ν			Н Н	Н
ο			О О О	о
π			П П	п
ρ			Р Р Р Р	ρ
σ			С С С	С С
τ			Т Т Т	Т
ου			оу оу оу	оу
φ			Ф Ф	Φ
χ			Х Х Х	Х
ω			ѡ ѡ	ω
			Ш Ш Щ Ч Ч Ч Ч Ч Ч	

Глаголическія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X–XI стол.	Кирилловскія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X–XI стол.	Греческія унціальныя буквы IX–X стол.

Латинскія буквы курсивнаго письма VI–VIII стол.

at · ara · on · a · it · possi · pro · t · sign · d

en · es · eu · receptiion · noster · steluil

abyssus · mens · penetrat · rabiliter · urguem

Нѣсколько Албанскихъ буквъ

u e n ń r a x c v t ć k r dh m j gh t d b mb p c dz ä z n

Лит. К. де Кастелли. В. О. 11 лин. №22. С. П. Б.